

Владимир Парамонов
Алексей Строков
Олег Столповский

ПОСЛЕДНИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАНС РОССИИ: ОСВОЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ОБОРОНА ВНУТРЕННЕЙ ЕВРАЗИИ

Китай в Центральной Азии:
политика, экономика, безопасность

Содержание

Введение	5
Период расцвета Великого шелкового пути	6
Период заката Великого шелкового пути	8
 Глава I. Внешняя политика Китая	14
Основные тезисы	14
Первый этап (период 1992–1995 годов)	17
Второй этап (период 1996–2001 годов)	24
Третий этап (2001 год – настоящее время)	31
Выводы	38
 Глава II. Политика Китая в сфере безопасности	42
Основные тезисы	42
Фактор распада СССР	45
Фактор нестабильности Афганистана	62
Фактор усиления присутствия США	72
Выводы	80
 Глава III. Экономическая политика Китая	82
Основные тезисы	82
Торгово-экономическая политика	87
Кредитно-финансовая политика	91
Проектно-инвестиционная политика	92
Институциональная политика	94
Казахстан	96
Кыргызстан	99
Таджикистан	102
Туркменистан	106
Узбекистан	109
Выводы	111
 Заключение	115
Основные проблемы	115
Основные рекомендации	121

Приложения	127
Приложение 1. Китайские проекты в Казахстане	127
Приложение 2. Китайские проекты в Кыргызстане	139
Приложение 3. Китайские проекты в Таджикистане	145
Приложение 4. Китайские проекты в Туркменистане	149
Приложение 5. Китайские проекты в Узбекистане	156

Информация об авторах	166
Другие книги авторов.....	167
Запланированные к публикации книги авторов	171
Контактная информация	171

Введение

С точки зрения современности началом процесса китайского проникновения в Центральную Азию (ЦА)¹ принято считать распад СССР – дезинтеграцию единого экономического, политического и оборонного пространства Советского Союза, в результате чего на обширных территориях Евразии возник так называемый геополитический и геоэкономический вакуум, который стал заполняться ведущими глобальными и региональными игроками (центрами силы), в том числе и Китайской Народной Республикой (КНР). Однако, с точки зрения истории китайское проникновение в Центральную Азию все же следует рассматривать именно через призму «возвращения Китая в регион», тем более, что китайско-центральноазиатские отношения насчитывают не менее двух тысяч лет, отчетливо высвечивая два важных периода:

- период расцвета Великого шелкового пути;
- период заката Великого шелкового пути.

Рассмотрим все это концептуально-схематично².

---

¹В советское время регион назывался «Средняя Азия и Казахстан». Сегодня под «Центральной Азией» понимается пространство в центральной части Евразии, куда входят пять государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, образовавшиеся в результате распада СССР и обретения национальной независимости в 1991 году. Данное определение является в достаточной степени условным, так как неполно учитывает ряд географических и иных особенностей. Вместе с тем оно справедливо с учетом известной общности развития названных стран в обозначенных границах в советский период времени, сохранения пятью государствами достаточно тесных связей между собой и высокого уровня взаимовлияния на внутри- и внешнеполитические, экономические и иные процессы друг у друга. В исторической ретроспективе под «Центральной Азией» условно подразумеваются и те национально-государственные образования, которые находились в то время на территории современной Центральной Азии.

²С одной стороны, подобный аналитический подход позволяет максимально приблизиться к осмыслению принципиально важных элементов истории, а следовательно, современности и возможного будущего. С другой стороны, данный подход предполагает высокую степень условности основных формулировок (и тезисов, и аргументов): требует «спрессовать» / «сжать» историю (описав ее кратко, выделив самое главное и пожертвовав второстепенным), и,

Период расцвета Великого шелкового пути

Данный период начался примерно во II веке до нашей эры, когда сформировалась трансевразийская система сухопутного торгового транзита, и продолжался около восемнадцати столетий, вплоть до конца XVI века, став тем самым наиболее длительным в истории отношений между Китаем и Центральной Азией. Китайское присутствие в регионе (пусть и опосредованное) и китайско-центральноазиатские связи носили в основном торгово-экономический характер, а вопросы политики и безопасности, хотя и имели важное значение, однако, в целом были вторичны по сравнению с вопросами экономики.

Во-первых, в экономическом плане в период расцвета Великого шелкового пути государственные образования, расположенные на территории современной Центральной Азии, служили торгово-транспортным мостом между Европой и Азией, а сухопутный транзит был главным локомотивом экономического развития и научного прогресса региона, а также смежных внутренних пространств Евразии.

Во-вторых, в плане безопасности китайско-центральноазиатские связи имели достаточно важное, хотя и крайне неоднозначное влияние на всю систему международных отношений того времени. С одной стороны, эти связи были органично «вплетены» в борьбу за контроль над различными сегментами сухопутных торговых коммуникаций. С другой стороны, и правители Китая, и правители Центральной Азии прилагали максимум усилий для обеспечения безопасности самих торговых потоков³.

одновременно, проводя некую грань между вопросами политики, экономики и безопасности. Тем более, что самой этой грани в реальности не существует, учитывая высокую «плотность» исторического процесса, объективную взаимозависимость, взаимопроникновение и взаимовлияние политики, экономики и безопасности.

³В период существования Великого шелкового пути Китай, Центральную Азию и смежные пространства (как и весь мир того времени) раздирали смуты и войны. По этой причине безопасность торговых потоков была ключевым вопросом, стоявшим на повестке дня двусторонних и многосторонних отношений, так как в развитии международной торговли были крайне заинтересованы все государственные образования, по территории которых проходили караван-

В-третьих, в политическом плане китайское присутствие в регионе, как и собственно взаимовлияние Китая и Центральной Азии друг на друга, были минимальными, не вели к их «геополитическому сращиванию»⁴, равно как и к формированию между ними союзнических отношений. Центральноазиатский регион выполнял две диаметрально противоположные функции во взаимодействии между Китаем и другими цивилизациями, государствами, нациями, культурами и конфессиями: посредническую и буферную. Подобная двойственность отношений во многом была обусловлена значительной географической удаленностью центров политической жизни Китая и Центральной Азии, сильным различием их культур и религий.

ные маршруты. Например, в XIII и XIV веках значительную часть Великого шелкового пути контролировали четыре крупные государственные образования: империя династии Юань, «центральноазиатская империя» (в XIII и начале XIV века – Джагатайский улус, а в конце XIV века – империя Амира Темура), империя династии Хулагидов и Золотая Орда. Эти государственные образования, хотя и конкурировали между собой, стремясь взять под контроль как можно большие участки Великого шелкового пути, одновременно все же умели договариваться по принципиально важным вопросам обеспечения порядка на его магистральных участках.

⁴Некоторым исключением в данном плане является примерно вековой период времени, включающий вторую половину VII века и первую половину VIII века, когда империя династии Тан фактически контролировала значительную часть центральноазиатского сегмента Великого шелкового пути. Однако к середине VIII века большая часть Центральной Азии попала под контроль Арабского халифата. В 751 году китайская армия потерпела поражение от арабской в Таласской битве (вблизи современного Тараза – административного центра Жамбылской, бывшей Джамбульской области Казахстана), после чего Китай утратил недолгое геополитическое влияние в регионе, а сама Центральная Азия с этого времени стала составной частью Исламского мира.

Период заката Великого шелкового пути

С конца XVI века стремительное развитие морских транспортных перевозок в эпоху Великих географических открытий привело к переориентации мировой торговли с сухопутных маршрутов на морские, вызвав тем самым тектонические сдвиги во всей системе международных отношений. Как в плане экономики, так и в плане политики и безопасности кардинально возросло значение морских коммуникаций и приморских территорий Евразии, а значение внутренних пространств существенно уменьшилось.

И хотя в период XVII–XIX веков (по мере освоения приморских территорий в ходе колониальных кампаний того времени) значение внутренних пространств Евразии в определенной степени также росло, однако в экономическом плане оно так и не приблизилось к значению приморских. Даже несмотря на имевшую место в XIX–XX веках тесную экономическую интеграцию значительных территорий внутренней Евразии в составе Российской империи, а затем – СССР, научно-технический прогресс и глобализацию, магистральные направления мирового экономического развития и сотрудничества вплоть до настоящего дня по-прежнему тесно связаны с морским транспортом, а основные промышленные центры расположены в непосредственной близости от морских коммуникаций, главных артерий глобальной торговли.

В итоге, уже на протяжении более четырех столетий сухопутный транзит между Европой и Азией, а также, собственно, между Центральной Азией и Китаем находится в состоянии глубокого упадка, что еще в конце XVI века вызвало принципиальные изменения характера китайского присутствия в регионе и формата китайско-центральноазиатского взаимодействия.

Во-первых, в экономическом плане вместе с закатом Великого шелкового пути и масштабным свертыванием сухопутных торговых отношений между Европой и Азией были прерваны транспортно-коммуникационные, производственные, научные и иные связи между

Китаем и Центральной Азией⁵. Сам же центральноазиатский регион и смежные с ним внутренние пространства Евразии на долгое время оказались в состоянии экономико-географической изоляции. Хотя в результате вхождения в состав Российской империи, а затем – СССР, Центральная Азия частично преодолела эту изоляцию, однако ее экономические связи с Китаем вплоть до распада Советского Союза оставались на крайне низком уровне, а роль региона в качестве торгово-транспортного моста между Европой и Азией так и не была восстановлена.

Во-вторых, по мере заката торговли вдоль Великого шелкового пути в китайско-центральноазиатских отношениях стала нарастать и политическая напряженность. Как представляется, это во многом было связано с тем, что сильное влияние народов региона на национальное самоопределение уйгуров и других этносов в корне противоречило геополитическим интересам Китая, вынуждая его предпринимать решительные действия по установлению контроля над приграничными с Центральной Азией территориями, на которые распространялось китайское влияние. Поэтому, в силу закономерного в данных условиях политического размежевания, центральноазиатский регион сохранил за собой лишь буферную функцию во взаимодействии Китая с другими цивилизациями, государствами, нациями, культурами и конфессиями, однако практически полностью утратил посредническую. В результате с конца XVIII века, после включения Восточного Туркестана в состав Китайской империи⁶, китайско-центральноазиатские политические связи были практически свернуты. В период же вхождения региона в состав Российской империи и СССР все политические вопросы стали предметом сначала российско-китайских, а затем и советско-китайских отношений.

---

⁵Хотя караванная торговля между Китаем и Центральной Азией продолжалась вплоть до конца XVIII века, однако ее масштабы уже были незначительными.

⁶В 1760 году под натиском китайско-маньчжурских войск уйгуры лишились независимости, а территория Восточного Туркестана, войдя в состав Китая, стала называться Синьцзяном, что в переводе с китайского языка означает «новая граница».

В-третьих, в условиях кардинального снижения значимости экономических отношений закономерным стал пересмотр Китаем и Центральной Азией ключевых принципов взаимодействия между собой в сфере безопасности: в сторону все большего восприятия друг друга в качестве потенциальных противников и источников угроз. Особо острые формы это стало приобретать с конца XVIII века, после включения Восточного Туркестана (современного Синьцзяна) в состав Китайской империи⁷. Начиная же со второй половины XIX века, когда центральноазиатский регион вошел в состав Российской империи⁸, и тем более в период существования СССР, все вопросы безопасности стали предметом сначала российско-китайских, а затем советско-китайских отношений. Это, кстати, значительно смягчило и саму остроту противоречий между Китаем и Центральной Азией⁹.

---

⁷В то время приграничное с Китаем Кокандское ханство особенно активно поддерживало уйгуров. Это вынудило Китай фактически свернуть отношения с Центральной Азией и сосредоточиться на вопросах обеспечения безопасности своих западных рубежей, превратив их в форпост на границе с центральноазиатским регионом. Справка: Кокандское ханство образовалось в 1710 году в результате отделения от Бухарского эмирата, включало в себя значительные части территорий современных Кыргызстана, Таджикистана, восточную часть Узбекистана, а также юго-восточную часть Казахстана.

⁸Во второй половине XIX века Россия и Китай определялись в зонах своей ответственности. Процесс российско-китайского пограничного размежевания протекал мирным путем и в основном завершился к середине 80-х годов XIX века.

⁹В конце XIX века Центральная Азия по сути стояла на грани войны с Китаем, последствия которой могли бы быть катастрофичны, в первую очередь для самого региона. В 1876–1877 годах в Кашгарской провинции (современный СУАР) в результате восстания местных мусульман была свергнута китайская власть. Лидер восставших Якуб-бек (выходец из Кокандского ханства) провозгласил образование независимого исламского государства Йеттишаар. В этой ситуации Россия, откликнувшись на просьбу Китая о помощи, ввела войска в Кашгарскую провинцию, разгромила силы Якуб-бека и в течение 1877–1881 годов удерживала данную провинцию под своим управлением. В 1881 году, согласно Петербургскому договору, Россия и Китай достигли договоренность о территориальном размежевании, после чего Россия вывела войска из Кашгарской провинции, передав ее Китаю.

В целом, концептуально-схематичный анализ основных этапов присутствия Китая в Центральной Азии, равно как и китайско-центральноазиатских отношений позволяет сделать следующие, как представляется, принципиально важные выводы.

Во-первых, с точки зрения истории именно сухопутный транзит между Европой и Азией долгое время был главным локомотивом экономического развития и научного прогресса во внутренних пространствах Евразии, включающих Центральную Азию, значительные территории Китая, а также ряда других стран/регионов. По сути сухопутный торговый транзит выступал в качестве системообразующего элемента формирования в центре Евразии более устойчивых, стабильных и предсказуемых схем международного сотрудничества в сферах экономики, политики и безопасности. Поэтому следует предположить, что без восстановления торгового транзита по трансевразийским сухопутным коммуникациям не может быть и речи о выстраивании такой схемы межгосударственных отношений, которая отвечала бы интересам и одновременно стала бы гарантом комплексного, динамичного и долгосрочного развития внутренних пространств континента, в том числе стран Центральной Азии, Китая и России.

Во-вторых, с точки зрения современности более чем вековое совместное сосуществование России и Центральной Азии в рамках единых государственных образований объективно делает историческое наследие российско-центральноазиатских отношений более значимым и весомым по сравнению с наследием китайско-центральноазиатских отношений. И хотя с момента распада СССР геоэкономическая и геополитическая взаимозависимость между Российской Федерацией (РФ) и Центральной Азией существенно ослабла¹⁰, тем не менее, по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективах китайское присутствие в регионе, как и собственно китайско-центральноазиатские отношения, не могут быть концептуально оценены вне российского контекста.

---

¹⁰Тем более, что и Россия, и страны Центральной Азии в постсоветское время прикладывали немало усилий для того, чтобы избавиться от этой взаимозависимости.

В-третьих, с точки зрения будущего базовая формула прогресса и процветания внутренних пространств Евразии может быть найдена в институциональных рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – единственной структуры, объединяющей РФ, КНР и страны ЦА¹¹. При этом есть все основания полагать, что системный прорыв в комплексном развитии ШОС и всех государств-членов данной Организации может быть достигнут не иначе как за счет консолидации усилий России, Китая и стран Центральной Азии по совместному освоению, развитию и обороне внутренних пространств Евразии, и, в первую очередь, всемерному повышению их транзитного значения в условиях интенсификации взаимодействия между Европой и Азией в сферах экономики, политики и безопасности. Поэтому, помимо укрепления ШОС, это требует выстраивания устойчивых каналов диалога и взаимодействия между Шанхайской организацией сотрудничества и Европейским Союзом (ЕС), масштабной координации их усилий в плане освоения, развития и обороны своих сегментов Евразии.

* * *

С распадом СССР и обретением в 1991 году странами Центральной Азии национальной независимости, казалось бы, вновь открылись исторически уникальные перспективы для многопланового межгосударственного сотрудничества на пространствах внутренней Евразии, экономической основой чего стал бы восстановленный Великий шелковый путь – сухопутный торговый транзит между Европой и Азией.

Однако так ли это на самом деле? Как представляется, на сегодняшний день это далеко не так. Хотя распад Советского Союза и привел к значительному усилению присутствия Китая в Центральной Азии и интенсификации китайско-центральноазиатских отношений в целом, в то же время он «автоматически» не вызвал реабилитацию трансевразийского сухопутного транзита, равно как и формирование устойчивой схемы межгосударственных отношений в центре Евразии. В итоге, пе-

---

¹¹Несмотря на то, что Туркменистан де-юре не является членом ШОС (в отличие от остальных стран Центральной Азии), однако де-факто он гармонично вписан в систему отношений между странами-членами Организации.

риод заката Великого шелкового пути вовсе не завершен, а системные проблемы и противоречия, в том числе в отношениях между КНР и странами ЦА так и не преодолены.

В этом плане характерно, что и другие важные центры силы на континенте, в первую очередь такие, как РФ и ЕС, не только не предпринимают согласованных действий для решения существующих во внутренней Евразии проблем, но и, более того, своей современной политикой лишь способствуют их обострению: Россия особо не торопится использовать свое выгодное географическое положение для развития сухопутного транзита между Европой и Азией, а Евросоюз делает основную ставку на развитие трансевразийских транспортных коридоров в обход России.

Как представляется, именно через призму изложенных выше концептуально-схематических выводов и следует рассматривать характер современного присутствия Китая в Центральной Азии и складывающийся формат китайско-центральноазиатских отношений в сферах политики, экономики и безопасности.

Глава I. Внешняя политика Китая

Основные тезисы

- На протяжении более 130 лет Центральная Азия, являвшаяся составной частью сначала Российской империи, а затем Советского Союза, рассматривалась Китаем лишь в контексте общего комплекса китайско-российских и китайско-советских отношений. Внезапный распад СССР и появление в центральноазиатском регионе независимых государств стало полной неожиданностью для Пекина, который столкнулся с необходимостью формирования совершенно нового вектора своей политики. Поэтому в начале 90-х годов XX века Китайская Народная Республика не была готова к проведению активной внешнеполитической линии в Центральной Азии. В силу соображений стратегического характера и учитывая неопределенность дальнейшего развития ситуации в самом центральноазиатском сегменте постсоветского пространства, Китай попытался дистанцироваться от «внутренних проблем» региона и сосредоточиться на первоочередных вопросах обеспечения безопасности приграничных с Центральной Азией китайских территорий.
- Во второй половине 90-х годов Китай заметно усилил свою активность на центральноазиатском направлении, повышение значимости которого во многом было продиктовано растущей обеспокоенностью Пекина комплексом проблем безопасности и социально-экономического развития западных территорий КНР. При этом, реально оценивая собственные, тогда явно ограниченные возможности, Китай для реализации целей своей политики в Центральной Азии сделал ставку на тандем с Россией. Результатом этого стало создание «Шанхайской пятерки», а затем – Шанхайской организации сотрудничества. Таким образом, Китай стал не только одним из инициаторов, но

и локомотивом многопрофильной региональной организации. Наряду с интенсификацией взаимодействия со странами ЦА по вопросам политики и безопасности, определенный импульс был дан также и развитию экономических отношений. Это нашло отражение как в увеличении масштабов торговли, так и некотором росте китайской проектно-инвестиционной активности, главным образом, в нефтегазовой отрасли Казахстана.

- После событий 11 сентября 2001 года и последовавшей под эгидой США антитеррористической операции в Афганистане внешняя политика КНР в ЦА в очередной раз подверглась существенной корректировке, став еще более активной и наступательной. Рассматривая присутствие Соединенных Штатов в Центральной Азии в качестве одного из рычагов воздействия на Китай как на потенциального соперника, Пекин полагал, что политика Вашингтона может стать катализатором негативных тенденций развития региона и приграничных с ним китайских территорий. Кроме того, в условиях набирающей мощь национальной экономики для КНР стало принципиально важным обеспечить доступ к сырьевым, в первую очередь нефтегазовым ресурсам ЦА, чему могли помешать планы США по политическому, экономическому и военному реформированию Центральной Азии и смежных пространств. Исходя из этого, основной акцент Пекин сделал на укрепление ШОС и развитие двусторонних связей с государствами-членами Организации, прежде всего в экономической сфере. Именно это могло облегчить КНР реализацию в ЦА крупных экономических проектов, одновременно поддерживав в регионе социально-экономическую стабильность и существующие политические режимы.
- Основными целями внешней политики Китая в Центральной Азии продолжают оставаться следующие: создание зоны безопасности на западных рубежах КНР; недопущение вхождения региона в орбиту влияния США и прихода к власти

в центральноазиатских странах недружественных режимов; обеспечение гарантированного доступа к богатой минерально-сырьевой базе и дальнейшее открытие рынков государств региона для сбыта китайской продукции. При этом следует отметить пока еще сохраняющееся стремление Пекина на сближение с Москвой, базирующееся на близости оценок геополитической ситуации в Центральной Азии и вокруг нее, в первую очередь в контексте тактических по своему характеру задач по ограничению регионального влияния Вашингтона и его ближайших союзников. Однако, очевидно и то, что китайская стратегия ориентирована исключительно на отстаивание своих собственных, пусть и долгосрочных, но все же узконациональных интересов. В итоге, подобная стратегия противоречит общим жизненно важным интересам Китая, стран Центральной Азии и их исторически естественного союзника – России, тем более, что сами эти государства не осознают общности целей и приоритетов развития, не прилагают достаточных усилий к их поиску и концептуальному оформлению.

При рассмотрении центральноазиатского вектора внешней политики Китая условно выделяются три основных этапа:

- первый этап – период 1992–1995 годов;
- второй этап – период 1996–2001 годов;
- третий этап – период с 2001 года по настоящее время.

Первый этап охватывает начало 90-х годов XX века, связан с осмыслением Китаем новых реалий ситуации в Центральной Азии и вокруг нее, установлением и расширением дипломатических контактов, формированием атмосферы доверия и договорно-правовой базы, особенно в контексте решения проблем безопасности, унаследованных от советско-китайского периода.

Второй этап пришелся в основном на середину – конец 90-х годов, захватив, однако и большую часть 2001 года (до событий 11 сентября), характеризуется формированием в ЦА с участием КНР механизмов и институтов многостороннего взаимодействия, а также расширением в регионе китайского экономического присутствия.

Третий этап, условно начался после событий 11 сентября 2001 года. Данный этап характеризуется небывалым ранее ростом активности и наступательности в политике Китая практически по всем направлениям с целью не допустить развития ситуации в Центральной Азии в невыгодном для Пекина плане.

Первый этап (период 1992–1995 годов)

В начале 90-х годов Китай был вынужден решать целый ряд крайне сложных для себя задач в сфере внутренней и внешней политики. В условиях заметного охлаждения отношений с Западом, жестко отреагировавшего на события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы и последовавшего вскоре после этого распада СССР, китайскому руководству «третьего поколения» во главе с Цзян Цзэмином было крайне важно не допустить ревизии существующей в КНР политической системы.

***Справка.** Начиная с 1949 года – создания Китайской Народной Республики, сменилось несколько поколений руководителей КНР. «Первое поколение» связано с именем Мао Цзэдуна, «второе» – Дэн Сяопина, «третье» – Цзян Цзэминя. С 2002 года страну возглавляет Ху Цзиньтао – представитель так называемого «четвертого поколения» китайских руководителей.*

Главной целью внешней политики Пекина в начале 90-х годов было создание максимально благоприятной международной среды и «пояса стабильности» по всему периметру китайской границы для обеспечения успеха проводимых в стране с конца 70-х – начала 80-х годов XX

века социально-экономических реформ. Исходя из этого, внешняя политика КНР в указанный период времени отличалась чрезвычайной осторожностью и гибкостью, а ее основные принципы вполне укладывались в концепцию, разработанную патриархом китайских реформ Дэн Сяопином и выраженную так называемой «формулой 24 иероглифов».

***Справка.** Концепция базируется на 8 постулатах: хладнокровно наблюдать; сдержанно реагировать; твердо проводить курс; скрывать возможности и выигрывать время; никогда не пытаться лидировать и всегда быть способным добиться некоторых результатов¹².*

По сути, это была своего рода «стратегия выжидания», которая позволяла Пекину в условиях неопределенности развития ситуации в мире, в том числе на постсоветском пространстве, выиграть время и с наименьшими для себя издержками отреагировать на происходящие изменения на глобальном и региональном уровнях.

Политика Китая

Китай традиционно рассматривал Центральную Азию как зону жизненно важных интересов России и на протяжении более 130 лет в целом не оспаривал российскую гегемонию в регионе. Распад СССР и появление в непосредственной близости от КНР новых независимых государств, равно как и спешный «уход» (если не «бегство») России из ЦА явились полной неожиданностью для Пекина, который столкнулся с необходимостью формирования центральноазиатского вектора своей внешней политики.

Однако, в силу соображений стратегического характера (внутренних и внешних) и учитывая неопределенность дальнейшего развития ситуации в регионе в начале 90-х годов Китай не был готов к проведению здесь какой-либо активной и наступательной внешнеполитической линии. Поэтому Пекин попытался максимально дистанцироваться

---

¹²Цит. по: П.Б. Каменнов, под редакцией Г.И. Чуфрина. Китай в XXI веке. Глобализация интересов безопасности. – Москва, 2007 года. – С. 54.

от «внутренних проблем» Центральной Азии и сосредоточиться лишь на решении первоочередных вопросов, стоящих на повестке дня китайско-центральноазиатских отношений: налаживании дипломатических контактов; урегулировании совместно с Россией комплекса проблем безопасности, унаследованных от советско-китайского периода; выработке согласованных подходов к тематике уйгурского сепаратизма.

Все это требовало скорейшего формирования договорно-правовой базы и атмосферы доверия между КНР и государствами ЦА. В этой связи Китай одним из первых объявил о признании стран региона и установил с ними в начале 1992 года дипломатические отношения: с Узбекистаном – 2 января 1992 года; Казахстаном – 3 января 1992 года; Таджикистаном – 4 января 1992 года; Кыргызстаном – 5 января 1992 года; Туркменистаном – 6 января 1992 года.

Институты

В начале 90-х годов институциональное сотрудничество не было приоритетным для Пекина и поэтому основную ставку Китай сделал на развитие двустороннего формата отношений со странами Центральной Азии. Это позволило заложить основы сотрудничества, изучить особенности ситуации в каждом из государств региона и максимально быстро достичь конкретных результатов в решении фундаментальных проблем китайско-центральноазиатских отношений, лежащих, прежде всего, в сфере безопасности.

Тем не менее первым шагом в становлении институционального сотрудничества КНР со странами ЦА следует считать создание в октябре 1992 года в г. Минске рабочей группы в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула «4+1»), которая занялась решением комплекса проблем безопасности. Работая на постоянной основе, данная группа впоследствии создала предпосылки для формирования в 1996 году межгосударственного объединения, получившего название «Шанхайской пятерки».

Безопасность

Сразу же после установления дипломатических отношений с государствами Центральной Азии Китай выступил за начало переговорного процесса по наиболее важным для себя проблемам в сфере безопасности, в первую очередь погранично-территориальным, а также связанным с высоким уровнем военного присутствия в приграничных районах и ростом проявлений уйгурского сепаратизма. Первоочередной интерес для КНР в контексте решения указанных проблем представляли Казахстан и Кыргызстан, которые имели наиболее протяженные участки границы с Китаем и располагали значительной уйгурской диаспорой.

Уже в первой половине 1992 года Пекин инициировал двусторонние консультации с Алматой и Бишкеком по линии прохождения границы и спорным территориям. Параллельно осенью того же года начались переговоры и по всему комплексу пограничных вопросов между представителями Китая и объединенной делегацией России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. При этом, учитывая наличие на территории центральноазиатских стран многочисленной уйгурской диаспоры, насчитывающей от 300 до 500 тысяч человек, Китай стремился заручиться политическими гарантиями руководства государств региона в необходимости борьбы с уйгурским сепаратизмом, который с распадом СССР стал рассматриваться Пекином в качестве еще более важной угрозы национальной безопасности.

Экономика

Экономические связи Китая со странами Центральной Азии в начале 90-х годов находились в стадии зарождения и ограничивались исключительно торговлей, причем в незначительных масштабах. В период 1992–1995 годов товарооборот Китая с центральноазиатскими странами оставался в пределах 360–512 млн. долларов в год (таблица 1).

Таблица 1. Торговля Китая со странами Центральной Азии (период 1992–1995 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
1992	422	276	146
1993	512	244	268
1994	360	235	125
1995	486	285	201

Источник: Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002).

Примечание: данные в этой таблице являются неточными. Объемы торговли приводятся без учета китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов по причине отсутствия соответствующей информации. Однако все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как объемы китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов в указанные годы были крайне незначительны.

Причем торговля в то время была замкнута на приграничные Казахстан и Кыргызстан. Это представляется естественным, так как только эти две центральноазиатские страны имели с Китаем прямое транспортное сообщение. Одновременно получила развитие и так называемая челночная торговля, которая также замыкалась преимущественно на Казахстан и Кыргызстан, откуда затем осуществлялся реэкспорт китайской продукции в остальные государства региона и Россию.

Результаты политики Китая

Так как в начале 90-х годов внешнеполитическая линия КНР в ЦА находилась в стадии формирования во многом, поэтому результаты китайской политики являются достаточно противоречивыми. С одной стороны, ее можно считать успешной, учитывая тот факт, что отношения с государствами региона начали строиться «с чистого листа», и именно на первом этапе был заложен их фундамент. С другой стороны, объективно и то, что в первой половине 90-х годов Китай был крайне осторожен и не проявлял особого интереса к развитию институционального и экономического сотрудничества с Центральной Азией.

Кроме того, в условиях крайне сложной международной обстановки вокруг самого Китая Пекин опасался испортить отношения с Москвой, внося тем самым ненужные искусственные трудности в набиравший обороты процесс их нормализации.

***Справка.** После распада СССР Китай был заинтересован в нормализации отношений с Россией в целях создания надежного «стратегического тыла», урегулирования спорных вопросов, в первую очередь пограничных. Россия, в свою очередь, также остро нуждалась в стабильности и предсказуемости отношений с Китаем, протяженность границы с которым составляет около 4300 километров. Во многом «именно конструктивный настрой на сотрудничество уже в самом начале 90-х годов позволил Пекину и Москве решить самые болезненные вопросы в двусторонних отношениях»¹³.*

Политика стран Центральной Азии

В начале 90-х годов государства ЦА, безусловно, осознавали некую неизбежность взаимодействия с такой крупной региональной и к тому же ядерной державой, как КНР. Тем более, Китай был одним из первых, кто признал суверенитет центральноазиатских республик и установил с ними дипломатические отношения. Однако у стран региона на тот период времени отсутствовало четкое понимание места и роли Китая в системе своих внешнеполитических приоритетов, а также собственно необходимости форсирования процесса сближения с Пекином.

Во-первых, это во многом определялось сложностью процесса становления государственности в странах региона, в особенности трансформации их экономических систем. В частности, основные надежды в Центральной Азии по выходу из экономического кризиса тогда были связаны с Россией¹⁴, Западом, наиболее успешными и близкими по

---

¹³Г.И. Чуфрин. Проблемы безопасности во внешней политике Китая. / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – Москва, 2005 год. – С.148-149.

¹⁴Скорее по инерции, чем из реально складывающейся на тот период времени ситуации в самой России.

культуре государствами Исламского мира. Очевидно, что в то время Китай просто не рассматривался в числе ключевых партнеров, так как китайская экономика была все еще слаба, а модель развития – не столь привлекательна.

Во-вторых, у стран ЦА сохранялась и определенная настороженность по отношению к КНР. Во многом это было обусловлено опасениями возможной китайской экспансии (демографической и территориальной), в целом исторической памятью о крайне непростых периодах отношений, в том числе во время существования Советского Союза. К тому же сказывались и последствия имевшей место в СССР антикитайской пропаганды, особенно в период 60-х–70-х годов XX века, когда Китай рассматривался в качестве «вероятного противника».

В-третьих, на волне суверенизации и «медового месяца» отношений с Западом и Исламским миром государства Центральной Азии стремились поскорее избавиться от идеологических догм ушедшей социалистической эпохи, в то время как в Китае руководящая роль по-прежнему принадлежала коммунистической партии.

В итоге, в начале 90-х годов китайское направление не было приоритетным для стран региона: они были заняты преимущественно решением сложного комплекса внутренних проблем, в основном появившихся с распадом СССР, и у них еще не сложилось концептуального восприятия внешнего мира, значения для себя тех или иных государств, в том числе и Китая.

* * *

В целом же, период начала 90-х годов можно охарактеризовать как осторожное выстраивание отношений Китая с государствами Центральной Азии и одновременно – инициирование Пекином решения совместно с Москвой ключевых проблем, в основном доставшихся в наследство от СССР. Именно такой внешнеполитический курс был наиболее оправданным и выигрышным поскольку позволил заложить основы для партнерских отношений КНР с РФ и странами ЦА, а также создал устойчивые предпосылки для дальнейшего расширения китайского присутствия на постсоветском пространстве.

Второй этап (период 1996–2001 годов)

Во второй половине 90-х годов Пекин был вынужден кардинально пересмотреть целый ряд принципиально важных элементов своего внешнеполитического курса. Во многом это было обусловлено обострением в 1995–1996 годах ситуации вокруг Тайваня, последовавшим вслед за этим очередным витком китайско-американского позиционного противостояния и финансовым кризисом 1997–1998 годов в Юго-Восточной Азии. Как представляется, эти события отчетливо продемонстрировали китайскому руководству тот факт, что в отсутствии более активной и наступательной внешней политики, Китай не достигнет системного прорыва в своем экономическом развитии, будет оставаться крайне уязвимым в эпоху глобализации и в условиях формирования под эгидой США однополярной системы международных отношений.

Поэтому основным приоритетом внешней политики КНР во второй половине 90-х годов стала выработка и реализация новых подходов для «обретения страной статуса великой державы, которая структурирует международную систему, а не просто реагирует на происходящие в ней процессы»¹⁵. Если прежде Пекин выделял приоритетность задач внутреннего развития, то к середине – концу 90-х годов внутренняя и внешняя составляющие постепенно «выровнялись» по значению. Теперь внешняя политика должна была «не просто пассивно поддерживать благоприятные внешние условия для китайских реформ, но и активно препятствовать кому бы то ни было в стремлении помешать подъему Китая»¹⁶. В этой связи принципиально важной задачей для КНР становится поиск союзников, наращивание усилий по формированию и укреплению межгосударственных альянсов, созданию таких многосторонних институтов, в которых Китай мог бы претендовать на положение одного из лидеров.

---

¹⁵М. Мамонов. Стратегия «профилактики опасности» во внешней политике КНР. / Журнал «Международные процессы» (Россия), № 3(15), сентябрь-декабрь 2007 года, <http://www.intertrends.ru/fifteen/003.htm>

¹⁶М. Мамонов. Там же.

Политика Китая

В соответствии с новыми задачами, во второй половине 90-х годов Китай заметно активизировал центральноазиатское направление своей внешней политики, отказавшись от «стратегии выжидания» в пользу «стратегии постепенного проникновения» в регион. Помимо глобальных и долгосрочных соображений, повышение значимости ЦА для КНР было продиктовано растущей обеспокоенностью комплексом вопросов безопасности и социально-экономического развития своих приграничных с регионом территорий.

В Китае прекрасно понимали, что центральноазиатские государства чрезвычайно уязвимы со стороны транснациональных угроз, в первую очередь международного терроризма, исламского радикализма и экстремизма, наркотрафика. Учитывая же перманентную нестабильность в соседнем Афганистане, именно на вторую половину 90-х годов пришелся пик активности в Центральной Азии различного рода экстремистских организаций религиозного, террористического и националистического толка. При этом особое беспокойство у Пекина вызывал продолжающийся рост уйгурского сепаратизма: уйгурские экстремистские структуры стали активнее использовать террористические методы борьбы и более наступательно действовать в СУАР и на территории самого центральноазиатского региона.

Кроме того, в середине 90-х годов в Центральной Азии и на Каспии было подтверждено наличие значительных запасов нефти и газа. Вследствие этого для Китая существенно повысилась экономическая и, в частности, энергетическая значимость региона. Учитывая растущие потребности экономики КНР в энергоресурсах и задачу диверсификации доступа к углеводородам, для Пекина стало крайне важным четко сформулировать и обозначить свой долгосрочный энергетический интерес к ЦА и смежным пространствам.

При этом Центральная Азия стала все больше рассматриваться и в контексте реализации программы по ускоренному развитию централь-

ных и западных провинций Китая¹⁷. Используя фактор географической близости, Пекин рассчитывал задействовать ресурсно-сырьевой потенциал региона и продвинуть на центральноазиатские рынки китайскую продукцию, стимулируя тем самым экономический рост своих «национальных окраин».

Институты

Опираясь на механизм взаимодействия в рамках рабочей группы «4+1», апробированный в первой половине 90-х годов, Пекин совместно с Москвой инициировал в 1996 году создание нового института регионального сотрудничества по вопросам безопасности – так называемой «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан). В дальнейшем, в 2001 году, на ее базе и уже с участием Узбекистана была сформирована Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Безопасность

По мере нарастания воздействия на регион транснациональных угроз, сотрудничество КНР со странами ЦА становилось все более предметным. Уже к концу 1999 года Пекин наладил взаимодействие по линии спецслужб и правоохранительных органов, что было достаточно актуально для Китая в условиях активизации деятельности уйгурских сепаратистов в Синьцзяне, а также в ряде стран Центральной Азии. После попыток вооруженного прорыва на территорию Узбекистана и Кыргызстана боевиков так называемого Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в 1999 и 2000 годах Китай начал оказывать центрально-азиатским государствам уже и конкретную военно-техническую помощь. В итоге, хотя и постепенно, но за очень короткий по историческим меркам период времени сотрудничество КНР со странами ЦА в сфере безопасности приобрело партнерский характер. При этом крайне важно и то, что к концу 90-х годов Пекин наравне с Москвой сумел

---

¹⁷Еще в середине 80-х годов XX века диспропорциональность регионального развития Китая стала очевидной проблемой, причем не только социально-экономической, но и политической, так как вела к росту сепаратизма.

стать своего рода внешним гарантом формирующейся в Центральной Азии системы региональной безопасности.

Экономика

Наряду с интенсификацией взаимодействия по вопросам безопасности и в институциональной сфере, значительный импульс во второй половине 90-х годов был дан и развитию экономических отношений между КНР и странами ЦА. Это нашло отражение, в первую очередь, в увеличении масштабов китайского торгового присутствия в регионе. Высокие объемы торговли с Китаем стали характерны уже не только для Казахстана и Кыргызстана, но и для Узбекистана. Так, в период 1996–2000 годов товарооборот Китая с центральноазиатскими государствами вырос примерно в 2 раза по сравнению с первой половиной 90-х годов и находился в пределах 580–1050 млн. долларов (таблица 2).

Таблица 2. Торговля Китая со странами Центральной Азии (период 1996–2000 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
1996	674*	357*	317*
1997	699*	365*	334*
1998	588	390	198
1999	733	350	383
2000	1041	611	430

Источник: Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002).

Примечание: данные, отмеченные (*), являются неточными. Объемы торговли в 1996 и 1997 годах приводятся без учета китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов по причине отсутствия соответствующей информации. Однако все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как объемы китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов в указанные годы были все еще крайне незначительны.

В то же время структура торговли стран региона с Китаем стала все более отчетливо складываться по формуле «сырье в обмен на готовую продукцию». Экспорт государств ЦА в КНР в основном включал энергоносители, химическое сырье, текстильное сырье (хлопковое волокно, шелк-сырец, кожевенное сырье), металлы и даже металлический лом. Данные поставки играли далеко не последнюю роль в программе Пекина по экономическому освоению и развитию внутриконтинентальных (центральных и западных) территорий Китая. В свою очередь, экспорт из КНР в ЦА состоял в основном из товаров широкого потребления, которые в значительной степени насыщали потребительские рынки ряда государств региона.

Одновременно с расширением торговых связей Пекин впервые четко обозначил свою заинтересованность в участии в проектах по добыче и транспортировке нефти из Казахстана. В 1996 году одним из первых значительных успехов Китая стала реализация проекта по добыче нефти в Актюбинской области (западная часть Казахстана). В 1997 году Китайская национальная нефтяная компания (China National Petroleum Corporation / CNPC) по результатам переговоров о строительстве нефтепровода «Атасу – Алашанькоу» получила 60-процентную долю в данном проекте.

Помимо этого, Китай также начал проявлять значительную активность и в плане продвижения идей по развитию транспортных коммуникаций между СУАР и ЦА, в частности автодорожных магистралей и строительству железнодорожной линии «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Все эти проекты по замыслу Пекина должны были сыграть важную роль в развитии экономики Синьцзяна.

Результаты политики Китая

Во второй половине 90-х годов политика Китая в отношении Центральной Азии стала приобретать все более четкие контуры, характеризоваться решительными и активными действиями. При этом, реально оценивая собственные на тот период времени все еще ограниченные возможности, Китай в реализации целей своей политики в регионе усилил ставку на тандем с Россией. Тем более, что к тому времени проявилась заинтересованность и самой Москвы к развитию стратеги-

ческого сотрудничества с Пекином, а также начала формироваться некая общность подходов двух держав к вопросам региональной безопасности.

Однако переход Китая к более активной политике в Центральной Азии имел противоречивые последствия. С одной стороны, подобную политику можно назвать успешной, учитывая прорыв в развитии сотрудничества практически по всем направлениям. С другой стороны, именно в середине – конце 90-х годов сложился крайне деформированный формат экономических отношений между странами Центральной Азии и Китаем. Главным индикатором этого стала структура торговли между ЦА и КНР по формуле «сырье в обмен на готовую продукцию». Не менее важно и то, что китайская проектно-инвестиционная активность в целом только закрепляла подобный формат отношений, так как была нацелена исключительно на сырьевые секторы экономики стран региона и формирование соответствующей транспортной инфраструктуры («по вывозу сырья» и «завозу готовой продукции»). При этом также очевидно и то, что в 90-е годы Пекин объективно не мог быть неким локомотивом экономического развития региона: у него еще не было достаточных финансовых ресурсов даже для развития СУАР, не говоря уже о развитии ЦА.

Политика стран Центральной Азии

Со второй половины 90-х годов центральноазиатские государства стали придавать гораздо большее значение китайскому направлению своей внешней политики.

Во-первых, в условиях нарастания влияния негативных тенденций, вызванных как внутренними проблемами, так и воздействием нестабильности в Афганистане, страны региона были вынуждены активизировать поиск внешних гарантов своей безопасности. Поскольку Россия во второй половине 90-х годов оставалась еще крайне слаба как в военном, так и экономическом плане, а ее политика продолжала характеризоваться непоследовательностью, государства Центральной Азии стали рассматривать Китай в качестве перспективного внешнего партнера в процессе формирования системы региональной безопасности,

тем более что и сам Пекин проявлял в этом встречную заинтересованность.

Во-вторых, для стран ЦА резко возросло значение КНР в торгово-экономическом плане. Это было связано главным образом с тем, что из-за практического прекращения традиционных поставок товаров широкого потребления из России и других постсоветских республик, государства региона были вынуждены существенно расширить объемы импорта аналогичных китайских товаров. И хотя эти товары были относительно невысокого качества, в то же время они отличались дешевизной и соответственно были доступны для широких слоев населения.

Наибольший интерес к развитию торговых связей с Китаем традиционно проявляли Казахстан и Кыргызстан, которые не только насыщали свои рынки дешевой китайской продукцией, но и имели дополнительную прибыль за счет ее реэкспорта в остальные страны региона (главным образом в Узбекистан) и даже ряд областей России. Видимо, не случайно Казахстан и Кыргызстан в гораздо большей степени, нежели Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан стимулировали увеличение объемов импорта китайских товаров, в том числе и посредством поощрения так называемой челночной торговли.

В-третьих, страны Центральной Азии стали возлагать все большие надежды на Китай как на перспективного инвестора. В случае с Казахстаном это касалось привлечения китайских финансов в проекты по освоению углеводородных месторождений и транспортировке нефтегазового сырья. В 1997 году Казахстан подписал с КНР договор о строительстве нефтепровода в СУАР, а в 1998 году приступил к его проектированию.

* * *

В целом период с середины 90-х годов по 2001 год стал знаковым и переломным как в политике КНР в ЦА, так и в развитии китайско-центральноазиатских отношений. Пекин в принципе определился в своих приоритетах в регионе и приступил к их последовательной реализации. При этом Китай не демонстрировал своих политических амбиций в Центральной Азии, сосредоточившись главным образом на

формировании системы региональной безопасности, а также продвижении экономических интересов.

Одновременно с этим характерной особенностью политики Китая стало усиление взаимодействия с Россией, особенно в сфере безопасности. Однако, если в начале-середине 90-х годов Китай все еще признавал право России на доминирующее влияние в регионе, то к концу 90-х годов Пекин уже стал рассматривать Москву как равноправного себе партнера в Центральной Азии.

Третий этап (2001 год – настоящее время)

В начале XXI века во внешней политике КНР в очередной раз происходят значительные корректировки: Пекин еще более активно и наступательно стал проводить курс на отстаивание своих национальных интересов. Это во многом было обусловлено кардинальным изменением международной обстановки после событий 11 сентября 2001 года, когда Китай почувствовал усиление военно-политического и экономического влияния Соединенных Штатов Америки и их ближайших союзников.

Военные операции в Афганистане и Ираке, стремительное расширение масштабов присутствия США в регионах, расположенных в непосредственной близости от китайской территории, – все это стало рассматриваться Пекином в качестве возможного рычага воздействия на Китай. Поэтому стратегически важным для КНР становится достижение баланса сил с США по всему периметру китайской границы и в зонах особого интереса Китая.

Корректировка подходов к реализации внешнеполитического курса совпала по времени с процессом обновления в Китае политической элиты, приходом к власти в стране «четвертого поколения» руководителей во главе с Ху Цзиньтао.

***Справка.** Передача власти от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао (молже Цзян Цзэминя на 16 лет) готовилась заранее и происходила постепенно. Еще в 1998 году Ху Цзиньтао стал «вторым человеком» в государстве, заняв пост заместителя Председателя КНР,*

а в 1999 году был назначен еще и заместителем председателя Центрального военного совета Центрального комитета Коммунистической партии Китая. На состоявшемся же в ноябре 2002 года XVI-м съезде КПК Ху Цзиньтао был избран новым генеральным секретарем компартии вместо Цзян Цзэминя.

Новая плеяда китайских политиков получила в наследство гораздо более устойчивое и сильное государство, причем как в военном, так и в экономическом плане. Все вместе это следует рассматривать в качестве другой принципиально важной причины усиления активности и наступательности во внешней политике Китая.

Политика Китая

После событий 11 сентября 2001 года и трансформации ранее периферийного статуса Центральной Азии в стратегический значение региона для Китая существенно выросло. Центральноазиатское направление стало рассматриваться в контексте всего комплекса внешнеполитических усилий КНР на глобальном уровне.

Кроме того, в условиях набирающей мощь китайской экономики для Пекина стало принципиально важным обеспечить гарантированный доступ к сырьевым, в первую очередь нефтегазовым ресурсам региона, а потенциально – и его транзитным возможностям. Всему этому могли помешать планы Вашингтона по политическому, экономическому и военному «переформатированию» Центральной Азии.

В этой связи основной акцент Китай сделал на укрепление ШОС и дальнейшее развитие двусторонних связей со странами региона, прежде всего в экономической сфере. В условиях стремительного роста китайской экономики Пекин мог позволить себе задействовать гораздо большие финансовые ресурсы для реализации в Центральной Азии различного рода экономических проектов, а также поддержать здесь социальную стабильность и существующие политические режимы.

Институты

Рассматривая ШОС как основной механизм, позволяющий «держать руку на пульсе» процессов в Центральной Азии и гарантирующий от угрозы возникновения в регионе антикитайского альянса, Пекин попытался усилить сплоченность в рядах Организации, укрепить ее международный имидж и существенно повысить значение экономической составляющей отношений. Для придания ШОС большего международного веса Китай совместно с Россией выступил за привлечение к деятельности Организации новых стран: в 2004 году в состав ШОС на правах наблюдателя вошла Монголия, а в 2005 году – Иран, Пакистан и Индия.

***Справка.** Заявку на статус страны-наблюдателя в 2006 году подавала также Белоруссия, однако получила отказ по той причине, что «не является азиатской страной». В июне 2009 года на саммите ШОС в г. Екатеринбурге было принято решение предоставить не применявшийся ранее в практике Организации статус «партнера по диалогу» двум государствам: Шри-Ланке и Белоруссии.*

Параллельно расширению состава Организации внутри ШОС шло формирование новых площадок межгосударственного взаимодействия. В 2004 году была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС) с Исполнительным комитетом в г.Ташкенте. Несколько лет спустя в рамках ШОС были сформированы и начали функционировать Деловой совет и Межбанковское объединение. Основная задача этих двух подструктур, в которых доминирует КНР – эффективно координировать усилия финансовых и предпринимательских кругов с последующим планомерным внедрением проектов в различных отраслях экономики. Начиная с 2006 года, Пекин также внес целый ряд предложений по стимулированию экономического сотрудничества в рамках ШОС, в частности формированию зоны свободной торговли и созданию региональной транспортной инфраструктуры. Кроме того, Китай стал активно поддерживать вступление стран-членов ШОС во

Всемирную торговую организацию, что, как считают в Пекине, должно способствовать росту взаимной торговли товарами и услугами.

Безопасность

Несмотря на всю неоднозначность ситуации, обусловленной появлением в Центральной Азии американских военных баз, Китай сохранил взятый ранее курс на расширение взаимодействия с государствами региона в сфере безопасности как в рамках ШОС, так и двустороннем формате. Начиная с 2004 года, Пекин стал активно сотрудничать с центральноазиатскими странами в рамках РАТС ШОС. Заметно увеличилось и количество проводимых совместных мероприятий с китайским участием. При этом Китаю, как представляется, удастся увязывать уровень, интенсивность и масштабы сотрудничества в сфере безопасности с реализацией крупных экономических проектов в конкретных странах региона.

Экономика

В экономическом плане проводимая Китаем политика наращивания присутствия в регионе проявилась прежде всего в значительном росте масштабов торговли, существенном увеличении объемов финансовых вливаний и заимствований. За период 2001–2008 годов товарооборот между КНР и ЦА вырос примерно в 13,6 раз, составив порядка 20,2 млрд. долларов (таблица 3).

Таблица 3. Торговля Китая со странами Центральной Азии (период 2001–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
2001	1478*	856*	622*
2002	2798*	1569*	1229*
2003	3305 (4100)	1911	1394
2004	4337 (5848)	2545	1792
2005	6630 (10294)	3982	2648
2006	10796 (13350)	6338	4458
2007	16038 (20576)	9571	6467
2008	20170 (27845)	11553	8617

Источники: данные за период 2000–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Kazakhstan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Kyrgyzstan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Tajikistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Turkmenistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Uzbekistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009); данные в скобках за период 2003–2008 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики.

Примечание: данные, отмеченные (*), приводятся без учета китайско-таджикского товарооборота по причине отсутствия соответствующей информации. Однако, все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как китайско-таджикский товарооборот был все еще незначительным.

В то же время анализ структуры торговли КНР со странами ЦА свидетельствует о дальнейшем закреплении за Китаем роли поставщика готовой продукции, а за странами Центральной Азии – статуса поставщиков сырьевых ресурсов. По итогам 2008 года, на долю сырьевых ресурсов в поставках из стран Центральной Азии в Китай пришлось около 91%: энергоносители – более 68%, черные и цветные металлы – около 15%, химическое сырье – примерно 6%, текстильное сырье – около 2%.

Наряду с усилением торговой политики, продолжала возрастать китайская проектно-инвестиционная активность, а также увеличились объемы кредитования Китаем наиболее значимых сегментов экономик стран региона. Если в конце 90-х годов китайские финансовые ресурсы в Центральной Азии составляли менее 1 млрд. долларов и были представлены исключительно инвестициями в нефтегазовую отрасль Казахстана, то за первые 8 лет XXI века их объем вырос более чем в 18 раз, достигнув к началу 2009 года порядка 18 млрд. долларов, включая примерно 9,6 млрд. прямых инвестиций, 2,1 млрд. кредитов и 6,3 млрд. приобретенных активов. Причем показательно и то, что в

условиях мирового кризиса Китай кардинально активизировал свою финансово-экономическую деятельность в Центральной Азии в плане предоставления дополнительных кредитов¹⁸ и скупки активов в ключевых отраслях центральноазиатских экономик.

Результаты политики Китая

Переход Китая к наступательной политике в Центральной Азии после 11 сентября 2001 года позволил Пекину существенно усилить свои позиции в регионе. Однако результаты внешнеполитической активности КНР по-прежнему носят крайне противоречивый характер как с точки зрения долгосрочных интересов центральноазиатских государств, так и с точки зрения долгосрочных интересов самого Китая.

С одной стороны, крупным прорывом явилось укрепление ШОС и превращение ее в многопрофильный институт межгосударственного сотрудничества. Благодаря этому Китай получил уникальную возможность принимать непосредственное, а самое главное, легитимное участие в жизни Центральной Азии, став к тому же одним из ключевых элементов формирующейся системы региональной безопасности.

С другой стороны, формат китайско-центральноазиатских экономических отношений так же, как и в 90-е годы, остается неэффективным. Наиболее показательна в этом плане структура торговли между ЦА и КНР, которая по-прежнему складывается практически на 100% по формуле «сырье в обмен на готовую продукцию». Более того, сам

---

¹⁸В апреле 2009 года по результатам визита в Пекин казахстанского президента достигнута договоренность о предоставлении Казахстану китайского кредита в размере 10 млрд. долларов, включая 5 млрд. долларов для нефтегазовой отрасли (для ведущей казахстанской нефтегазовой корпорации «КазМунайГаза»). В июне 2009 года Китай подписал уже с Туркменистаном пакет соглашений, согласно которому Пекин обязался выделить Ашгабату дополнительный целевой кредит в размере 3 млрд. долларов на освоение крупнейшего в стране газового месторождения «Южный Иолотань». Кроме того, на пленарном заседании ШОС в г.Екатеринбурге в июне 2009 года председатель КНР Ху Цзиньтао объявил о беспрецедентном решении Пекина выделить центральноазиатским государствам-членам Организации кредит в размере 10 млрд. долларов для поддержания национальных экономик в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Китай осознанно или неосознанно, но крайне активно стимулирует дальнейшее закрепление данного формата посредством реализации проектов преимущественно в сырьевых отраслях экономик стран региона, при этом не уделяя значения развитию именно инновационно-промышленных связей.

Политика стран Центральной Азии

В начале XXI века китайское направление становится все более приоритетным во внешней политике всех без исключения стран Центральной Азии. Как представляется, особую роль в этом плане играет Шанхайская организация сотрудничества. По мере развития ШОС, практически все государства ЦА стали придавать важное значение взаимодействию с КНР. И хотя основным партнером Центральной Азии пока еще остается Россия, однако сотрудничество с Китаем дает центральноазиатским странам все новые и новые возможности для дипломатического маневра между Москвой и Пекином при отстаивании своих национальных интересов.

Растущая заинтересованность государств Центральной Азии во взаимодействии с Китаем особенно заметна в экономической сфере. Наиболее ощутимых результатов в данном направлении добился Казахстан. Астана уже договорилась с Пекином о механизме финансирования целого ряда крупных проектов, причем не только в нефтегазовой отрасли, но и в таких важных сегментах национальной экономики, как металлургия, телекоммуникации, информационные технологии.

В качестве приоритетного экономического партнера рассматривает Китай и руководство Туркменистана. В декабре 2009 года было завершено строительство первой ветки газопровода «Туркменистан – Китай», который проложен по территориям Узбекистана и Казахстана, а в 2010 году, на основании договора с Пекином, Ашгабат начал поставку в КНР природного газа.

Отмечается рост интереса к экономическому взаимодействию с Китаем и у Узбекистана, что также, как и в случае с Туркменистаном, наиболее заметно в нефтегазовой отрасли. Причем Узбекистан старается привлечь китайских инвесторов и для участия в проводимой в стране программе широкомасштабной приватизации крупных эконо-

мических объектов, однако Пекин и китайский бизнес пока не реагируют на сигналы, исходящие из Ташкента.

В свою очередь, для Кыргызстана по-прежнему важное значение имеет транзит китайских товаров широкого потребления. По оценкам ряда экспертов, реэкспорт китайских товаров в постсоветские страны приносит Кыргызстану не менее 250 млн. долларов в год, что примерно сопоставимо с размером государственного бюджета республики¹⁹.

На фоне всех остальных стран региона для Таджикистана Китай важен, в первую очередь, в кредитно-финансовом плане, поскольку собственные возможности Душанбе сильно ограничены, а явно завышенные надежды на масштабные инвестиции из России пока не оправдались.

Выводы

Главным направлением внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе по-прежнему остается обеспечение благоприятных внешних условий для дальнейшего развития Китая и его превращение в мировую державу. Во многом именно через эту призму Пекин всегда рассматривал и продолжает рассматривать Центральную Азию. Тем не менее в 90-х годах XX века внешнеполитические шаги Пекина в основном ограничивались региональным контекстом, были достаточно осторожны и в значительной степени скоординированы с Москвой. В первом же десятилетии XXI века центральноазиатское направление стало рассматриваться в рамках всего комплекса внешнеполитических усилий Китая на глобальном уровне, а учитывая кардинально изменившуюся ситуацию в мире и в самой Центральной Азии, китайская политика в регионе стала более наступательной, самостоятельной и активной.

---

¹⁹Д.М. Папшун. Китайско-Центрально-Азиатские отношения в двадцать первом веке. / Электронный журнал «Полемика» Совета по международным исследованиям и обмену «АЙРЕКС» (США). – Выпуск № 16, 2006 год, <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/16/pash>

Причем рост наступательности, самостоятельности и активности во внешней политике КНР в ЦА не в последнюю очередь обусловлен процессом обновления правящей элиты Китая, приходом к власти «четвертого поколения» политиков, более амбициозных, прагматичных и жестких в отстаивании национальных интересов своей страны. Новые китайские руководители уже в меньшей степени, нежели их предшественники, склонны «оглядываться на Россию» в принятии тех или иных решений в отношении стран Центральной Азии, а тем более «молча наблюдать» за усилением в регионе США и их союзников.

***Справка.** Как представляется, китайские политики старого поколения (Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь) в значительно большей степени были склонны считаться с интересами России, нежели нынешние руководители «четвертого поколения». Это связано с тем, что политическое мышление прежних китайских лидеров формировалось в основном до 60-х годов XX века – в период союзнических отношений между КНР и СССР. К тому же, старые китайские лидеры возглавляли относительно слабую (по сравнению с СССР) в военном и экономическом отношении страну. В свою очередь, формирование политического мышления у новой китайской элиты происходило уже в период резкого охлаждения (если не обострения) советско-китайских отношений. Поэтому новое руководство КНР в своем восприятии мира свободно от некоей российско-центричной составляющей. Тем более, что нынешние китайские лидеры возглавили страну, которая в экономическом отношении уже значительно сильнее России, а в военном – по крайней мере, не слабее.*

В то же время политике Китая в Центральной Азии присущи и серьезные недостатки, главным из которых является рассмотрение региона в качестве сырьевого придатка китайской экономики. Усиление присутствия КНР в ЦА напрямую связано с наращиванием проектно-инвестиционной активности в первую очередь в сырьевых отраслях, развитием трубопроводных и других транспортных проектов (по «вы-

возу сырьевых ресурсов»), а также соответствующим кредитно-финансовым и политическим сопровождением этих усилий.

Поэтому крайне трудно прогнозировать то, к чему приведет подобного рода активность Китая в регионе. С одной стороны, учитывая роль и место КНР в современном мире, большие масштабы китайской экономики и динамичное развитие практически всех отраслей промышленности, именно Китай мог бы выступить локомотивом экономического (в том числе инновационно-промышленного) развития Центральной Азии. При этом сам регион был бы способен достаточно успешно вписаться в схему евразийского сухопутного транзита, стать важным звеном в геоэкономическом и геополитическом взаимодействии Китая с другими центрами сил и экономическими блоками.

С другой стороны, учитывая наличие значительных проблем на пути развития самого Китая, Пекин может выстроить более прагматичную и эгоистичную схему отношений с Центральной Азией. В этом случае Китай, скорее всего, постарается максимально использовать сырьевую базу региона для экономического подъема своих внутренних (западных и центральных) территорий. Соответственно, получают развитие те или иные виды экономических связей, в том числе транспорта и коммуникаций в китайском направлении. Формирующаяся же система отношений в рамках ШОС будет обеспечивать, в первую очередь, китайские интересы.

Именно такой подход все более отчетливо просматривается в стратегии Пекина, что однако не оставляет Центральной Азии надежд на реабилитацию бывшего статуса транзитного моста между Европой и Азией, обрекает все пространство внутренней Евразии на дальнейшую экономико-географическую изоляцию и, соответственно, хроническое отставание в развитии от передовых стран и регионов мира. Причем этот сценарий несет потенциальные угрозы безопасности не только для ЦА, но также для КНР и РФ. В случае дестабилизации центральноазиатских государств, именно Китай и Россия рискуют получить крайне нестабильное пространство на своих границах.

Как представляется, для обеспечения долгосрочной стабильности в регионе и вокруг него, а также в целом устойчивости китайско-центральноазиатских отношений, Китаю целесообразно сделать основ-

ной акцент на выстраивании механизмов многопланового и взаимовыгодного сотрудничества с государствами Центральной Азии и Россией. На начальном этапе основой данного сотрудничества могла бы стать всемерная поддержка Китаем идеи экономической ре-интеграции внутри самого региона и/или даже на постсоветском пространстве в целом, например, в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а на последующих этапах – постепенной интеграции в рамках ШОС. Возможно, что именно по мере осознания этого в столицах стран ЦА, Пекине, а также Москве можно будет говорить не только о начале принципиально нового этапа китайской политики в регионе и китайско-центральноазиатских отношений, но и выработке прогрессивной и взаимовыгодной схемы взаимодействия в центре Евразии.

Глава II. Политика Китая в сфере безопасности

Основные тезисы

- Кардинальное изменение геополитической конфигурации ЦА, вызванное распадом СССР, было неоднозначно воспринято в КНР. С одной стороны, крах Советского Союза открывал перед Китаем уникальные перспективы в плане укрепления своего присутствия в Центральной Азии. С другой стороны, в Пекине, безусловно, понимали, что формирование обстановки в данном сегменте постсоветского пространства будет сопровождаться болезненными процессами, которые в совокупности с унаследованными проблемами советско-китайского периода могут негативным образом сказаться на безопасности СУАР и КНР в целом. Поскольку в начале 90-х годов Центральная Азия являлась для Китая своего рода «terra incognita», у китайского руководства в тот период не было «готовых рецептов» относительно своей политики в регионе, в том числе и в сфере безопасности. Но в любом случае в Пекине было четкое понимание того, что только конструктивное сотрудничество с центральноазиатскими государствами и Россией являются залогом безопасности Китая.
- Первоначально основной акцент Пекин сделал на решении тех проблем в сфере безопасности, которые были унаследованы от советско-китайского периода и особо заметно проявились в результате распада Советского Союза. Осторожный подход, умение сочетать элементы восточного этикета с жестким отстаиванием принципиально важных для китайской национальной безопасности позиций позволили КНР уже к середине 90-х годов добиться выгодного для себя решения целого ряда вопросов. В конце 90-х годов, когда ЦА и СУАР стали испытывать все более негативное воздействие из нестабильного Афганистана, Пекин выступил за интенсификацию сотрудни-

чества со странами Центральной Азии и Россией в борьбе с новыми общими угрозами. Прямым результатом крепнущего партнерства явилось создание в 2001 году на базе «Шанхайской пятерки» новой региональной структуры, Шанхайской организации сотрудничества.

- События 11 сентября 2001 года и последовавшее масштабное усиление присутствия США в ЦА вновь изменили расстановку сил в регионе и вокруг него в невыгодной для КНР конфигурации. Так называемая цветная революция в Кыргызстане и «кандижанские события» в Узбекистане в 2005 году лишь подтвердили опасения Пекина по поводу «реальных планов Вашингтона». Соответственно произошел пересмотр китайских приоритетов в Центральной Азии при оценке угроз безопасности. Сохранив взятый ранее курс на усиление сотрудничества как в двустороннем, так и в многостороннем формате, Пекин стал действовать на центральноазиатском направлении еще более активно и наступательно. Причем Китай продемонстрировал готовность применять всю полноту имеющегося у него политического, экономического и военного потенциала для обеспечения интересов своей национальной безопасности.
- И по сей день динамика развития ситуации в Центральной Азии и вокруг нее обуславливает постоянную корректировку Китаем критериев оценки возникающих в регионе угроз безопасности и соответственно набора «инструментов» китайской политики. По истечению первого десятилетия XXI века, КНР продолжает рассматривать ситуацию в ЦА не только в плане поиска новых возможностей для укрепления своих позиций, но и в контексте сохраняющегося сложного комплекса угроз национальной безопасности. Поэтому одной из важных составляющих региональной политики Китая в сфере безопасности на ближайшую и среднесрочную перспективу, скорее всего, останется тесное взаимодействие с Россией. Тем более, что только такая стратегическая линия является оправданной

с точки зрения исторического опыта взаимодействия между Китаем и Центральной Азией.

- Как представляется, позитивный характер присутствия КНР в ЦА и взаимовыгодный формат китайско-центральноазиатских отношений в сфере безопасности возможны лишь в случае восстановления былой роли региона в качестве торгово-транспортного моста между Азией и Европой. Только таким образом можно обеспечить совпадение стратегических интересов Китая, стран Центральной Азии и их ключевого партнера – России, а в итоге – содействовать реальному укреплению ШОС и развитию региональной экономической интеграции. Если же Пекин выберет более эгоистичный курс – на защиту исключительно своих собственных интересов, то это в совокупности с отсутствием общности долгосрочных целей и задач в стратегическом треугольнике «Китай – Россия – Центральная Азия» (а на институциональном уровне – в рамках ШОС), может в итоге привести лишь к дестабилизации ситуации во внутренних пространствах Евразии. Вероятность реализации данного сценария будет оставаться высокой особенно в случае, если, как и в период заката Великого шелкового пути, в своем международном взаимодействии КНР будет нуждаться только в буферной функции ЦА, оставив без внимания посредническую.

Рассматривая развитие ситуации в постсоветской Центральной Азии в контексте реальных и потенциальных угроз безопасности Китая, следует условно выделить три ключевых фактора:

- фактор распада СССР;
- фактор нестабильности Афганистана;
- фактор усиления присутствия США.

Фактор распада СССР

Такое эпохальное событие, как распад Советского Союза и появление в Центральной Азии новых государств, коренным образом изменило геополитическую ситуацию в регионе и вокруг него, что само по себе явилось дестабилизирующим фактором для Китая, граничащим с тремя центральноазиатскими странами: Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Негативное для КНР развитие событий могло быть вызвано как проблемами, унаследованными от периода советско-китайских отношений, так и появлением новых угроз, обусловленных изменением обстановки в самой ЦА. При этом сразу же после распада СССР растущую озабоченность в Пекине стали вызывать следующие угрозы:

- неурегулированность погранично-территориальных вопросов;
- высокий уровень военного присутствия в приграничных районах;
- рост проявлений уйгурского сепаратизма.

Неурегулированность погранично-территориальных вопросов

Контурные границы Китая с Российской империей общей протяженностью почти в 7,5 тысяч километров в основном были определены к концу XIX века. Однако китайские власти неоднократно выражали несогласие с линией прохождения границы и предъявляли территориальные претензии сначала царской России, а впоследствии и Советскому Союзу. Спорными считались участки на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Центральной Азии²⁰.

***Справка.** В Китае издавна существовала концепция, согласно которой земли, некогда входившие в состав Китайского государства или находившиеся в любой степени зависимости от него, продолжали считаться частью его территории. Если в процессе исторического развития данные земли приобретали самостоя-*

---

²⁰Тогда регион назывался «Средняя Азия и Казахстан».

тельность или входили в состав других государств, они рассматривались как «временно утраченные» территории. В Пекине полагали, что царская Россия по «неравноправным» договорам «отторгла» часть китайской территории, а Советский Союз «присвоил» себе еще ряд земель общей площадью около 33 тысяч квадратных километров²¹.

Неурегулированность погранично-территориальных вопросов традиционно являлась серьезным раздражителем в диалоге между КНР и СССР, но особую остроту приобрела в период ухудшения советско-китайских отношений в 60-х годах XX века. В 1963 году Советский Союз даже выступил с инициативой провести двусторонние консультации по уточнению пограничной линии на отдельных участках. Переговоры начались в феврале 1964 года и шли достаточно сложно. Москва категорически не хотела признавать само существование территориальной проблемы, а предлагала обсуждать лишь техническую сторону: согласовать линию границы на тех участках, в отношении которых мнения сторон расходились. Пекин, в свою очередь, предъявлял конкретные территориальные претензии. Расхождение в подходах обусловливали напряженность ситуации на советско-китайской границе. Весной и летом 1969 года Китай осуществил ряд вооруженных провокаций у острова Даманский на реке Уссури (Приморский край) и в районе Жаланашколь (Казахстан).

***Справка.** Бои в районе Жаланашколь (бывшая Семипалатинская область Казахстана) были не первым по времени эпизодом пограничных конфликтов 1969 года, но в отличие от столкновений на острове Даманском мало упоминались в официальных изданиях. Если в апреле-мае 1969 года инциденты на центральноазиатском участке советско-китайской границы заканчивались лишь перестрелкой между пограничниками, то 13 августа 1969 года крупное соединение регулярной армии КНР вторглось на советскую*

---

²¹Пограничная политика КНР. / Информационно-справочный портал ChinaStar (Россия), <http://www.chinastar.ru/rus/1/5/5/>

территорию недалеко от пограничного поселка Жаланашколь. Как и на острове Даманском, в отражении вооруженного вторжения участвовали не только пограничники, но и армейские подразделения. Исход боевых столкновений в районе Жаланашколь решило массированное использование советской стороной реактивной артиллерии.

После инцидентов на границе Москва и Пекин тем не менее решили активизировать диалог по погранично-территориальным вопросам. Однако, переговорный процесс проходил на фоне развернувшейся в Китае «культурной революции», отмеченной высоким накалом антисоветизма. После же ввода в 1979 году советских войск в Афганистан переговоры были вообще прерваны. Лишь в середине 80-х годов политические перемены, происходившие в Советском Союзе и Китае, привели сначала к смягчению позиций Москвы и Пекина, а затем и к достижению соглашения по участкам границы на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Принятие же окончательного решения по центральноазиатскому участку советско-китайской границы, на который приходилось около 3,2 тысяч километров, было прервано распадом СССР. В этой связи наличие неделимитированных участков границы, спорных территорий и отсутствие соответствующей договорно-правовой базы между КНР и государствами ЦА вызывали у Пекина обоснованное беспокойство.

Высокий уровень военного присутствия в приграничных районах

В результате резкого обострения в 60-х годах двусторонних отношений Китай стал рассматриваться Советским Союзом как один из «вероятных противников». Поэтому с конца 60-х годов вдоль всего периметра советско-китайской границы были развернуты крупные войсковые группировки Вооруженных Сил СССР. В частности, на территории Казахской, Киргизской и частично Таджикской ССР дислоцировались войска Среднеазиатского военного округа и размещалось ядерное оружие.

Справка. Среднеазиатский военный округ (САВО) как самостоятельное оперативно-стратегическое объединение был выделен из состава Туркестанского военного округа (ТуркВО) в 1969 году после вооруженных столкновений на границе в районе Жаланашиколь. К моменту распада СССР на территории Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана на «китайском направлении» располагалась группировка советских войск в следующем составе: штаба 40-й Армии (выведен из Афганистана в 1989 году) и штаба 1-го Армейского корпуса; 68-й мотострелковой дивизии; 78-й танковой дивизии; 37-й воздушно-десантной бригады; 44-й ракетной бригады; 645-го артиллерийского полка; 962-го реактивно-артиллерийского полка; трех крупных баз хранения техники – 5202-й, 5203-й и 5204-й; корпуса ПВО; корпуса ВВС. Силы САВО превосходили по боевому потенциалу войска Ланьчжоуского и Синьцзянского военных округов Народно-освободительной армии Китая (НОАК), дислоцирующихся в СУАР. Тем более на территории САВО также располагалась часть советского ядерного стратегического арсенала, используемого как фактор сдерживания. В Казахстане, в частности, были размещены 104 ракеты СС-18 стационарного базирования и 240 крылатых ракет²². До 1993 года Казахстан формально являлся страной, имеющей ядерное оружие. В 1993 году, ратифицировав Договор «О сокращении наступательных вооружений» (СНВ-1) и Лиссабонский протокол к Договору «О нераспространении ядерного оружия», Казахстан официально отказался от ядерного статуса. 28 марта 1994 года Россия и Казахстан подписали специальное Соглашение «О стратегических ядерных силах, временно расположенных на территории Казахстана». После вывода с казахстанской территории ядерного оружия Китай,

---

²²М.Ш. Губайдуллина, Б.Ж. Сомжурек. Формирование правовой базы военнополитического сотрудничества между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. / Информационно-аналитический центр Московского государственного университета (Россия). – Москва, 22 августа 2007 года, <http://www.gzt.ru/business/2007/08/22>

наряду с Россией, США и Францией заявил о предоставлении Казахстану соответствующих гарантий безопасности.

В условиях охлаждения советско-китайских отношений, в период 60–80-х годов XX века, приграничные с Китаем районы СССР были одними из самых милитаризованных в Советском Союзе по количеству дислоцирующихся там войск и боевой техники. Поэтому распад СССР и формирование в Центральной Азии в начале 90-х годов новой геополитической ситуации при сохраняющейся в регионе высокой концентрации военной силы и тем более наличию ядерного оружия не могли не вызывать беспокойства у Пекина особенно в условиях нерешенности погранично-территориальных вопросов.

Активизация уйгурского сепаратизма

Уйгурский сепаратизм уходит своими корнями глубоко в историю. С момента включения Синьцзяна в состав Китайской империи, проживающие на данной территории коренные этносы, в первую очередь, самый многочисленный – уйгурский, постоянно боролись за независимость, используя для этого как внутренние, так и внешние ресурсы.

Справка. Первое уйгурское государственное образование – Уйгурский каганат, был основан в VIII веке и просуществовал около 100 лет. Позднее уйгуры еще несколько раз создавали свои государства, которые, однако, не отличались устойчивостью и долголетием. В XVII веке уйгурами было основано очередное национально-государственное образование под названием Восточный Туркестан, но в 1760 году под натиском китайско-маньчжурских войск регион был включен в состав Китайской империи и стал называться Синьцзяном, по-китайски – «новая граница». Уйгуры много раз восставали, а в XX веке им даже дважды удавалось провозглашать независимость: в 1933 году – Исламской Восточно-Туркестанской Республики и в 1944 году – просоветской Восточно-Туркестанской Республики. После того, как в 1949 году Китай восстановил утраченные позиции в Синьцзяне, с 1955 года регион приобрел статус Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Характерно, что и Российская империя,

и Советский Союз играли крайне противоречивую роль в движении уйгуров к независимости: в одни исторические периоды всемерно его поддерживая, а в другие – помогая Китаю подавлять его.

Хотя Пекину в целом удавалось держать под своим контролем достаточно непростую ситуацию в СУАР, тем не менее, проводимая китайским руководством политика, нередко вызывала протест со стороны проживающих здесь уйгур и других коренных народностей. Иногда протест принимал форму вооруженного противостояния, что несло в себе прямую угрозу территориальной целостности Китая.

Начавшаяся в Советском Союзе «перестройка», а затем последовавший распад СССР явились своего рода катализаторами роста сепаратистских настроений в Синьцзяне. Поэтому в конце 80-х – начале 90-х годов XX века в СУАР в очередной раз стала отмечаться активизация деятельности уйгурских сепаратистов, направленная на выход из состава КНР и провозглашение независимого государства «Восточный Туркестан». Факт же появления национальных государств этнически и религиозно близких народов Центральной Азии оказал еще более существенное влияние на настроения местного населения СУАР, прежде всего уйгуров. Все это вызывало у руководства КНР достаточно серьезную обеспокоенность²³, которая подкреплялась еще и опасением возможного повторения исторически недавних прецедентов разыгрывания «уйгурской карты» и поддержки национального сепаратизма со стороны ближайших соседей.

---

²³По данным известного российского (ранее – казахстанского) эксперта Виталия Хлюпина, в связи с неспокойной обстановкой в СУАР на заседании Политбюро ЦК КПК осенью 1991 года говорилось о том, что «Синьцзян может стать базой сил, преследующих целью свержение социалистического строя на территории всей страны». Войска, дислоцированные в СУАР, были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а местным органам власти автономного района в качестве главной задачи на 1992 год было определено «подавление сепаратизма». Источник: В. Хлюпин. Треугольник геополитического взрыва: Казахстан – Китай – Россия. / Международный Евразийский институт экономических и политических исследований (Вашингтон), 1999 год, http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_5.htm

***Справка.** В конце 1940-х годов руководство Казахской ССР инициировало в ЦК КПСС вопрос о создании на территории республики Уйгурской автономной области для того, чтобы содействовать освободительному движению в Синьцзяне, тогда контролируемом правительством Чан Кайши (Национальная партия «Гоминьдан»). Указанная область должна была служить своего рода тыловой базой для провозглашенной уйгурами на части Синьцзяна в 1944 году Восточно-Туркестанской Республики. Позже, в начале 60-х годов XX века, когда наступило охлаждение советско-китайских отношений, по решению ЦК КПСС в восточных районах Казахской ССР было создано несколько поселений для уйгуров из СУАР, которые затем привлекались для ведения антикитайской пропаганды.*

Рост сепаратистских настроений в Синьцзяне, усиленный вероятностью внешнего воздействия, не мог не вызывать тревогу в Пекине, особенно учитывая наличие в центральноазиатских странах (преимущественно в Казахстане и Кыргызстане) достаточно многочисленной уйгурской диаспоры. Более того, руководство КНР принимало в расчет, что в начале 90-х годов, в условиях формирования государственности в странах ЦА и во многом объективной слабости правоохранительных структур постсоветских республик региона, на территории Казахстана и Кыргызстана активизировались некоторые уйгурские националистические организации: «Международный комитет освобождения Туркестана»²⁴, «Организация освобождения Туркестана», «Объ-

---

²⁴В 1984 году в Казахской ССР представителями местной уйгурской диаспоры был образован «Национальный фронт Восточного Туркестана», в задачи которого входила пропаганда идей создания независимого уйгурского государства. После распада СССР на его базе появился «Международный комитет освобождения Туркестана», включавший в себя ряд организаций. Члены комитета декларировали ненасильственные методы борьбы за суверенитет, однако уже в 1993 году от Комитета откололось радикальное крыло, которое переименовалось в «Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана». Руководство Фронта объявило о том, что только вооруженная борьба с китайскими властями может привести к воссозданию независимого Уйгурстана. Источник: Китайская Чечня. / Еженедельник «Московские новости» (Россия), №18, 4–11 мая 1997 года.

единенная ассоциация уйгуров», которые начали помогать своим соплеменникам в СУАР.

Через указанные организации в Синьцзян стали поступать идеологическая литература и финансовые средства из Саудовской Аравии и Турции, радикальные круги которых выступали с поддержкой сторонников создания независимого государства «Восточный Туркестан». После того, как Всемирный уйгурский курултай, состоявшийся в г. Стамбуле в декабре 1992 года, принял решение о переходе к вооруженным методам борьбы за независимость, в СУАР началась и переброска оружия. Его значительная часть поступала транзитом через территории центральноазиатских республик. В самих странах региона отмечались также попытки хищения оружия на армейских складах с целью дальнейшей переброски в Синьцзян.

Кроме того, спасаясь от преследований китайских властей, в Кыргызстане и Казахстане в местах проживания уйгурской диаспоры стали укрываться члены сепаратистских группировок из СУАР, которые пытались вести антикитайскую деятельность с использованием возможностей организаций радикального толка, закрепившихся в центральноазиатских государствах.

В Пекине всегда прекрасно осознавали остроту «уйгурского вопроса», поскольку усиление сепаратистских настроений в Синьцзяне, и как крайняя форма этого – отделение СУАР от Китая, могло запустить механизм «внутреннего домино». В результате, потеря одной части территории КНР воодушевила бы сепаратистов в других местах, прежде всего в Тибете, и в конечном итоге могла привести к распаду страны.

Политика Китая

Сразу же после установления дипломатических отношений с государствами Центральной Азии Пекин взял курс на скорейшее решение проблемных вопросов, затрагивающих безопасность КНР. При этом Китай оправданно сделал ставку на развитие сотрудничества с Россией, которая имела огромный исторический опыт присутствия в регионе и к тому же по инерции все еще рассматривалась центральноазиатскими

странами в качестве своего рода метрополии, способной выступить гарантом их безопасности.

Урегулирование погранично-территориальных вопросов

Пекин незамедлительно выступил с инициативой возобновления переговоров по урегулированию погранично-территориальных вопросов, начатых в период существования Советского Союза. Для китайского руководства было очевидным, что фундаментальные основы безопасности, целостности и неприкосновенности территории КНР могут быть обеспечены только тогда, когда будут окончательно определены, четко обозначены и договорно закреплены государственные границы Китая.

Уже в первой половине 1992 года Китай инициировал двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном (Таджикистан в силу начавшегося внутреннего вооруженного противостояния практически «выпал» из двустороннего переговорного процесса) по линии прохождения границы и спорным территориям. Причем Пекин также согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате. В сентябре 1992 года в г.Минске была сформирована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула «4+1»).

***Справка.** Для Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана создание объединенной делегации было принципиально важным условием: страны региона не имели необходимых для ведения переговоров документов (договоров, соответствующих протоколов советско-китайских переговоров, различного рода справок, карт прохождения линии границы и т.п.). Формат «4+1» позволил трем центральноазиатским государствам пользоваться архивами российского МИДа, а также получить необходимую практику ведения переговоров по столь принципиально важным вопросам.*

Благодаря механизму совместной работы четырех стран СНГ, в ходе переговоров с китайской делегацией удалось избежать длительных

двусторонних консультаций и в достаточно сжатые сроки подтвердить ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы. В последующем Китай зафиксировал с каждой из стран это положение в межгосударственных соглашениях.

Казахстан. Первым из государств региона, с которым Пекину удалось в целом решить погранично-территориальные вопросы, был Казахстан, имеющий с Китаем наиболее протяженную границу, около 1740 километров. 26 апреля 1994 года между Китаем и Казахстаном был подписан Договор «О казахстано-китайской государственной границе», определивший линию прохождения границы на всем ее протяжении, за исключением двух участков: первого, в районе реки Сары-Чельды (бывшая Алма-Атинская область), и второго, в районе перевалов Чаган-Обо и Баймурза (бывшая Семипалатинская область).

Спор шел о 944 квадратных километрах казахстанской территории. Лишь в сентябре 1997 года было достигнуто дополнительное соглашение о границе, а 10 марта 1999 года парламент Казахстана его ратифицировал. Тем самым был завершен процесс делимитации. В соответствии с соглашением, 407 квадратных километров спорной территории отошли Китаю, а 537 квадратных километров остались у Казахстана²⁵. Примечательно, что при этом Казахстан удовлетворил просьбу Пекина и ликвидировал инженерно-фортификационные сооружения на границе, возведенные еще во времена СССР в качестве единой оборонительной системы против «возможной агрессии» со стороны Китая.

***Справка.** Казахстану в наследство от СССР досталась разветвленная и хорошо оборудованная система инженерно-фортификационных сооружений в приграничной с Китаем зоне. Особенно мощным считался Хоргосский укрепрайон, прикрывавший стратегическое – алма-атинское направление, где была создана разветвленная система долговременных огневых точек в*

---

²⁵И. Комиссина, А. Куртов. Китай и Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества. / Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. – Российский институт стратегических исследований. – Москва, 2003 год. – С.36-37.

окружении мощных минных полей, а также размещались два полка, в том числе один – огнеметных танков.

Кыргызстан. Двусторонние консультации между Пекином и Бишкеком по пограничным вопросам начались в 1992 году. До 1996 года Китаю и Кыргызстану удалось согласовать линию границы протяженностью более 1000 километров за исключением спорных участков в районе перевала Бедель (водосбор реки Узенгю-Кууш) и пика Хан-Тенгри. 4 июля 1996 года Кыргызстан и Китай подписали Соглашение «О кыргызско-китайской государственной границе», а 17 марта 1998 года парламент Кыргызстана его ратифицировал. Спорные же участки вошли в Соглашение с особым статусом, по которому Пекин и Бишкек договорились продолжить переговоры.

Дополнительное соглашение о границе руководители двух стран подписали 26 августа 1999 года в г. Бишкеке. На основании данного соглашения было достигнуто следующее: от спорного Бедельского участка площадью 2840 квадратных километров Китаю отошло около 900 квадратных километров; от участка, прилегающего к пику Хан-Тенгри – 161 из 450 квадратных километров; участок Боз-Амир-Ходжент отдан полностью²⁶.

***Справка.** Территориальные уступки Китаю впоследствии были использованы оппозиционными политическими силами Кыргызстана против президента А. Акаева, в период нахождения у власти которого и проходили кыргызско-китайские переговоры по территориально-пограничной тематике. В 2002 году недовольство вылилось в массовые акции протеста, сопровождавшиеся насильственными действиями как со стороны оппозиционных сил, так и со стороны властей (так называемые аксыйские события). После смены власти в марте 2005 года новое руководство Кыргызстана не раз выражало желание пересмотреть*

---

²⁶И. Ханин. О делимитации и демаркации государственной границы между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой. / Электронная версия журнала Федерации альпинизма РФ Risk.ru (Россия), июнь 2002 года, <http://www.old.risk.ru/rus/regions/tianshan/khanin/index.html>

подписанные ранее территориальные соглашения с Китаем. В Пекине к этому относились с большой долей настороженности, делая акцент на том, что достигнутые ранее на государственном уровне договоренности не могут быть пересмотрены в случае смены руководства страны. Более того, Китай даже был готов пересмотреть условия действующих между двумя странами договоренностей в экономической и социальной сферах, в случае если бы Бишкек предпринял недружественные по отношению к Пекину шаги. В ходе своего первого государственного визита в Китай 9–10 июня 2006 года новый президент Кыргызстана К. Бакиев и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию, в которой говорилось, что все пограничные споры между Кыргызстаном и Китаем решены окончательно и никакого пересмотра ранее подписанных документов в этой области не будет.

Таджикистан. Наиболее длительным для Пекина оказалось решение погранично-территориальных вопросов с Душанбе, где Китай претендовал на значительную часть Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Из-за гражданской войны в Таджикистане стороны долгое время не могли согласовать линию прохождения границы протяженностью более 500 километров. Лишь в 1999 году между двумя странами было подписано Соглашение «О таджикско-китайской государственной границе», на основании которого Душанбе сохранял полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Карзак на Памире, но уступал Пекину около 200 квадратных километров другого участка близ реки Маркансу.

В мае 2002 года стороны также подписали Соглашение «О демаркации границы и урегулировании территориальных споров»: Таджикистан согласился передать Китаю почти 1000 квадратных километров спорных территорий в ГБАО²⁷. Как представляется, договорно-правовое закрепление линии прохождения государственной границы во многом способствовало открытию уже в мае 2004 года первого по-

---

²⁷И. Комиссина, А. Куртов. Там же. – С.36–37.

граничного контрольно-пропускного пункта «Карасу» и началу функционирования прямого автодорожного сообщения через перевал «Кульма».

Снижение уровня военного присутствия

Вопрос снижения уровня военного присутствия в приграничных районах решался параллельно с урегулированием погранично-территориальных проблем в рамках рабочей группы формата «4+1». Начиная с 1993 года, указанная группа стала работать на постоянной основе. К 1996 году по инициативе Пекина и Москвы были созданы условия для подписания главами пяти государств в г. Шанхае Соглашения «Об укреплении доверия в военной области и в районе границы».

***Справка.** Первая статья Соглашения «Об укреплении доверия в военной области и в районе границы» предусматривает следующее положение: «Вооруженные силы сторон, дислоцированные в районе границы, как составная часть национальных вооруженных сил сторон, не будут использоваться для нападения на другую сторону, вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другой стороне и нарушающую спокойствие и стабильность в районе границы».*

Уже в рамках «Шанхайской пятерки» Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан договорились об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в приграничных районах и необходимости информировать друг друга о действиях войск в пределах 100-километровой зоны от границы.

В апреле 1997 года в г. Москве был подписан второй важный для Китая документ – Соглашение «О взаимном сокращении вооруженных сил в пограничных районах», в соответствии с которым вводились предельные количественные уровни для сухопутных войск и авиации в 100-километровой демилитаризованной зоне. Причем ограничения были установлены таким образом, что 130-тысячной группировке вооруженных сил КНР, дислоцирующейся в СУАР, могла «противостоять»

аналогичная по численности, но только объединенная войсковая группировка России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана²⁸.

В целом, достигнутые в г. Шанхае и г. Москве договоренности помимо того, что привели к решению сложного комплекса территориально-пограничных вопросов и сокращению военного присутствия, внесли важный вклад в развитие китайско-центральноазиатского и китайско-российского сотрудничества, а также способствовали формированию атмосферы доверия между Китаем, Россией и странами Центральной Азии.

Борьба с уйгурским сепаратизмом

После распада Советского Союза Пекин был вынужден пойти на принятие целого ряда превентивных мер по пресечению возможной поддержки уйгурских сепаратистских группировок в СУАР извне, в том числе из ЦА. С этой целью в начале 90-х годов Китай усилил режим охраны границы с центральноазиатскими государствами и ужесточил въезд на свою территорию. Было увеличено количество пограничных нарядов и постов, а на маршрутах перемещения «челноков», которые с распадом СССР в массовом порядке стали посещать Синьцзян, спецслужбы КНР установили жесткий контроль.

Параллельно, благодаря предпринятым в период начала-середины 90-х годов политико-дипломатическим усилиям, требования о запрещении деятельности уйгурских сепаратистских организаций на территории центральноазиатских республик неизменно озвучивались официальными лицами Китая в ходе переговоров на самых различных уровнях и затем уже в форме тезисов включались в документы, регламентирующие двусторонние и многосторонние отношения. В результате, Пекину удалось заручиться официальной поддержкой стран Центральной Азии в плане противодействия уйгурскому сепаратизму²⁹.

---

²⁸В. Хлюпин. Треугольник геополитического взрыва: Казахстан – Китай – Россия. / Международный Евразийский институт экономических и политических исследований (Вашингтон), 1999 год, http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_5.htm

²⁹В частности, в сентябре 1995 года в ходе визита президента Н. Назарбаева в Пекин, лидер Казахстана согласился подписать совместное с председателем

Китайская сторона получила от руководителей государств ЦА заверения в том, что они будут выступать против всякого рода антикитайских проявлений, не допускать на своей территории направленную против КНР сепаратистскую деятельность любых организаций и сил.

Казахстан. Именно Казахстан, на территории которого проживает достаточно многочисленная уйгурская диаспора и функционировали различного рода уйгурские организации, активизировавшиеся в начале 90-х годов, стал для Китая основным визави в плане противодействия сепаратизму. То, насколько Пекин был обеспокоен этой проблемой, красноречиво указывает, например, следующий факт: весной 1993 года МИД КНР официальной нотой протеста обвинил Казахстан в том, что он уклоняется от принятия мер по нейтрализации деятельности на своей территории уйгурских сепаратистов, стремящихся воссоздать государство «Восточный Туркестан»³⁰.

Уже к 1995 году многие уйгурские националистические организации в Казахстане были официально запрещены. В частности, Генеральная прокуратура республики, проверив и установив незаконность деятельности «Объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана», «Организации освобождения Уйгурстана», а также печатных органов данных структур – газет «Голос Восточного Туркестана» и «Уйгурстан», вынесла предписание об их незамедлительном закрытии³¹.

Казахстанские власти также начали высылать из страны тех уйгуров – граждан КНР, которые проживали на территории республики без официального разрешения. Кроме того, по запросу Китая правоохранные органы Казахстана стали задерживать и депортировать в

КНР Цзян Цзэминем заявление, в котором говорилось, что обе страны «выступают против национального сепаратизма в любой форме и не позволят каким-либо организациям и силам участвовать в подобной сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны». Источник: *С.И. Лунев*. Роль внешних факторов в Центральной Азии. / Личная интернет-страница, <http://www.ufalaw.narod.ru/4/mp/lunev/Lunev-glava5.htm>

³⁰ *В. Хлюпин*. Там же.

³¹ Газета «Казахстанская правда» (Казахстан), 13 октября 1995 года.

КНР участников сепаратистского движения, под различными предлогами пытавшихся въехать в республику³².

Впоследствии спецслужбы Казахстана еще больше ужесточили подходы к пребыванию на своей территории уйгурских сепаратистов. Ряд их организаций, в частности самая многочисленная – «Исламская партия Восточного Туркестана», была признана в 2004 году террористической, что давало силовым структурам Казахстана юридическое обоснование применять соответствующие превентивные меры против ее членов.

Кыргызстан. С середины 90-х годов власти Кыргызстана также стали принимать меры по ограничению деятельности на своей территории различных уйгурских группировок. Так, в 1996 году уйгурские активисты попытались зарегистрировать «Партию за освобождение Восточного Туркестана», однако Министерство юстиции Кыргызстана отказалось это сделать на том основании, что национальное законодательство запрещает легализацию партий, ставящих своей целью обособление территорий сопредельного государства. В республике также был введен запрет на проведение представителями уйгурской общины массовых акций, направленных на поддержку сепаратистов в СУАР. В результате действий кыргызских властей, наиболее активные сторонники идеи создания независимого государства в Синьцзяне из числа уйгур, проживающих в Кыргызстане, вынуждены были уйти в подполье.

---

³²Например, в августе 1998 года в Казахстан из Китая прибыли три активиста одной из уйгурских группировок, которые официально попросили у казахстанских властей политического убежища. Однако они не получили его и в феврале 1999 года были депортированы в КНР. В 2000 году казахстанские спецслужбы установили конспиративную квартиру в г. Алматы, где некоторое время скрывались уйгурские боевики из Синьцзяна. При задержании они оказали вооруженное сопротивление, в результате чего трое из них были убиты. В мае 2006 года Комитет национальной безопасности Казахстана заявил об аресте и депортации в Китай еще 10 представителей крупной уйгурской подпольной группы, укравшихся на казахстанской территории.

Узбекистан. Проблема деятельности уйгурских сепаратистов в Узбекистане практически не обозначалась, поскольку ситуация находилась в целом под контролем правоохранительных структур и местная уйгурская община (около 40 тысяч человек) старалась стоять в стороне от любых антикитайских акций. Тем более, что Узбекистан, придерживаясь взятых на себя обязательств, стремился не допускать появления на территории республики членов зарубежных уйгурских сепаратистских организаций³³.

Многосторонний формат. С целью борьбы с уйгурским сепаратизмом Китай предпринимал усилия не только на двустороннем уровне, но и на многосторонней основе. В 1996 году по инициативе Китая в рамках «Шанхайской пятерки» на обсуждение был поставлен «уйгурский вопрос», по которому была выработана и документально закреплена общая позиция. Уже в рамках сформированной в 2001 году Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном Шанхайской организации сотрудничества была подписана Конвенция «О борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом», которая впервые на международном уровне закрепляла определение сепаратизма как насильственного деяния, за которое предусматривалось преследование в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством всех государств-участников ШОС. В последующем страны-члены Организации неоднократно подтверждали неприятие любых проявлений сепаратизма и готовность противодействовать сепаратистской деятельности на своих территориях.

В августе 2008 года на очередном саммите ШОС в г. Душанбе государствам-членам Организации пришлось решать непростую для себя задачу: вырабатывать общую позицию по событиям в Южной Осетии и Абхазии. Сдержанность в официальных оценках действий России на Кавказе со стороны государств ЦА и особая позиция делегации КНР

---

³³Как пример, в марте 2006 года спецслужбами Узбекистана был задержан и в последующем экстрадирован в Китай прибывший из Канады уроженец Кашгара Хусейнджан Джелили, который в середине 90-х годов был заочно осужден в КНР за участие в уйгурском сепаратистском движении. Этот случай получил огласку в СМИ и вызвал протест ряда западных правозащитных организаций.

по данному вопросу является прямым следствием того, насколько болезненной остается для Китая и в какой-то степени центральноазиатских стран проблема национального сепаратизма.

В целом же можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в результате активных шагов, а порой дипломатического давления Китая на ряд государств региона, в 90-х годах была принята и по настоящее время проводится согласованная между КНР и странами ЦА политика в отношении уйгурского сепаратизма. Тем более, что в конце 90-х годов руководство Китая принципиально изменило подходы к этому вопросу и стало рассматривать его не только как «чисто» внутреннее явление, но и как составную часть международного террористического движения, борьба с которым требует совместных усилий.

Фактор нестабильности Афганистана

В конце 90-х годов непрекращающаяся вооруженная борьба между различными группировками в Афганистане и хаос, царящий в этой стране, стали все более негативно воздействовать на обстановку как в ЦА, так и в СУАР КНР. Если в первой половине 90-х годов афганские события не оказывали существенного влияния на Китай, то с появлением на военно-политической сцене Афганистана Движения «Талибан» положение дел стало заметно меняться. Впечатляющие успехи талибов в вооруженном противоборстве с другими военно-политическими группировками и захват ими власти в Кабуле во второй половине 90-х годов создали крайне благоприятные условия для активизации в Афганистане различного рода экстремистских сил. В этой связи, с конца 90-х годов принципиально важной задачей для Китая становится борьба со следующими угрозами:

- международным терроризмом;
- исламским радикализмом и экстремизмом;
- незаконным оборотом наркотиков.

При этом характерно и то, что с осени 2001 года борьба КНР с данными угрозами напрямую связана с фактором присутствия США в ЦА и Афганистане.

Активизация международного терроризма

Во второй половине 90-х годов на афганской территории закрепились представители различных экстремистских организаций, пользующихся поддержкой международной террористической сети «Аль-Каида». Это фактически превратило страну в плацдарм международного терроризма.

В Афганистане появились и члены уйгурских группировок из СУАР, которые стали приобретать военный опыт, участвуя в боевых действиях на стороне талибов, а также проходя подготовку в лагерях «Аль-Каиды»³⁴. Руководство уйгурских сепаратистов не без оснований полагало, что «Талибан» и «Аль-Каида» представляют реальную силу, способную оказать действенную помощь в создании на территории СУАР независимого исламского государства.

Возвращавшиеся из Афганистана в Синьцзян уйгуры принимали активное участие в вооруженных акциях против представителей китайских властей, а также выступали в качестве инструкторов учебно-тренировочных баз, созданных в труднодоступных районах КНР. Основным методом борьбы уйгурские боевики определили террор, применяя полученный в Афганистане боевой опыт не только в самом Синьцзяне, но и в странах ЦА³⁵, а также в Чечне, в частности, в отрядах международного террориста Хаттаба.

---

³⁴В ноябре 2001 года вице-премьер Госсовета КНР Цянь Цичэнь сообщил представителям ООН, что около 1 тысячи китайских мусульман проходили обучение в лагерях «Аль-Каиды» в Афганистане и Пакистане, а около 100 уйгуров непосредственно воевали на стороне талибов. Источник: *К.Л. Сыроежкин. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии.* – Алматы, 2006 год. – С. 246.

³⁵В частности, 1 мая 1998 года в г. Ош (Кыргызстан) было взорвано маршрутное такси, в результате два человека были убиты и 12 ранены. Через некоторое время кыргызские правоохранительные органы арестовали по этому делу пять человек, трое из которых были уйгурами из СУАР, прошедшими подготовку в лагерях в Афганистане. В 2000 году в г. Бишкеке за отказ пожертвовать деньги на нужды сепаратистского движения в Синьцзяне был убит председатель культурно-просветительского общества уйгуров Кыргызстана «Иттипак» («Единство»). В 2002 году также в г. Бишкеке от рук уйгурских боевиков погибли консул посольства КНР в Кыргызстане и бизнесмен из СУАР. В 2003 году был расстрелян автобус с китайскими «челноками», погибло 19 граждан КНР.

Распространение исламского радикализма и экстремизма

«Талибанизация» Афганистана стала одной из главных внешних причин более активного распространения как в Центральной Азии, так и непосредственно в СУАР КНР различного рода радикальных исламистских организаций и группировок. Особую обеспокоенность у руководства КНР, как представляется, вызвали попытки вооруженного прорыва в 1999 и 2000 годах на территорию Узбекистана и Кыргызстана боевиков так называемого «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), поддержанных «Аль-Каидой». Сценарий развала существующих светских режимов в странах Центральной Азии и прихода к власти исламских радикалов ни в коей мере не мог устраивать Пекин. Подобное развитие событий было способно привести к дестабилизации ситуации в Синьцзяне, что, в свою очередь, несло реальную угрозу территориальной целостности Китая.

Тем более, что в начале первого десятилетия XXI века стало отмечаться сращивание радикальных и экстремистских кругов ЦА с уйгурским сепаратистским подпольем, что позволило им организовать практическое взаимодействие в противоборстве с официальными властями. В частности, в начале 2001 года произошло достаточно знаковое событие: руководство так называемого ИДУ заявило о том, что «Исламское Движение Узбекистана» преобразуется в «Исламское Движение Туркестана» («Хезби исломи Туркистон»), которое должно было объединить ряд группировок «борцов за веру» из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Синьцзяна. И хотя лидеры экстремистов в большей степени пытались выдать желаемое за действительное, сам факт подобной пропагандистской акции свидетельствовал о нарастающих тенденциях все более тесного взаимодействия радикальных сил как с территории Центральной Азии, так и с территории Китая.

Подтверждением этому является и активизация деятельности в центральноазиатском регионе в конце 90-х годов международной радикальной организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». В первом десятилетии наступившего века данная организация успешно развернула в различных городах СУАР свои первичные ячейки и стала вести пропагандистскую работу с призывами установления в Синьцзяне «халифа-

та», что, в принципе, совпадает с целями и задачами наиболее радикальных уйгурских группировок.

***Справка.** По информации Министерства общественной безопасности КНР, активность сторонников «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» в Синьцзяне, особенно в южных районах (Кашгар, Аксу) имеет тенденцию роста. По масштабам своей активности в СУАР данная организация уступает лишь самой известной и многочисленной уйгурской сепаратистской группировке – «Исламской партии Восточного Туркестана». В ходе произошедших в СУАР летом 2008 года перед Олимпийскими играми беспорядков китайскими правоохранительными органами наряду с членами ряда уйгурских группировок были задержаны и активисты «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».*

В целом угроза исламского радикализма и экстремизма представляется для Пекина вполне реальной, поскольку примерно из 20 млн. человек, населяющих СУАР, около 60% всего населения автономного района, а это приблизительно 12 млн. человек, являются мусульманами. Тем более, что в Синьцзяне еще с конца 80-х – начала 90-х годов XX века стал все более четко просматриваться симбиоз исламского радикализма и уйгурского сепаратизма, общей целью для которых было создание независимого государства³⁶.

По истечении первого десятилетия XXI века Синьцзян-Уйгурский автономный район по-прежнему остается объектом деятельности радикальных и экстремистских группировок. В начале 2009 года китай-

---

³⁶Перегибы в конфессиональной политике, допущенные в годы Великой культурной революции в Китае, вызывали протест со стороны мусульманского населения СУАР и обуславливали рост там числа сторонников исламского радикализма. Возросшая во всем мире в конце 80-х годов политизация Ислама способствовала зарождению в Синьцзяне нелегальных мусульманских организаций и сект, которые, объявив о начале священной войны – «джихаде», наряду с уйгурским сепаратистским движением стали активно выступать против Пекина. Источник: От Синьцзяна до Кашмира / Журнал «Новое время» (Россия), № 40, 1999 год.

ские власти объявили о том, что за прошедший год в Синьцзяне арестовано «свыше 1300 сепаратистов и религиозных экстремистов, ликвидировано более 40 их тренировочных лагерей»³⁷. Эти факты наглядно свидетельствуют в пользу устойчивой тенденции усиления скоординированности в действиях сепаратистских и радикальных группировок в СУАР и их единомышленниками за пределами КНР³⁸, в том числе и в Центральной Азии.

Рост незаконного оборота наркотиков

Еще в начале 90-х годов Афганистан превратился в крупнейшего мирового производителя и поставщика опия и героина. Но если в тот период наркотрафик из Афганистана практически не затрагивал Китай, для которого основную угрозу тогда представлял район «Золотого треугольника» в Юго-Восточной Азии, то уже со второй половины 90-х годов ситуация существенно изменилась. Поток наркотиков из Афганистана в северном направлении через страны Центральной Азии заметно увеличился. При этом афганский героин все чаще поставлялся непосредственно в Китай, а афганские наркосиндикаты стали закупать прекурсоры³⁹ в Синьцзяне, переправляя их затем в Афганистан.

С началом XXI века наркоэкспансия из Афганистана приобрела еще большие масштабы. Производство наркотиков в этой стране резко

---

³⁷Источник: «Радио свобода», сообщение за 4 января 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1231097580>

³⁸Показательно, что после масштабных столкновений на этнической почве в СУАР летом 2009 года, ряд зарубежных исламистских организаций экстремистского толка призвали немедленно начать «кампанию мщения против Китая по всему миру». В частности, организация «Исламский Магриб» (AQIM) – одна из группировок, причисляющих себя к международной сети «Аль-Каида», пригрозила убивать китайцев в ответ на репрессии против мусульман Синьцзяна. Чуть позже боевики этой организации напали в Алжире на воинский конвой, охранявший китайских инженеров. 24 военнослужащих были убиты. Среди граждан КНР убитых и раненых не было, но нельзя исключать того, что в будущем китайцы могут стать целями исламских экстремистов. Источник: В. Скосырев. «Аль-Каида» призывает мстить китайцам. Конфликт цивилизаций приобрел ярко выраженный восточный колорит. / «Независимая газета» (Россия), 15 июля 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1247636460>

³⁹Сырье, используемое при производстве героина.

увеличилось после прихода туда в 2001 году войск международной антитеррористической коалиции во главе с США. Нынешние афганские власти и поддерживающий их зарубежный воинский контингент «не способны или не хотят исправить данную ситуацию»⁴⁰. Поток наркотиков из Афганистана в ЦА и КНР продолжает расти, что представляет все более серьезную угрозу для Китая и региональной безопасности в целом. Причем характерно, что наркосандикаты с каждым годом идут на все большие ухищрения с целью доставки наркотиков потребителям, в том числе и в КНР⁴¹.

Политика Китая

Во второй половине 90-х годов, по мере нарастания воздействия на СУАР и ЦА новых угроз, во многом обусловленных нестабильностью в Афганистане, для Китая стала очевидной острая необходимость в налаживании еще более тесного взаимодействия со странами региона и Россией в сфере безопасности. Угрозы, исходящие из Афганистана, стали рассматриваться в комплексе, поскольку «подпитывали» друг друга. В складывающейся ситуации Пекин сделал ставку на формирование тандема с Москвой.

---

⁴⁰ А. Лукин. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше. / Журнал «Россия в глобальной политике» (Россия). – Москва, № 3, 2007 год.

⁴¹ В начале декабря 2009 года в российском порту Восточный Приморского края на судне, которое готовилось к отплытию в Шанхай, была обнаружена крупная партия афганских наркотиков. Героином была пропитана шелковая пряжа, размещенная в двух сорокафутовых морских контейнерах, которые поступили в порт транзитом по железной дороге из Афганистана через Узбекистан, Казахстан и Россию. Это одна из самых крупных партий наркотиков, выявленных за последние годы. С таким способом переправки наркотиков российские правоохранительные органы столкнулись впервые. Источник: Информационное сообщение телевизионного канала ПТР (Приморское телевидение и радио), филиала центрального российского канала ВГТРК, 2 декабря 2009 года, <http://www.ptr-vlad.ru/2009/12/02/v-nakhodka-zaderzhana-partija-geroina-kotoruju.html>

***Справка.** Активизации сотрудничества Китая с Россией по вопросам региональной безопасности во второй половине 90-х годов способствовало еще и то, что с 1996 года, после прихода в российский МИД Е. Примакова, во внешней политике Кремля произошли существенные изменения: значительно усилился восточный вектор. Россия выразила намерение развивать стратегическое партнерство с Китаем, что было официально озвучено в 1996 году на российско-китайском саммите в г. Москве во время визита председателя КНР Цзян Цзэминя.*

В августе 1999 года на бишкекском саммите «Шанхайской пятерки» КНР и РФ призвали к скорейшему формированию договорно-правовой базы и организации практического взаимодействия специальных органов по пресечению террористических, экстремистских и сепаратистских проявлений, оперативному реагированию и обмену информацией. Уже в декабре того же года в г. Бишкеке на встрече руководителей правоохранительных структур и специальных служб Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана был подписан соответствующий меморандум.

Еще более тесное взаимодействие между Пекином и Москвой по вопросам региональной безопасности наметилось после прихода к власти в России В. Путина. Важным достижением китайско-российского тандема явилось создание в июне 2001 года на базе «Шанхайской пятерки» и с участием Узбекистана новой региональной организации – Шанхайской организации сотрудничества. Тогда же была одобрена и подписана Конвенция «О борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом», которая предусматривала активизацию взаимодействия стран-членов ШОС на более качественном и практическом уровне, а также возможность подключения к сотрудничеству других государств. Следующим шагом в данном направлении стало принятие в 2002 году на саммите в г. Санкт-Петербурге решения о создании конкретного механизма взаимодействия – Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС.

***Справка.** Исполнительный комитет РАТС начал функционировать в 2004 году в г. Ташкенте. Основными задачами данной структуры является сбор и анализ информации, разработка соответствующих рекомендаций по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также координация совместных усилий по сохранению стабильности и безопасности на территории государств-членов ШОС. Согласно официальным данным, в Исполнительном комитете РАТС постоянно работают 30 человек, по 7 специалистов из России и Китая, 6 – от Казахстана, 5 – от Узбекистана, 3 – от Кыргызстана, 2 – от Таджикистана. Два раза в год проходят заседания Совета РАТС ШОС, который принимает решения обязательного характера по всем вопросам ее деятельности.*

В рамках Региональной антитеррористической структуры Китай стал еще более активно сотрудничать с государствами региона по линии правоохранных структур и спецслужб. Увеличилось и количество проводимых совместных мероприятий с участием КНР, целью которых является выработка практических алгоритмов взаимодействия между странами-членами ШОС⁴².

Взяв курс на активизацию отношений с государствами региона в сфере безопасности, Китай сделал серию значимых шагов по развитию с ними и военного сотрудничества. И если в первой половине 90-х годов Пекин проявлял в этом вопросе определенную сдержанность и осторожность, ограничиваясь лишь изучением общих подходов и протокольными мероприятиями, то после попыток вооруженного прорыва боевиков ИДУ на территорию Узбекистана и Кыргызстана в период 1999–2000 годов, Китай начал оказывать центральноазиатским госу-

---

⁴²В частности, в марте 2006 года на территории Узбекистана состоялись совместные антитеррористические учения «Восток-антитеррор – 2006», к которым впервые привлекались подразделения специальных служб и правоохранных органов стран-членов ШОС. Во второй половине 2006 года аналогичные тренировки с участием китайских специалистов прошли в Таджикистане и Кыргызстане.

дарствам конкретную военно-техническую помощь⁴³, а также принимать самое активное участие в войсковых и антитеррористических учениях.

***Справка.** В 2002 году на территории Кыргызстана состоялись первые в истории военного сотрудничества между КНР и странами ЦА совместные китайско-кыргызские учения по отработке взаимодействия при отражении условно прорвавшихся террористических групп⁴⁴. В августе 2003 года в сопредельных районах Китая и Казахстана уже в рамках ШОС прошли совместные войсковые учения «Взаимодействие – 2003», в которых участвовало свыше одной тысячи военнослужащих Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, а также была задействована тяжелая боевая техника и авиация. В августе 2007 года на полигоне «Чебаркуль» в Челябинской области России состоялись беспрецедентные по своим масштабам войсковые учения «Мирная миссия – 2007», в которых только со стороны Китая приняли участие более 1700 военнослужащих из состава*

---

⁴³В апреле 2000 года в ходе визита казахстанского министра обороны в КНР, была достигнута договоренность о предоставлении Казахстану безвозмездной военно-технической помощи в размере 1 млн. долларов. Летом 2000 года Китай в экстренном порядке поставил Узбекистану военно-техническое имущество для антитеррористических подразделений. Аналогичная помощь была оказана и Кыргызстану, а 5 марта 2002 года в г. Бишкеке министром обороны Кыргызстана и заместителем начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая подписано соглашение о выделении этой центральноазиатской республике дополнительной военно-технической помощи на сумму около 1,2 млн. долларов. В ходе визита в 2000 году военной делегации Китая в Таджикистан китайские представители даже выразили желание направить туда подразделения НОАК «для отражения возможного прорыва боевиков экстремистских группировок из Афганистана». Источник: *И. Комиссина, А. Куртов. Китай и Центральная Азия: проблемы и перспективы сотрудничества. / Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. – Российский институт стратегических исследований. – Москва. 2003 год. – С. 31.*

⁴⁴Китай оказывает военную помощь Бишкеку. / Еженедельник «Военно-промышленный курьер» (Россия), № 17, 12–18 мая 2004 года, http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2004.34.articles.weapon_01

НОАК. В июле 2009 года уже на китайском полигоне «Таонань» Шэньянского военного округа прошли совместные китайско-российские учения «Мирная миссия – 2009» с участием более 3 тысяч военнослужащих РФ и КНР.

В целом характер активности Китая указывает на то, что Пекин продолжает проявлять озабоченность в отношении угроз, исходящих из нестабильного Афганистана и считает, что события в этой стране по-прежнему могут негативным образом влиять на ситуацию в КНР. Не случайно, что с 2005 года в рамках ШОС при активном участии китайских представителей функционирует контактная группа «ШОС – Афганистан», которая позволяет проводить консультации по афганской проблематике непосредственно с официальными лицами Афганистана. Принципиально важно и то, что в работе саммитов глав государств-членов ШОС (в августе 2007 года в г. Бишкеке, в июле 2008 года в г. Душанбе, в июне 2009 года в г. Екатеринбург) с неизменным постоянством принимает участие и президент Афганистана.

В то же время очевидно и то, что как в многостороннем, так и двустороннем форматах инициативы, связанные с поиском путей урегулирования ситуации в Афганистане в основном исходят от России и стран Центральной Азии, нежели от самого Китая⁴⁵. Как представляется, это является определенным индикатором того, что по истечении первого десятилетия XXI века Пекин все же отдает предпочтение проведению самостоятельной политики на афганском направлении и/или действиям через Пакистан – своего традиционного партнера. При этом нельзя исключать и то, что для Китая растет приоритетность развития диалога по афганской проблеме напрямую с США и другими западными странами⁴⁶.

---

⁴⁵В частности, именно Россией была выдвинута и продвигалась идея проведения международной конференции по Афганистану, которая состоялась в марте 2009 года в г. Москве, а президент РФ Д.А. Медведев еще в 2008 году предложил разработать программу совместных действий ШОС по борьбе с наркотрафиком.

⁴⁶Тем более, что за рамками внешнеполитических усилий Китая в Центральной Азии остается китайская политика в самом Афганистане и общий фон взаимо-

Фактор усиления присутствия США

До 2001 года присутствие США в ЦА носило преимущественно экономический характер и воспринималось в КНР относительно спокойно⁴⁷. Пекин, «в принципе, устраивали подходы Вашингтона, направленные на развитие рыночных преобразований в странах региона»⁴⁸ и диверсификацию маршрутов экспорта углеводородов. Однако события 11 сентября 2001 года и последовавшая за этим под эгидой Соединенных Штатов антитеррористическая операция «Несокрушимая свобода» в Афганистане существенно изменили расстановку сил в Центральной Азии и вокруг нее в невыгодной для Китая конфигурации. Так называемая цветная революция в Кыргызстане и «андижанские события» в Узбекистане в 2005 году лишь подтвердили опасения Пекина в отношении «реальных планов Вашингтона» в регионе и возможности влияния США на ситуацию в ЦА в потенциально опасном для КНР направлении. В результате для Китая стала приоритетной борьба с угрозами, так или иначе связанными с усилением присутствия Соединенных Штатов в Центральной Азии:

- появлением крупного воинского контингента США;
- завуалированным политическим вмешательством США;
- расширением экономического присутствия США.

действия КНР с США и Западом в целом, свидетельствующие о принципиально высокой важности для Пекина этих направлений. Поэтому, с точки зрения общей стратегии Китая, в отношении Афганистана крайне преждевременно делать выводы в пользу приоритетности для КНР именно центральноазиатского и российского векторов, а следовательно, можно говорить лишь о тактическом, нежели стратегическом тандеме по Афганистану между Китаем и той же Россией.

⁴⁷Тем более, что, рассматривая американское присутствие в регионе как фактор угрозы безопасности Китая, необходимо учитывать двойственный характер отношений между КНР и США, в основе которых по-прежнему лежит симбиоз опасений и взаимной выгоды. Источник: *В. Михеев*. Проблемы безопасности во внешней политике Китая. / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – Москва, 2005 год. – С.14–15.

⁴⁸*К.Л. Сыроежкин*. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2006 год. – С. 197.

Появление крупного воинского контингента США

В КНР с нескрываемым беспокойством восприняли то обстоятельство, что в Кыргызстане и Узбекистане (странах-членах ШОС) и в целом на западных рубежах Китая впервые в истории появился крупный американский воинский контингент.

Справка. Американская база К-2 «Ханабад» (г. Карши, Узбекистан) была открыта в октябре 2001 года. На ней были размещены смешанное авиационное крыло ВВС и подразделения 10-й горнострелковой дивизии армии США численностью более 1500 военнослужащих. С базы осуществлялись наземные и воздушные поставки в Афганистан продовольствия и тылового имущества для союзных войск. Американская база «Манас» (аэропорт г. Бишкек, Кыргызстан) начала функционировать в декабре 2001 года. На ней разместилось 376-е авиаэкспедиционное крыло ВВС США, которое осуществляло переброску в Афганистан и обратно различных грузов и личного состава подразделений коалиционных сил.

Если брать в расчет и военные базы США в Афганистане, то всех этих сил было вполне достаточно, «чтобы в случае необходимости провести локальную военную операцию и держать под контролем западные районы Китая, в первую очередь СУАР»⁴⁹, где находится ряд стратегически важных военных объектов, в том числе полигон «Лобнор» (пустыня Такла-Макан), предназначенный для испытания китайского ракетно-ядерного оружия. Более того, Вашингтон существенно активизировал военное сотрудничество с государствами региона, что привело к подрыву сплоченности внутри ШОС⁵⁰ и постепенному поли-

---

⁴⁹ А. Клименко. Значение Центральноазиатского региона. Развитие стратегического партнерства между Россией и Китаем в рамках ШОС и некоторые направления совершенствования этой организации. / Сборник: Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. – Москва, 2005 год. – С.65–66.

⁵⁰ В частности, военная операция США и их союзников в Ираке, начавшаяся весной 2003 года, продемонстрировала, что единства мнений по этому вопросу

тико-дипломатическому «дрейфу» ряда государств-членов Организации в сторону Соединенных Штатов.

В стратегическом же плане расширение военного присутствия США в ЦА с самого начала контртеррористической операции в Афганистане рассматривалось в КНР в качестве возможного рычага военно-политического воздействия на Китай как на потенциального соперника не только в данном регионе, но и в мире в целом. Это, в свою очередь, «побуждало Пекин оценивать данную проблему в контексте проводимой Вашингтоном линии на формирование однополярной модели миропорядка, что противоречило позиции Китая по вопросам глобальной безопасности»⁵¹.

Завуалированное политическое вмешательство США

Рост американского военного присутствия в Центральной Азии, в свою очередь, привел к усилению здесь политического влияния Соединенных Штатов. Пекин опасался, что для изменения внешнеполитической ориентации стран региона Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги⁵², способен «расшатать» ситуацию в ЦА в рамках алгоритма так называемых цветных революций, уже апробированного на примере Грузии и Украины.

Поэтому события в Кыргызстане и Узбекистане весной 2005 года Китай расценил как крайне опасный для себя сценарий развития событий, за которым явно просматривалось стремление США прочнее закрепиться в непосредственной близости от западных границ КНР. Это, по мнению Пекина, давало Соединенным Штатам в дальнейшем дополнительную потенциальную возможность оказывать значительное

в ШОС уже не наблюдается. Россия и Китай были категорически против войны. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан воздержались, а Узбекистан на политико-дипломатическом уровне поддержал военную операцию.

⁵¹В. Михеев. Проблемы безопасности во внешней политике Китая. / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – Москва, 2005 год. – С. 14–15.

⁵²По данным газеты «Нью-Йорк таймс» от 4 декабря 2005 года, за 2005 финансовый год США потратили на «продвижение демократии» (в том числе финансирование неправительственных организаций и независимых СМИ) в странах Центральной Азии свыше 75,5 млн. долларов.

воздействие на социально-политическую ситуацию в СУАР КНР путем разыгрывания «уйгурской карты» под лозунгами продвижения демократии.

Именно в этом контексте и следует рассматривать события в Синьцзян-Уйгурском автономном районе летом 2009 года, когда там произошло очередное обострение межнациональных противоречий. Не случайной представляется оценка властей КНР, правда крайне политкорректная, согласно которой, трагическое развитие ситуации в Синьцзяне с многочисленными жертвами среди местного населения во многом было инспирировано из-за рубежа.

***Справка.** Основные уйгурские организации имеют свои штаб-квартиры в США и ряде государств Европы, а представители политического истеблишмента Соединенных Штатов и ряда западно-европейских стран принимают участие в регулярно проводимых этими организациями мероприятиях. В частности, на прошедшей в мае 2009 года в Вашингтоне 3-й Ассамблее «Всемирного уйгурского конгресса», приняли участие американские конгрессмены Линкольн Диас-Баларт (Lincoln Diaz-Balart), Крис Смит (Chris Smith), Франк Вольф (Frank Wolf), Билл Делахант (Bill Delahunt), Джеймс Макговен (James McGovern), сенатор Шеррод Браун (Sherrod Brown) и ряд других. При этом известно, что «Всемирный уйгурский конгресс» так же, как и многие другие уйгурские организации, существуют, прежде всего, за счет целевого финансирования, в том числе и тех структур, которые связаны с «Аль-Каидой»⁵³.*

---

⁵³К.Л. Сыроежкин. Интернет превратился в серьезное оружие. События в Урумчи тому пример. / Информационно-аналитический портал «ЦентрАзия» (Россия), 13 июля 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1247466840>

Расширение экономического присутствия США

Экономическое присутствие США в ЦА четко обозначилось еще в середине 90-х годов, когда Вашингтон обратил внимание на богатый углеводородами Каспийский регион. В самих центральноазиатских странах активизировалась деятельность американских компаний, в основном связанных с нефтегазовой отраслью. Именно на тот период приходится лоббирование Соединенными Штатами проектов транспортировки углеводородного сырья из Центральной Азии через Каспийское море, Кавказ и далее в Турцию, а также через Афганистан в Пакистан. Китай тогда не проявлял особой обеспокоенности, поскольку диверсификация углеводородного экспорта и в целом развитие рыночных отношений в странах региона под «контролем» США не мешало КНР постепенно экономически осваивать ЦА и смежные пространства.

Однако политика, проводимая Вашингтоном после 11 сентября 2001 года под лозунгом единства действий всех стран мира против международного терроризма, отчетливо продемонстрировала Пекину, что Соединенные Штаты могут поставить свои экономические интересы в Центральной Азии выше интересов других стран, в том числе Китая. При этом, как представляется, особое опасение в КНР вызывали попытки США взять под контроль стратегические отрасли промышленности государств ЦА. В последующем, экономически закрепившись в регионе, Соединенные Штаты путем дополнительных финансовых вливаний могли бы получить возможность влиять на общую динамику развития ситуации в данном сегменте постсоветского пространства в выгодном только для себя направлении.

Политика Китая

Китай достаточно спокойно и адекватно отреагировал на сложившуюся к концу 2001 года принципиально новую ситуацию в Центральной Азии и продемонстрировал готовность применять всю полноту имеющихся у него сил и средств для обеспечения безопасности своих интересов в регионе. После появления американских военных баз на территории Афганистана, Кыргызстана и Узбекистана Китай усилил войсковую группировку в СУАР на афгано-пакистанском и

центральноазиатском направлениях. Одновременно Пекин заметно активизировал сотрудничество со странами Центральной Азии в сфере безопасности с целью создания более устойчивых схем и алгоритмов взаимодействия. Основной акцент руководством КНР был сделан на укреплении ШОС, как своеобразного противовеса американскому присутствию в регионе и механизма защиты здесь интересов Китая. В первую очередь, потребовалось повысить эффективность договорно-правовой базы сотрудничества в рамках Организации.

Практически через год после создания Шанхайской организации сотрудничества на состоявшемся в июне 2002 года в г. Санкт-Петербурге саммите по инициативе Китая и России была принята Хартия ШОС, которая предусматривала права и обязанности членов Организации, причем с учетом новых тенденций развития ситуации в Центральной Азии и вокруг нее. Не случайно, что в тексте этого документа одним из ключевых было положение о «недопущении любых противоправных действий, направленных против интересов ШОС, а также о принятии соответствующих мер воздействия в отношении государств-членов ШОС, нарушающих требования достигнутых соглашений»⁵⁴. Как представляется, главная причина акцентирования внимания именно на этих аспектах – усилившаяся ориентация центральноазиатских стран на развитие взаимодействия в сфере безопасности с США и их европейскими союзниками по НАТО.

Поэтому особенно в период так называемых цветных революций на постсоветском пространстве четко обозначилась устойчивая тенденция на дальнейшее сближение Пекина и Москвы, что было основано на близости оценок ситуации в регионе. Именно Китай и Россия выступили за расширение состава участников ШОС для усиления потенциала Организации и придания ей большего международного веса. В 2004 и 2005 годах в состав ШОС на правах наблюдателей вошли Монголия, Иран, Пакистан и Индия. Более того, даже имели место различные спекуляции и по поводу возможного вступления в ШОС самих Соединенных Штатов.

---

⁵⁴К.Л. Сыроежкин. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2006 год. – С. 215.

***Справка.** В начале первого десятилетия XXI века в ряде СМИ неоднократно появлялась информация о том, что Соединенные Штаты якобы подавали заявку на вступление в ШОС, но получили отказ и были этим немало оскорблены, чем и объяснялась в целом негативное отношение США к этой международной организации. Согласно заявлению, сделанному в 2006 году специальным представителем президента России в ШОС В. Воробьевым, «нет никаких официальных свидетельств того, что США подавали какие-либо документы по поводу вступления в ШОС и этот вопрос был предметом каких-либо переговоров или консультаций»⁵⁵. На самом деле, как представляется, Вашингтон был крайне озабочен сближением Москвы и Пекина, а также ростом международного авторитета ШОС, что не могло не вызвать настороженного отношения к Организации со стороны Соединенных Штатов.*

Укрепив договорно-правовую основу Организации, а также расширив число ее активных сторонников в лице стран-наблюдателей, Китай и Россия стали предпринимать более уверенные шаги по ограничению влияния США в ЦА. В июне 2005 года на алматинском саммите ШОС Пекин и Москва инициировали принятие декларации по поводу сроков пребывания американских баз в Центральной Азии.

***Справка.** В 2005 году по требованию узбекской стороны США вынуждены были вывести свой воинский контингент из Узбекистана. Однако решение Ташкента закрыть американскую базу на своей территории в большей степени явилось ответом на реакцию Запада в отношении «андижанских событий», нежели выполнением положений декларации алма-атинского саммита ШОС. Руководство Кыргызстана также неоднократно твердо*

---

⁵⁵Новый центр силы. Интервью спецпредставителя президента РФ при ШОС газете «Завтра». / Информационно-аналитический портал «ЦентрАзия» (Россия), 29 июня 2006 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1151555880>

заявляло о своем намерении закрыть американскую базу в аэропорту «Манас». Несмотря на принятое Бишкеком в феврале 2009 года решение о закрытии американской военной базы, уже в июне того же года США и Кыргызстан договорились о продлении аренды авиабазы «Манас», которая трансформировалась в международный «Центр транзитных перевозок». При этом Вашингтон увеличил размер арендной платы, а также обязался потратить 36 млн. долларов на реконструкцию международного аэропорта г. Бишкека. Более того, Соединенным Штатам даже было предоставлено право продлевать действие договора без пересмотра условий и стоимости аренды до июля 2014 года.

Сделав основную ставку на ШОС в рамках реализации политики по ограничению присутствия США в ЦА, Китай одновременно продолжил взятый ранее курс на усиление взаимодействия с каждой из стран региона в отдельности. Причем, как свидетельствуют факты, подход Пекина к вопросам двустороннего сотрудничества в сфере безопасности в какой-то степени обуславливается и перспективностью реализации Китаем крупных экономических проектов в конкретной центральноазиатской стране, а также местом того или иного государства ЦА в экономической стратегии КНР в целом.

Справка. В 2007 году Китай принял решение поставить для туркменской армии военное имущество, для чего был выделен беспроцентный кредит в размере около 3 млн. долларов. Примечательно, что решение о предоставлении военно-технической помощи Туркменистану последовало сразу же после подписания Пекином и Ашгабатом генерального соглашения о реализации проекта газопровода между двумя странами. Летом 2008 года Китай на безвозмездной основе предоставил Пограничной службе Кыргызстана военно-техническое имущество на сумму около 700 тысяч долларов. Оказание помощи кыргызским силовым структурам также не в последнюю очередь было обусловлено экономическими интересами КНР в данной республике, особенно в плане масштабного транзита через ее территорию китайских

товаров в другие страны СНГ. В начале 2009 года безвозмездный грант в размере 25 миллионов китайских юаней (около 3,7 млн. долларов) Китай также выделил Узбекистану на приобретение передвижной автомобильной сканирующей системы для работы на таможенных постах. Как представляется, немаловажную роль в принятии решения о выделении гранта сыграла активная поддержка Узбекистаном проекта газопровода из Туркменистана в Китай.

Следует особо отметить, что в такой деликатной и специфичной сфере, как безопасность, Китай старается особо не афишировать свои действия ни на двустороннем уровне, ни в рамках ШОС, предпочитает находиться как бы «в тени» России. Похоже, что в отличие от Москвы Пекин не готов и не заинтересован в том, чтобы провоцировать дополнительное «раздражение» у Вашингтона и его союзников по НАТО относительно «военно-политических амбиций» КНР в ЦА и ШОС.

Выводы

С момента установления дипломатических отношений со странами Центральной Азии взаимодействие в сфере безопасности стало одним из приоритетных направлений в центральноазиатской политике Китая. Благодаря активным и целенаправленным действиям КНР за очень короткий по историческим меркам период времени сотрудничество с государствами ЦА в сфере безопасности приобрело фактически партнерский характер. Как представляется, Пекину в какой-то степени даже удалось преодолеть отчужденность и недоверие, которые наблюдались в Центральной Азии в отношении Китая на протяжении последних более чем 200 лет⁵⁶. Тем не менее Пекин продолжает рассматривать ситуацию в Центральной Азии не только в плане поиска новых возможностей для укрепления здесь своих позиций, но и с точки зрения сохранения комплекса угроз национальной безопасности.

---

⁵⁶Особенно начиная с XVIII века, после включения в состав Китая Восточного Туркестана, и вплоть до распада СССР.

По состоянию на конец первого десятилетия XXI века, базовые элементы центральноазиатской политики КНР в сфере безопасности в целом концептуально оформились. Сама же стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на ШОС, участвовать в решении комплекса проблем безопасности, стремиться к развитию тесных партнерских отношений с государствами ЦА и обеспечить максимально благоприятные условия для реализации своих стратегических целей.

В то же время региональная политика Китая в сфере безопасности является достаточно противоречивой. С одной стороны, одним из ее важных элементов остается тесное взаимодействие с Россией. С другой стороны, если не будет конкретных подвижек в плане восстановления российско-центральноазиатского экономического союза, КНР, возможно, будет все меньше оглядываться на РФ и попытается найти баланс своих интересов в регионе с интересами других внерегиональных сил, в том числе с США, делая акцент на экономической составляющей отношений со странами ЦА. При этом в любом случае Китай будет твердо отстаивать свои жизненно важные интересы в Центральной Азии и вокруг нее.

Учитывая исторический опыт, подобная эгоистическая, но объективно неизбежная в современных условиях линия Пекина в итоге способна разрушить всю систему региональной безопасности, в том числе в рамках ШОС. Тем более, что устойчивость данной системы может быть гарантирована лишь совместными и скоординированными усилиями России, стран Центральной Азии и Китая, в первую очередь за счет формирования общности долгосрочных экономических интересов и их совместной защиты.

Поэтому пока не ясно, как Пекину удастся совместить столь противоречивые подходы в рамках единой стратегии. Очевидным представляется лишь одно: обозначенные противоречия в политике КНР, на фоне многовекторной ориентации и стратегической неопределенности самих РФ и стран ЦА не внесут стабильности и предсказуемости в процессы взаимодействия между Пекином, Москвой и столицами центральноазиатских государств.

Глава III. Экономическая политика Китая

Основные тезисы

- После распада Советского Союза экономическая политика Китая в Центральной Азии поступательно эволюционирует в сторону повышения значимости региона в системе внутренних и внешних приоритетов Пекина. В первой половине 90-х годов экономический интерес КНР к ЦА не был высоким, а китайско-центральноазиатские экономические отношения ограничивались в основном торговлей, которая была замкнута преимущественно на Казахстан и Кыргызстан, зачастую носила стихийный характер и к тому же имела незначительные масштабы. Тем более, что в начале 90-х годов и сами центральноазиатские страны не рассматривали Китай в качестве приоритетного экономического партнера, связывая свои надежды с Россией, Западом, а также некоторыми финансово состоятельными и близкими по культуре государствами Исламского мира. Однако, уже к середине-концу 90-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более четко, что во многом было обусловлено началом реализации в КНР государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в первых проектах китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и усилении присутствия китайских производителей на потребительских рынках стран региона. К тому времени центральноазиатские государства стали рассматривать Китай в качестве важного торгово-экономического партнера, проявлять больший интерес к увеличению объемов импорта китайской продукции, в основном товаров широкого потребления, а также машиностроения.

- В начале XXI века значимость Центральной Азии во внешне-экономических приоритетах Китая кардинально возросла, что было вызвано причинами как экономического, так и геополитического характера: после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного, оказавшись в центре мировой политики. Пекин значительно усилил свою экономическую политику в Центральной Азии. Прежде всего это нашло отражение в интенсификации Китаем проектно-инвестиционной деятельности, которая, однако, была и остается направленной в основном на эксплуатацию богатой минерально-сырьевой базы региона. Одновременно еще более заметно выросло присутствие китайских производителей на рынках центральноазиатских государств и существенно увеличились объемы кредитования экономик стран Центральной Азии. По сути, тем самым руководство КНР определило экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. В свою очередь, государства Центральной Азии стали рассматривать Китай уже не только в качестве важного торгового партнера, но и как стратегического инвестора/кредитора своих экономик.
- Несмотря на стремительный рост масштабов китайского экономического присутствия в регионе, складывающийся формат двусторонних и многосторонних экономических отношений все еще крайне далек от идеалов и исторически оправданных схем взаимодействия, нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов Китая, так и с точки зрения долгосрочных интересов самих государств Центральной Азии. С одной стороны, ориентация китайской экономической деятельности преимущественно на добычу и вывоз в КНР промышленного сырья объективно ведет к ресурсному истощению государств ЦА, препятствуя развитию их перерабатывающих отраслей. С другой стороны, очевидно и то, что в условиях слабости/отсутствия промышленной политики и стратегии экономической интеграции на постсоветском пространстве респуб-

лики Центральной Азии сами вольно или невольно закрепляют за собой статус «сырьевых придатков» и превращаются в объекты все большего манипулирования в ведущейся глобальной игре за ресурсы и влияние. Все это явно не укладывается в логику позитивных тенденций развития внутренних пространств Евразии, повышая вероятность реализации здесь неблагоприятных сценариев, в том числе ведущих к конфликту интересов Китая и государств Центральной Азии. Тем самым создается мощный заслон на пути дальнейшего экономического роста и безопасности не только ЦА, но и КНР, а также других стран внутренней Евразии.

- Как представляется, принципиальное изменение формата китайско-центральноазиатских экономических отношений возможно лишь при условии реабилитации бывшего статуса Центральной Азии в качестве транзитного региона – торгово-экономического моста между Азией и Европой, что в современных условиях наиболее вероятно осуществить в тесном взаимодействии с Россией. Только следование такой исторически оправданной логике долгосрочного и стратегического поведения позволит создать более благоприятные условия для многостороннего, многопланового и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и странами региона, в том числе в рамках ШОС, в целом заложить основу для запуска под эгидой Организации масштабных и прорывных экономических проектов: транспортно-коммуникационных и инновационно-промышленных. И именно это может превратить ШОС в полноценный экономический блок, стать залогом стабильного и долгосрочного развития внутренней Евразии.

Экономическая политика Китая в Центральной Азии, являясь составной частью общей стратегии Пекина по превращению КНР в один из центров глобальной экономики и мировой политики, как представляется, все еще находится в процессе своего концептуального оформления. Первая половина 90-х годов XX века характеризовалась осто-

рожным поведением Китая, установлением с новыми государствами торговых контактов, которые зарождались во многом стихийно, а «львиная доля» торговли приходилась на так называемый челночный бизнес. Развитие же полноценных экономических отношений в то время особо не выделялось на повестке дня политики КНР в ЦА и рассматривалось Пекином скорее в качестве некой дополнительной (пока четко не обозначившейся) возможности по стимулированию экономики приграничного с Центральной Азией Синьцзян-Уйгурского автономного района, нежели какого-либо приоритета для СУАР, а тем более всего Китая. Во многом это было связано с неопределенностью китайских долгосрочных интересов в регионе и ограниченными возможностями КНР (экономическими, политико-дипломатическими и иными) по проникновению в ЦА.

Но уже с середины 90-х годов Китай начал предпринимать более целенаправленные и практически значимые шаги по экономическому проникновению в регион. Тем более, что Центральная Азия, где к тому времени было подтверждено наличие значительных запасов нефти и газа, а также обладающая другими сырьевыми ресурсами и емким рынком сбыта (с населением примерно в 55 млн. человек), стала рассматриваться Пекином в контексте реализации национальной стратегии «Большого освоения Запада» – программы по ускоренному развитию внутриконтинентальных территорий КНР.

***Справка.** Понятие «Запад» в данной стратегии подразумевает шесть провинций КНР (Сычуань, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу, Цинхай), пять автономных районов (Синьцзян-Уйгурский, Нинься-Хуэйский, Гуанси-Чжуанский, Тибетский и внутренней Монголии). Именно к середине 90-х годов с особой силой проявилось экономическое отставание центральных и западных провинций Китая от восточных и южных, что стало одним из главных факторов ухудшения социально-экономической ситуации на «национальных окраинах» КНР, вызвало острую необходимость принятия долгосрочных и объединенных в рамках единой стратегии мер по экономическому развитию данных территорий.*

Как в силу экономико-географических, так и иных факторов одной из главных задач стратегии «Большого освоения Запада» стало развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района. Используя географическую близость Центральной Азии, Пекин рассчитывал задействовать ресурсно-сырьевую базу центральноазиатского региона для ускоренной индустриализации Синьцзяна, а также планировал продвинуть через СУАР на рынки стран ЦА китайскую продукцию, стимулируя всеми этими усилиями экономический рост в своих приграничных с регионом территориях. Поэтому, во второй половине 90-х годов, наряду с интенсификацией взаимодействия с государствами Центральной Азии в сфере безопасности (в том числе в рамках «Шанхайской пятерки»), значительный импульс был дан и развитию экономических отношений. Это нашло отражение прежде всего в начале проектно-инвестиционной деятельности КНР в ЦА (главным образом, в нефтегазовой отрасли) и увеличении масштабов торговли (включая «челночную»).

Интенсификации торговых связей Китая с государствами Центральной Азии в значительной степени способствовал и финансово-экономический кризис в России 1998 года, который привел к резкому снижению масштабов российско-центральноазиатских экономических отношений. Страны региона начали проявлять все больший интерес к увеличению объемов импорта китайской продукции, в основном товаров широкого потребления, а также машиностроения. СУАР же стал играть роль торговой площадки, замыкая на себе до 60–70% китайско-центральноазиатской торговли.

С началом XXI века Китай еще более активизировал свое экономическое проникновение в Центральную Азию, что во многом связано с фактором усиления присутствия США в ЦА и вокруг нее. Для Пекина стало важным не допустить развития ситуации в Центральной Азии в невыгодном для себя плане и гарантировать максимально беспрепятственный доступ к богатым сырьевым ресурсам региона. Поэтому если ранее экономическая составляющая отношений была все же второстепенной (например, по сравнению со сферой безопасности и политико-дипломатическими вопросами), то в первом десятилетии наступившего века Пекин определил экономическое проникновение по сути в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. При этом Китай сделал

ставку на кардинальное укрепление своих позиций в экономиках стран Центральной Азии за счет увеличения объемов торговли, интенсификации проектно-инвестиционной и финансовой деятельности, особенно в плане кредитования наиболее значимых для КНР отраслей экономик государств региона.

Торгово-экономическая политика

В результате активизации торговой политики КНР стал отмечаться значительный рост присутствия в ЦА китайских производителей. В период 2001–2003 годов поставки китайских товаров и услуг в страны региона увеличились более чем в 2 раза – с 0,8 до 1,9 млрд. долларов, а общий товарооборот – с 1,5 до 3,3 млрд. долларов. Начиная же, примерно, с 2004 года Пекин приложил еще большие усилия для продвижения китайских товаров, особенно машин и оборудования, а также услуг. В итоге, в течение 2004–2008 годов объемы китайских поставок увеличились примерно в 6 раз – с 1,9 до 11,6 млрд. долларов, а общий товарооборот – с 3,3 до порядка 20,2 млрд. долларов (таблица 4).

Таблица 4. Торговля Китая с Центральной Азией (период 1992–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
1992	422*	276*	146*
1993	512*	244*	268*
1994	360*	235*	125*
1995	486*	285*	201*
1996	674*	357*	317*
1997	699*	365*	334*
1998	588	390	198
1999	733	350	383
2000	1041	611	430
2001	1478*	856*	622*
2002	2798*	1569*	1229*
2003	3305	1911	1394
2004	4337	2545	1792

2005	8297	4713	3584
2006	10796	6338	4458
2007	16038	9571	6467
2008	20170	11553	8617

Источники: данные за 1992–2001 годы – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за 2002–2008 годы – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Kazakhstan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Kyrgyzstan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Tajikistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Turkmenistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Uzbekistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009).

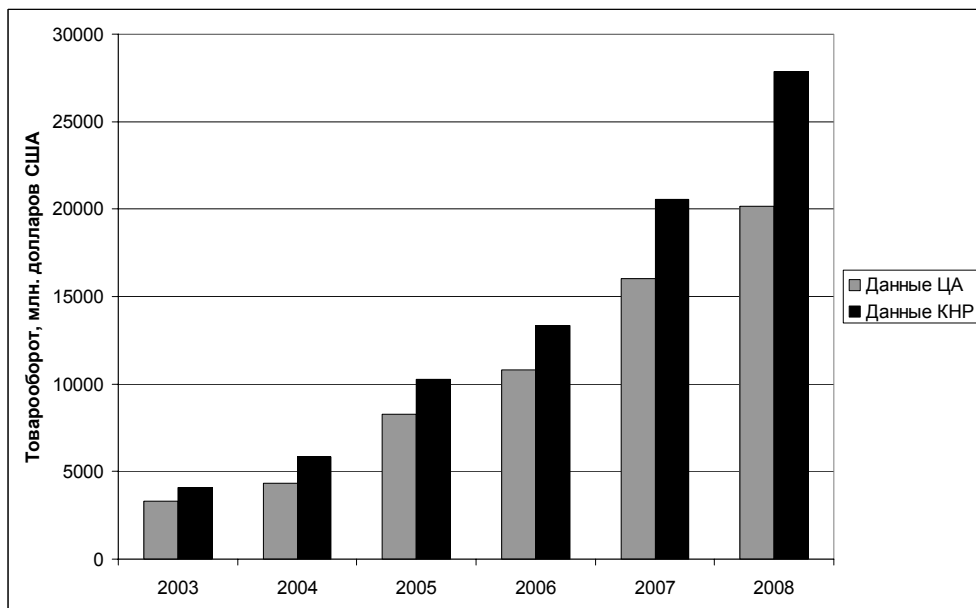
Примечание: объемы торгового оборота Китая со странами Центральной Азии подсчитаны путем суммирования объемов двусторонних торговых оборотов; данные, отмеченные (*), являются неточными. В частности, объемы китайско-центральноазиатской торговли за период 1992–1996 годов приводятся без учета китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов по причине отсутствия соответствующих данных. В свою очередь, данные по торговле за 1997, 2001 и 2002 годы приводятся без учета только китайско-таджикского товарооборота. Однако все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как объемы китайско-туркменского и особенно китайско-таджикского товарооборотов в указанные выше годы были крайне незначительны.

Причем в реальности масштабы присутствия китайских производителей в регионе скорее всего значительно выше, нежели это следует из статистических данных международных структур и стран Центральной Азии, которые, как представляется, крайне слабо учитывают «челночную торговлю». Если же основываться на разрозненных экспертных оценках, то реальные объемы так называемой челночной торговли КНР со странами ЦА могут достигать не менее 4,5–6,5 млрд. долларов:

- с Казахстаном – 3,5–4,5 млрд. долларов;
- с Кыргызстаном – 500–1000 млн. долларов;
- с Узбекистаном – 400–500 млн. долларов;
- с Таджикистаном – 100–500 млн. долларов.

Скорее всего, именно об этом свидетельствуют данные статистических органов КНР по китайско-центральноазиатской торговле: они примерно на 35–40% превышают данные статистических органов государств региона (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Динамика изменения объемов торговли Китая со странами Центральной Азии (период 2003–2008 годов)

Источники: данные ЦА – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии; данные КНР – Министерство коммерции КНР.

Принципиально важное место в центральноазиатской торговой политике Китая занимает Казахстан, приграничная и территориально наиболее крупная страна региона, имеющая развитое транспортное сообщение с КНР, достаточно высокую покупательскую способность населения и одновременно либеральный внешнеторговый режим. В свою

очередь, единственное в Центральной Азии государство-член ВТО Кыргызстан был и остается интересен Китаю не столько как рынок сбыта продукции, сколько как площадка для дальнейшей торговой экспансии, в первую очередь, в плане реэкспорта китайских товаров.

В отличие от Казахстана и Кыргызстана Узбекистан не играет важной роли в торговой политике Китая, так как, несмотря на значительные масштабы своего потребительского рынка (с населением около 27 млн. человек), его внешнеторговый режим гораздо менее либерален и даже консервативен, а сам Узбекистан не имеет общей границы с КНР.

На этом фоне такие государства, как Таджикистан и Туркменистан, занимают еще более скромное место в торговой политике Пекина. Дело в том, что это малые страны, масштабы их рынков незначительны, а Туркменистан еще и географически удален от Китая.

В итоге, на протяжении 1992–2008 годов наиболее высокие объемы торговли наблюдались между Китаем и Казахстаном – от 80 до 86% всего китайско-центральноазиатского товарооборота, меньшие с Узбекистаном – от 6 до 9%, Кыргызстаном – от 1 до 8%, Туркменистаном – от 1 до 2% и Таджикистаном – от 0,1 до 4%. При этом страны ЦА не являются сколько-нибудь важными торговыми партнерами для КНР (конечно, за исключением стратегически важных вопросов поставок углеводородного сырья). В свою очередь, Китай уже стал одним из главных торговых партнеров практически для всех государств региона (таблица 5).

Таблица 5. Торговля Китая со странами Центральной Азии (2008 год)

Страна	Товарооборот между Китаем и страной, млн. долларов США	Доля Китая во внешнем товарообороте страны, %	Доля страны во внешнем товарообороте Китая, %
Казахстан	15964	14,5	0,60
Узбекистан	1335	11,31	0,07
Туркменистан	663	4,10	0,03
Кыргызстан	1453	27,00	0,05
Таджикистан	755	16,00	0,03
Итого	20170	13,05	0,78

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии.

Кредитно-финансовая политика

В первом десятилетии XXI века Пекин начал активно использовать практику предоставления государствам региона целевых кредитов на льготных условиях⁵⁷ для экспорта китайских товаров и услуг на рынки центральноазиатских государств, а также осуществления тех или иных проектов. Кредитованием стран ЦА в основном занимается Экспортно-импортный банк КНР (ЭКСИМ-банк), а сами кредиты осваиваются главным образом китайскими же компаниями.

***Справка.** Экспортно-импортный банк Китая (The Export-Import Bank of China / China Exim Bank) основан в 1994 году, является одним из ключевых институтов финансирования Китая экспорта/импорта, проводником государственной банковской политики. В настоящее время банк имеет более десяти филиалов и представительств на территории Китая, а также три зарубежных представительства: в Йоханнесбурге, Париже и Санкт-Петербурге. Банк установил и поддерживает корреспондентские отношения более чем с 300 зарубежными банками по всему миру⁵⁸.*

Объемы финансовых ресурсов (инвестиций, кредитов и приобретенных активов) КНР в ЦА оцениваются на уровне порядка 18 млрд. долларов, включая примерно 9,6 млрд. прямых инвестиций, 2,1 млрд. кредитов и 6,3 млрд. приобретенных активов⁵⁹ (диаграмма 2).

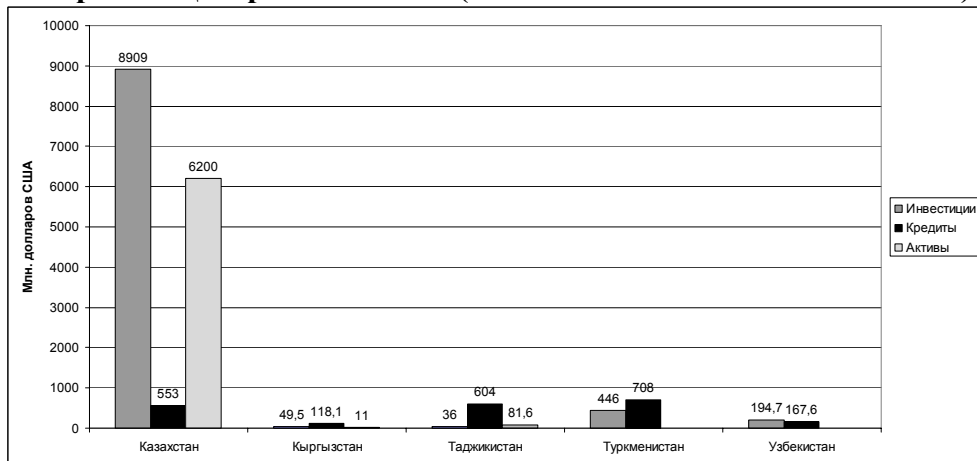
⁵⁷Под низкую процентную ставку и с длительной отсрочкой возврата.

⁵⁸Источник: Сайт «Бизнес услуги в Китае» (Россия),

<http://www.uglc.ru/china-yuan/bank-of-china.htm>

⁵⁹По состоянию на начало 2009 года.

Диаграмма 2. Распределение китайских финансовых ресурсов по странам Центральной Азии (по состоянию на начало 2009 года)

Источник: расчетные данные.

Примечание: информация о китайских активах в Узбекистане и Туркменистане отсутствует.

Проектно-инвестиционная политика

Магистральным направлением проектно-инвестиционной и в целом экономической деятельности Китая и китайских компаний в Центральной Азии является нефтегазовое, где основной интерес фокусируется на Казахстане и Туркменистане, странах, обладающих значительным углеводородным потенциалом и высокими экспортными возможностями.

Справка. Доказанные запасы нефти в **Казахстане** составляют примерно 5,4 млрд. тонн (около 3% мировых запасов), а газа — примерно 1,8 трлн. кубических метров (порядка 2% мировых запасов). Доказанные запасы нефти в **Туркменистане** составляют примерно 100 млн. тонн (порядка 0,06% мировых запасов), а газа — примерно 2,9 трлн. кубических метров (3,2% мировых за-

пасов)⁶⁰. Официальные данные Туркменистана относительно запасов нефти и газа значительно превышают данные авторитетных зарубежных источников. Так, по туркменским оценкам, запасы нефти составляют 15 млрд. тонн, а газа – около 24 трлн. кубических метров⁶¹.

И хотя нефтегазовый вектор пока остается главным в экономической политике Китая в Центральной Азии, тем не менее некоторая диверсификация экономической активности КНР в странах ЦА по отраслям экономик также имеет место. В частности, помимо нефтегазовой отрасли, китайские интересы в регионе в последние годы все больше затрагивают атомную энергетику (Казахстан), электроэнергетику (Таджикистан), транспорт и телекоммуникации, строительство и цветную металлургию, а также химическую и легкую промышленность. В результате, экономическое влияние Китая в Центральной Азии постепенно распространяется уже и на Таджикистан и Кыргызстан, которые не имеют промышленных запасов углеводородов, а также на Узбекистан, который обладает промышленными запасами нефти и газа, но не располагает высокими возможностями по их экспорту.

Справка. Узбекистан входит в число ведущих мировых производителей газа, а его прогнозные запасы составляют примерно 2,2% от общемировых запасов. Доля страны в общемировом объ-

---

⁶⁰Источники: данные по запасам нефти – «Бритиш Петролеум» (BP Statistical Review of World Energy, June 2006) – Л.С. Беляев, В.В. Бушуев, М.Р. Ластовская, А.В. Лебедев, О.В. Марченко, П.А. Сергеев, С.В. Соломин, С.В. Филиппов под редакцией В.В. Бушуева. Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. – Москва: ИД «Энергия», 2007 год. – С. 588; данные по запасам газа – Oil & Gas Journal (Oil & Gas Journal, № 103.47, 2005, pp.24-25) – Л.С. Беляев, В.В. Бушуев, М.Р. Ластовская, А.В. Лебедев, О.В. Марченко, П.А. Сергеев, С.В. Соломин, С.В. Филиппов под редакцией В.В. Бушуева) Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. – Москва: ИД «Энергия», 2007 год. – С. 587.

⁶¹Газовая индустрия Туркменистана: перспективы развития. / Информационный портал «ТуркменИнформ» (Туркменистан), 24 апреля 2009 года, <http://www.turkmeninform.com/ru/press/2009/04/25/0000981.htm>

еме добычи достигает 2,5%. По состоянию на 2008 год, доказанные запасы природного газа в республике составили свыше 2 трлн. кубических метров, а нефти – 82 млн. тонн, газового конденсата – 160 млн. тонн. Прогнозные же запасы газа оцениваются в 5,9 трлн. кубических метров, нефти – 817 млн. тонн, газового конденсата – 360 млн. тонн⁶². В последние годы Узбекистан добывает более 60 млрд. кубических метров газа, направляя от 40 до 49 млрд. для внутреннего потребления и от 10 до 16 млрд. – на экспорт. В то же время Узбекистан зависит от импорта нефти и эта зависимость в перспективе будет только увеличиваться. Как ожидается, в 2020 году Узбекистан будет вынужден импортировать не менее 4,2 млн. тонн нефти.

Институциональная политика

Помимо все более активной кредитно-финансовой и проектно-инвестиционной политики, осуществляемой в целом в рамках торгово-экономической стратегии и национальной программы инновационно-промышленного развития, КНР проявляет наступательность и при формировании новых механизмов и площадок межгосударственного экономического (преимущественно торгового) взаимодействия в многостороннем формате, в первую очередь в рамках ШОС. Во второй половине первого десятилетия XXI века в рамках Организации были сформированы такие механизмы и площадки, как Межбанковское объединение и Деловой совет, в которых Китай сразу же занял лидирующие позиции.

***Справка.** Соглашение о Межбанковском объединении ШОС было подписано в октябре 2005 года в г. Москве. Учредителями данной структуры являются банки стран-членов Организации. Цели и задачи Объединения состоят в привлечении средств для*

---

⁶²Источники: сайт Национального информационного агентства Республики Узбекистан, <http://www.uza.uz>; сайт Национальной холдинговой компании «Узбекнефтегаз», <http://www.uzneftegaz.uz>

финансирования стратегически важных для стран-членов ШОС проектов, в первую очередь инфраструктурных, высокотехнологичных и экспортно-ориентированных. Объединение финансирует и экспортно-импортные операции, налаживает обмен информацией между банками по потенциальным клиентам и совместным проектам. **Деловой совет ШОС** был учрежден 14 июня 2006 года в г. Шанхае в соответствии с решением Совета Глав государств-членов Организации. В эту структуру входят политики и наиболее авторитетные представители бизнес-сообщества стран-участниц ШОС. Основная цель Делового совета – расширение экономического сотрудничества, налаживание прямых связей и диалога между деловыми и финансовыми кругами государств-членов, содействие практическому продвижению многосторонних проектов, определенных главами правительств в рамках принятой в 2003 году Программы торгово-экономического сотрудничества. Деловой совет принимает рекомендательные решения и дает экспертные оценки по перспективным направлениям сотрудничества бизнес-сообщества государств-членов ШОС⁶³.

* * *

Мировой финансово-экономический кризис, скорее всего, не внесет существенных корректив в экономическую политику КНР в ЦА. Главными приоритетами для Китая по-прежнему останутся вопросы освоения углеводородных и других сырьевых ресурсов, формирования соответствующей транспортной инфраструктуры по обеспечению экспорта в китайском направлении промышленного сырья, а также увеличения импорта в центральноазиатские государства промышленных товаров и услуг. Эти приоритеты крайне важны для Китая не только с точки зрения экономики, но и с точки зрения политики и безопасности. Здесь Пекин явно не будет руководствоваться краткосрочными и коммерческими соображениями, а постарается максимально обеспечить свои долгосрочные интересы в каждой из стран региона.

---

⁶³Источник: сайт ШОС, <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=26>

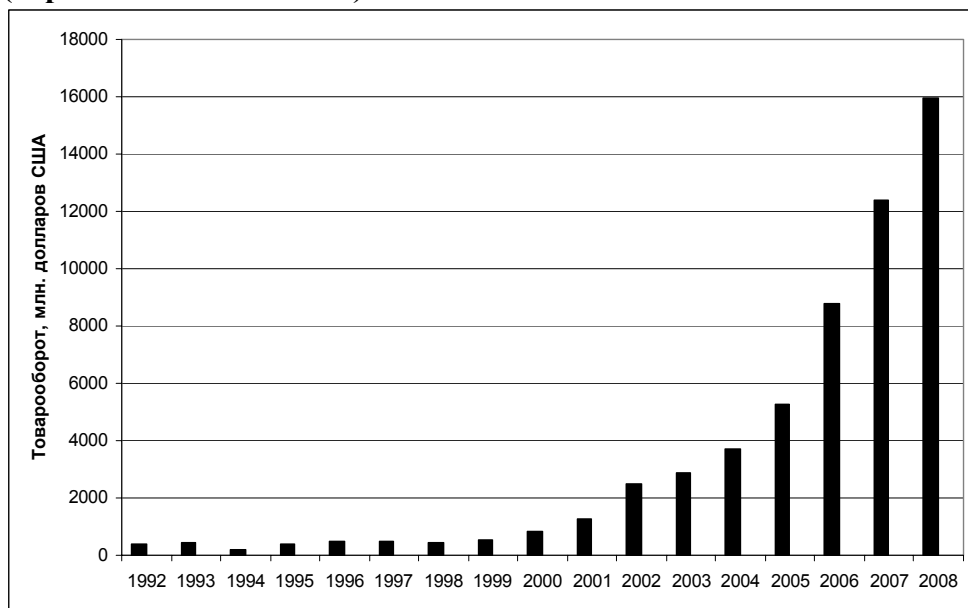
Казахстан

С момента установления дипломатических отношений Казахстан рассматривается Китаем в качестве основного объекта экономического интереса в Центральной Азии. Однако в первой половине 90-х годов экономическое присутствие Китая в Казахстане было крайне незначительным и ограничивалось исключительно торговлей. В период 1992–1995 годов объемы китайского экспорта находились в пределах 130–250 млн. долларов в год, а общий товарооборот – 210–450 млн. долларов.

Во второй половине 90-х годов экономическое проникновение Китая в Казахстан заметно интенсифицировалось. С одной стороны, это выразилось в расширении присутствия китайских производителей на казахстанском потребительском рынке и увеличении объемов торговли: в период 1996–2000 годов объемы китайских поставок находились уже в пределах 250–460 млн. долларов в год, а двусторонний товарооборот – 490–825 млн. долларов. С другой стороны, важным стимулом повышения интереса Китая к Казахстану явился рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах, в первую очередь нефти, что обусловило начало проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в республике. Ведущие энергетические корпорации из Китая стали приобретать активы в нефтегазовой отрасли Казахстана и принимать участие в освоении углеводородных месторождений на западе страны.

С началом первого десятилетия XXI века масштабы и глубина китайского экономического проникновения в Казахстан обозначились еще более отчетливо. Это выразилось и в значительном увеличении китайского торгового присутствия на казахстанском рынке. В период 2001–2008 годов поставки товаров из Китая возросли в 11,3 раза – с 0,74 до, примерно, 8,4 млрд. долларов, а общий товарооборот – с 1,25 до порядка 16 млрд. долларов (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Торговля Китая с Казахстаном
(период 1992–2008 годов)

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана.

Рассматривая Казахстан как основного торгово-экономического партнера в Центральной Азии, Китай начал проводить и более активную кредитную политику, финансируя на льготных условиях те или иные проекты, в которых основная часть кредитов осваивается именно китайскими компаниями. Помимо нефтегазовой отрасли, проектно-инвестиционная деятельность стала затрагивать и целый ряд других, преимущественно сырьевых отраслей казахстанской экономики (*приложение 1*). Общие объемы финансовых ресурсов, так или иначе вложенных Китаем в казахстанскую экономику, оцениваются не менее чем в 15,6 млрд. долларов, включая примерно 8,9 млрд. долларов инве-

стиций, 0,55 млрд. долларов кредитов и 6,2 млрд. долларов – приобретенных активов⁶⁴.

В целом масштабы экономического присутствия КНР в Казахстане уже представляются значительными. Однако деятельность Китая и китайских компаний по-прежнему затрагивает главным образом сырьевые отрасли казахстанской экономики, хотя Астана и пытается нацеливать китайский интерес на перерабатывающие отрасли, а также на развитие промышленного и инновационного сотрудничества.

В результате экономическое присутствие КНР в Казахстане пока ведет лишь к закреплению за республикой статуса «сырьевого придатка» китайской экономики, слабо способствуя развитию инновационных и перерабатывающих отраслей казахстанской промышленности. Сам же характер экономической политики Китая в Казахстане представляется очень неоднозначным с точки зрения именно долгосрочных интересов Казахстана. С одной стороны, китайские финансы пока помогают казахстанской экономике «держаться на плаву» (особенно в период мирового кризиса). С другой же стороны, Казахстан рискует постепенно попасть в крайне жесткую зависимость от Китая, в том числе финансовую, в значительной степени утратив контроль над своими сырьевыми ресурсами и стратегическими производствами.

Как представляется, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая в Казахстане будет возрастать, главным образом в отраслях топливно-энергетического комплекса (добыча углеводородов и урана). Вне сырьевых отраслей ТЭКа китайское экономическое присутствие, по всей видимости, будет оставаться малозаметным: инновационно-промышленные отрасли казахстанской экономики были непривлекательны для Китая даже в условиях благоприятной глобальной конъюнктуры и поэтому вряд ли будут привлекательны в период кризиса.

После же прохождения активной фазы экономического кризиса, китайское проникновение в экономику Казахстана, скорее всего, только интенсифицируется. Помимо отраслей ТЭК, возможен также и на порядок больший интерес Китая к некоторым другим отраслям, в пер-

---

⁶⁴По состоянию на начало 2009 года.

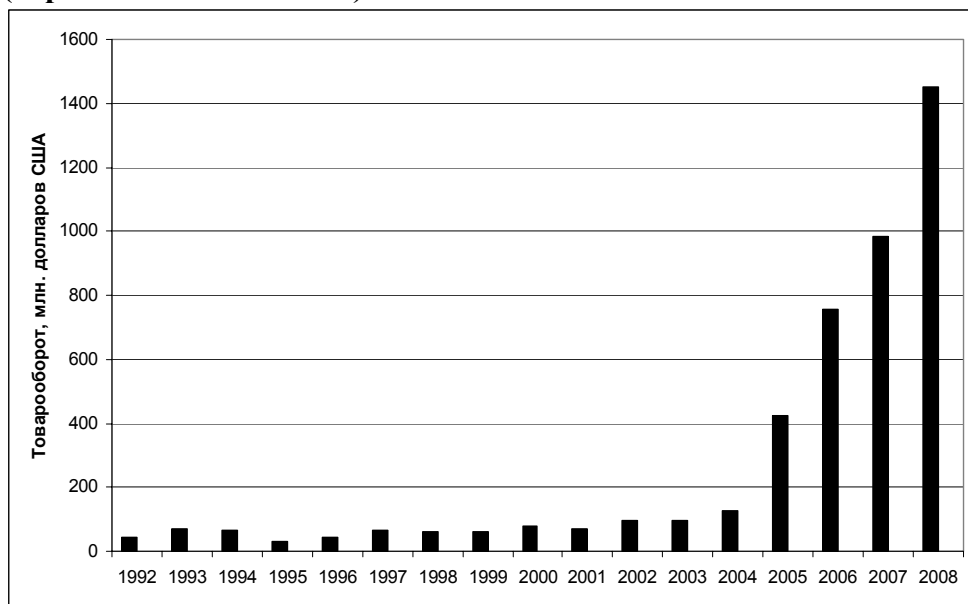
вую очередь ориентированным на добычу и транспортировку в китайском направлении сырьевых ресурсов. Наиболее вероятно, что в будущем рост интереса Пекина к сотрудничеству с Астаной будет связан прежде всего с разработкой казахстанских месторождений руд черных и цветных металлов, производством строительных материалов, созданием новых электрогенерирующих мощностей и формированием соответствующей транспортной инфраструктуры.

Кыргызстан

С момента установления дипломатических отношений между двумя странами Китай стал рассматривать Кыргызстан не столько в качестве рынка сбыта своей продукции, сколько в качестве стратегического плацдарма для торговой экспансии в Центральную Азию и на постсоветское пространство в целом. Однако вплоть до 2004 года объемы китаяско-кыргызской торговли были незначительны.

Торговые отношения Китая с Кыргызстаном кардинально интенсифицировались лишь после 2004 года. Если в течение 1992–2004 годов объемы поставок из Китая в Кыргызстан находились в пределах 26–100 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 30–125 млн. долларов, то по итогам 2008 года, объемы китайского экспорта уже составили 1186 млн. долларов, а общий товарооборот увеличился до 1453 млн. долларов (диаграмма 4).

Диаграмма 4. Торговля Китая с Кыргызстаном (период 1992–2008 годов)

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана.

Кыргызстан не только насыщает свой рынок дешевой китайской продукцией, но и имеет дополнительную прибыль за счет ее реэкспорта в остальные страны Центральной Азии (главным образом, в Узбекистан) и даже ряд областей России. Размеры данной прибыли оценить сложно, однако, по мнению некоторых экспертов, реэкспорт приносит Кыргызстану не менее 250 млн. долларов в год⁶⁵.

За рамками торговой сферы экономическое присутствие Китая в Кыргызстане пока в целом незначительно, а общие объемы китайских

⁶⁵Д.М. Папшун. Китайско-Центрально-Азиатские отношения в двадцать первом веке. / Сайт американской неправительственной организации по международным научным и гуманитарным обменов «Айрэкс» (IREX), <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/16/pash>

финансовых ресурсов в кыргызской экономике оцениваются в пределах от 160 до 180 млн. долларов, включая около 120 млн. долларов кредитов и 40–60 млн. долларов инвестиций⁶⁶. При этом финансовая активность Китая в Кыргызстане нацелена в основном на оказание технической помощи правительству республики и реализацию небольших по масштабам проектов в горнодобывающей и транспортной отраслях, а также в отрасли производства строительных материалов (*приложение 2*).

Таким образом, экономическое присутствие Китая в Кыргызстане было и продолжает оставаться крайне незначительным и практически не выходит за рамки торговой сферы. По большому счету Пекин отводит данному центральноазиатскому государству в основном лишь роль транзитера китайской продукции. Масштабы же кредитно-финансовой и проектно-инвестиционной активности Китая в республике несущественны, что свидетельствует о второстепенности кыргызского направления в экономической стратегии Китая в Центральной Азии. В значительной степени это определяется и малым размером экономики Кыргызстана, фактическим отсутствием здесь крупных промышленных объектов и запасов стратегически важных для КНР углеводородных ресурсов, а также достаточно сложной социально-экономической и внутривнутриполитической ситуацией в стране.

Теоретически объектами экономического интереса Китая в Кыргызстане могли бы стать гидроэнергетическая и горнодобывающая отрасли, а также транспортно-коммуникационная сфера. Однако на практике существует ряд обстоятельств, значительно снижающих вероятность реализации в Кыргызстане крупных проектов в обозначенных выше отраслях⁶⁷, тем более в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

---

⁶⁶По состоянию на начало 2009 года.

⁶⁷Вокруг планов Бишкека по строительству крупных гидроэнергетических объектов складывается весьма непростая ситуация, грозящая осложнением отношений Кыргызстана прежде всего с Узбекистаном. В Ташкенте считают, что намечаемое строительство крупных ГЭС в верховьях реки Сырдарья как минимум нарушит водный баланс региона, нанесет значительный ущерб экологии и аграрному сектору. Узбекистан традиционно занимает жесткую позицию в данном плане,

Можно предположить, что в краткосрочной перспективе масштабы экономического присутствия Китая в Кыргызстане останутся примерно на нынешнем уровне, а сама китайская экономическая активность, скорее всего, не будет существенно выходить за рамки торговой сферы и предоставления кредитов на те или иные небольшие, хотя, возможно, и значимые для Бишкека социально-экономические проекты. При этом есть все основания полагать, что по мере преодоления мирового финансово-экономического кризиса, а также в случае интенсификации экономического сотрудничества в самой Центральной Азии и урегулирования жизненно важного для региона водно-энергетического вопроса, процесс экономического проникновения Китая в Кыргызстан только активизируется.

Таджикистан

Практически до середины первого десятилетия XXI века экономическое присутствие Китая в Таджикистане было минимальным, ограничиваясь периодическими поставками небольших партий китайских товаров широкого потребления. В частности, в период 1992–2003 годов китайский экспорт в Таджикистан был на уровне 5–15 млн. долларов в год, а таджикские поставки в Китай фактически отсутствовали.

Слабость китайско-таджикских экономических связей в 90-е годы и в начале первого десятилетия этого века в основном обуславливалась гражданской войной в Таджикистане в период 1992–1996 годов, а после этого – хрупкой внутривнутриполитической ситуацией в стране: достаточно трудным и длительным процессом установления гражданского мира. Помимо этого, немаловажным фактором, осложнявшим развитие китайско-таджикских отношений, была географическая изоляция Китая и Таджикистана.

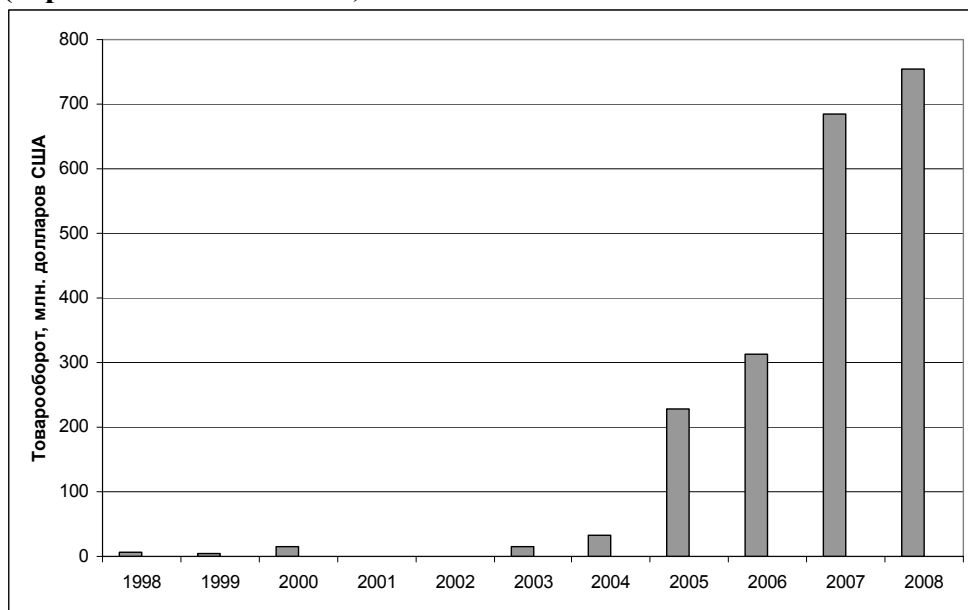
так как является крупнейшим потребителем водных ресурсов Сырдарьи, формирование которых происходит на территории Кыргызстана. Водно-энергетический вопрос вряд ли будет решен в кратко- и даже среднесрочной перспективе. Учитывая это, Китай, скорее всего, не станет форсировать свое участие в крупных гидроэнергетических проектах в Кыргызстане.

Хотя республика и имеет общую границу с Китаем (более 500 километров), однако долгое время она была недоступной для развития тех же торговых отношений, так как проходит по высокогорной местности, где ранее отсутствовала транспортная инфраструктура. В результате транспортировка тех же китайских товаров в Таджикистан осуществлялась через территории других стран: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Более того, Таджикистан стал последней страной региона, с которой Китаю удалось прийти к соглашению по погранично-территориальным вопросам. По сути, лишь после этого стало возможным открытие в 2004 году первого контрольно-пропускного пункта «Карасу» и функционирование прямого автодорожного сообщения между двумя странами через перевал «Кульма». Одновременно с этим Китай стал предоставлять Таджикистану льготные кредиты, в первую очередь под закупку китайских товаров.

Все это привело к кардинальной интенсификации китайско-таджикской торговли. Наиболее значительный рост объемов торговли пришелся на 2005 год, когда товарооборот между Китаем и Таджикистаном вырос более чем в 9 раз по сравнению с предыдущим годом и составил 229 млн. долларов. Очередной импульс развитию торговых связей был дан в 2007 году, по результатам которого китайско-таджикский товарооборот увеличился примерно в 2 раза. По итогам 2008 года, объемы торговли выросли еще на 10% (диаграмма 5).

Диаграмма 5. Торговля Китая с Таджикистаном
(период 1998–2008 годов)

Источники: данные за период 1998–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана.

Примечание: данные по торговле за 2001 и 2002 годы отсутствуют. Однако объемы товарооборотов в указанные выше годы были крайне незначительны.

Наряду с интенсификацией китайско-таджикской торговли, мощный импульс получил процесс проникновения КНР и китайских компаний в различные отрасли таджикской экономики. Крайне показательно, что всего лишь за несколько лет, в период 2005–2009 годов, китайский бизнес занял достаточно прочные позиции во всех ключевых отраслях республики, в том числе электроэнергетике, горнодобывающей, транспортной и телекоммуникационной отраслях (*приложение 3*).

Причем Китай стал и главным кредитором Таджикистана, существенно опередив международные финансовые структуры и другие стра-

ны. Решающую роль здесь сыграла уже апробированная тактика предоставления льготных кредитов на различные проекты, имеющие важное экономическое и социальное значение. Данные кредиты, как правило, осваиваются китайскими же компаниями. Общие объемы китайских финансовых ресурсов в республике оцениваются в размере не менее 732 млн. долларов, включая 600 млн. долларов кредитов, 50 млн. долларов инвестиций и 82 млн. долларов приобретенных активов⁶⁸.

В целом же, начиная с середины первого десятилетия XXI века, масштабы китайского экономического присутствия в Таджикистане постоянно растут и уже представляются существенными, учитывая малые размеры экономики республики. Особое значение китайский фактор оказывает на развитие электроэнергетики, связи и автотранспортных коммуникаций. При этом складывается впечатление, что именно на примере Таджикистана наиболее заметна логика отрабатываемой Китаем схемы планомерного проникновения и закрепления в экономиках стран Центральной Азии.

Однако характер экономической политики КНР в Таджикистане представляется неоднозначным. С одной стороны, китайские финансы и проекты поддерживают экономику Таджикистана, тем более, что республика остро нуждается в помощи извне. С другой стороны, подавляющее большинство китайских финансовых ресурсов в таджикской экономике (свыше 80%) – это кредиты, то есть долги, которые Душанбе, в силу объективных и субъективных причин вряд ли сможет вернуть. Это, в свою очередь, создает предпосылки для попадания Таджикистана в «долговую кабалу».

В итоге, среди всех стран ЦА именно Таджикистан близок к тому, чтобы быть де-факто «экономически поглощенным» Китаем. Пока трудно сказать, как это скажется на перспективах экономического и социального развития республики. Очевидно лишь одно: погружение Таджикистана в «долговую яму» будет только способствовать дальнейшему усилению экономических позиций Китая в этой стране и, соответственно, влияния Пекина в Центральной Азии в целом.

---

⁶⁸По состоянию на начало 2009 года.

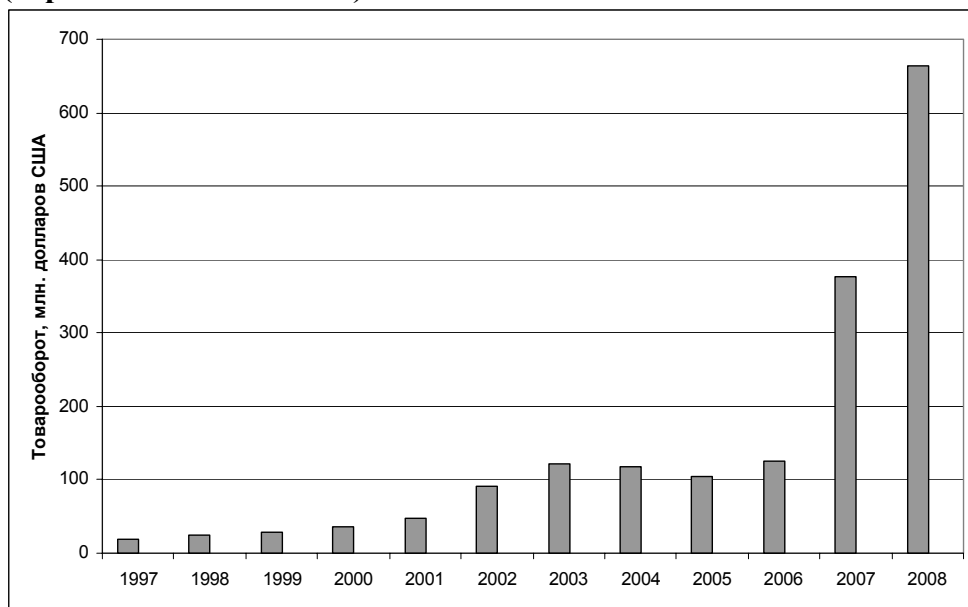
В краткосрочной перспективе, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая и китайских компаний в Таджикистане, скорее всего, останется примерно на нынешнем уровне. По мере же преодоления негативных последствий мирового кризиса, процесс китайского проникновения в таджикскую экономику только интенсифицируется. Тем более, что Душанбе в отличие от столиц других центральноазиатских стран не испытывает особых опасений в отношении «экономической экспансии» КНР.

Туркменистан

Вплоть до середины первого десятилетия XXI века Китай особо не стремился к расширению своего экономического присутствия в Туркменистане, что во многом определялось географической удаленностью двух государств друг от друга. Масштабы присутствия китайских производителей на туркменском рынке долгое время не были заметны даже на фоне внешнеторговых связей самого Туркменистана. В период 1992–2006 годов объемы поставок товаров из Китая не превышали 110 млн. долларов в год, а двустороннего товарооборота – 125 млн. долларов.

Китайское экономическое присутствие в Туркменистане стало заметным лишь после 2006 года, когда Пекин четко обозначил свой долгосрочный стратегический интерес к газовым ресурсам этого центральноазиатского государства. Практически сразу же увеличились и объемы торговли. По результатам 2006 года, китайско-туркменский товарооборот увеличился более чем в 2 раза, достигнув 125 млн. долларов. Несколько больший рост объемов торговли пришелся на 2007 год, когда товарооборот увеличился в 3 раза, достигнув 377 млн. долларов. В 2008 году китайско-туркменский товарооборот вырос еще на 76% и составил уже 663 млн. долларов (диаграмма б), где объемы поставок из Китая вышли на уровень 568 млн. долларов.

**Диаграмма 6. Торговля Китая с Туркменистаном
(период 1997–2008 годов)**

Источники: данные за период 1997–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана.

Одновременно с увеличением объемов торговли стал наблюдаться стремительный рост масштабов проектно-инвестиционной деятельности Китая и китайских компаний в нефтегазовой отрасли Туркменистана, а также в отраслях, представляющих особый интерес для самого Ашгабата (*приложение 4*). При этом Китай стал широко использовать уже отработанный на других странах Центральной Азии финансовый механизм, который заключается в предоставлении льготных кредитов на те или иные экономические проекты.

Общие объемы китайских финансовых ресурсов в туркменской экономике оцениваются более чем в 1,1 млрд. долларов, включая порядка 700 млн. долларов – кредитов и 450 млн. долларов – инвести-

ций⁶⁹. Кредиты, как правило, осваиваются самими же китайскими компаниями, равно как и поставки оборудования для реализации указанных проектов осуществляются в основном из самого Китая. Взамен же финансовой поддержки Туркменистан предоставил КНР достаточно широкий доступ в свою нефтегазовую отрасль.

Таким образом, несмотря на практически полное отсутствие интереса Пекина к туркменской экономике в 90-е годы, получившая развитие во второй половине первого десятилетия наступившего века тенденция усиления экономического присутствия Китая в Туркменистане является устойчивой. Тем более, что китайские компании сумели занять достаточно прочные позиции в этой центральноазиатской стране всего лишь за несколько лет, в период 2006–2009 годов. При этом КНР по сути уже является ключевым донором туркменской экономики и, в первую очередь, нефтегазовой отрасли. Более того, масштабы китайского финансирования в ближайшее время могут возрасти кардинально, если учесть намерения Пекина предоставить еще 3 млрд. долларов кредита на освоение новых газовых месторождений в восточных районах страны⁷⁰, на которые туркменское руководство возлагает особые надежды в своих планах по добыче и экспорту газа.

Основное внимание Китая к Туркменистану, скорее всего, и в дальнейшем будет фокусироваться на нефтегазовой отрасли: освоении газовых месторождений, добыче и экспорте газа в КНР. При этом проектно-инвестиционная активность Китая в Туркменистане будет возрастать даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса и низких цен на энергоносители. Бесперебойное снабжение китайской экономики углеводородами, диверсификация маршрутов их поставок является для Китая принципиально важной задачей, и в данном случае Пекин будет продолжать руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими интересами.

---

⁶⁹По состоянию на начало 2009 года.

⁷⁰В июне 2009 года между Китаем и Туркменистаном подписан пакет соглашений, в соответствии с которым Пекин предоставит Ашгабату дополнительный целевой кредит в размере 3 млрд. долларов на освоение крупнейшего в стране газового месторождения «Южный Иолотань».

В то же время рост присутствия Китая в нефтегазовой отрасли Туркменистана способен привести к конфликту российских и китайских энергетических интересов. Поставки туркменского газа играют немаловажную роль в обеспечении энергетической безопасности России, и по этой причине Москва сама крайне заинтересована в импорте туркменского газа. Поэтому вокруг поставок туркменского газа уже складывается непростая ситуация. Дело в том, что Ашгабат, особенно в период нахождения у власти покойного С. Ниязова, целенаправленно формировал предельно жесткую конкурентную среду вокруг своего газового экспорта, рассчитывая получить возможность маневра между Россией и Китаем, основными претендентами на туркменское «голубое топливо», и продавать свой газ по максимально высокой цене.

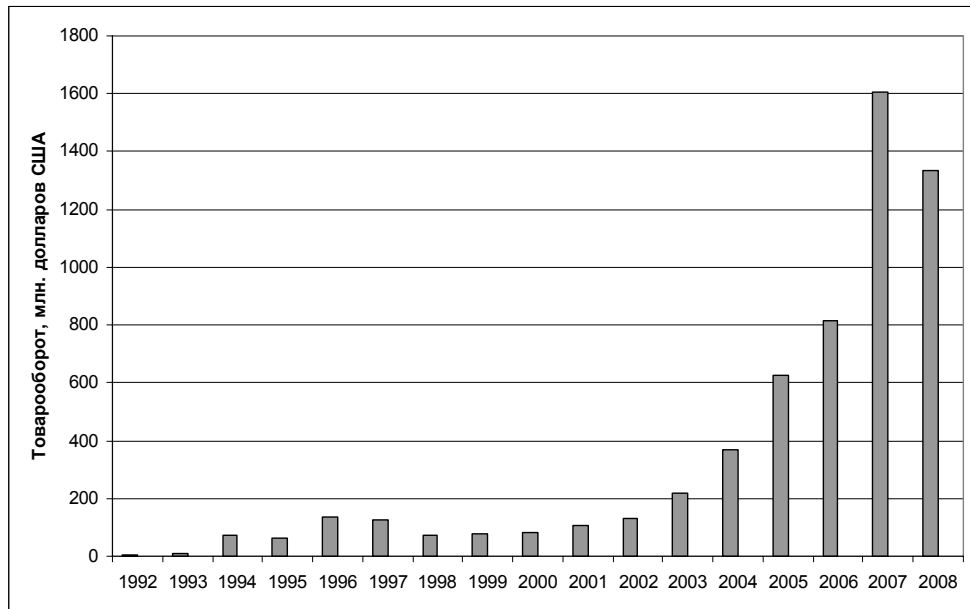
В этой связи Туркменистан все больше рискует внести во многом искусственные сложности как в свои отношения с Китаем и Россией, так и в отношения между КНР и РФ. С одной стороны, многое будет зависеть от того, насколько гибкую и грамотную политику выстроит Туркменистан с Россией, Китаем, другими государствами и транснациональными корпорациями, заинтересованными в поставках туркменского газа. С другой стороны, далеко не последнее слово останется за самими Россией и Китаем, если они сумеют выработать приемлемую для обоих государств формулу экономического сотрудничества в Центральной Азии, апробировав ее и на Туркменистане.

Узбекистан

На протяжении 90-х годов XX века и даже в первые годы XXI века Китаю по ряду причин в целом не удавалось экономически закрепить себя в Узбекистане. Вплоть до 2002 года включительно китайско-узбекские экономические связи ограничивались преимущественно торговлей. Тенденция поступательного роста экономического присутствия Китая в Узбекистане наметилась только лишь после 2003 года. Если за период 1992–2002 годов объемы китайских поставок в Узбекистан не превышали 114 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 136 млн.

долларов в год, то в 2008 году импорт из Китая уже достиг 791 млн. долларов, а общий товарооборот – 1335 млн. долларов (диаграмма 7).

**Диаграмма 7. Торговля Китая с Узбекистаном
(период 1992–2008 годов)**

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана.

Усиление китайского торгового присутствия в Узбекистане стало возможным, в первую очередь, благодаря осуществляемой Китаем программе экспортного кредитования – предоставления целевых кредитов, которые используются для закупки китайских товаров и услуг. Одновременно с ростом объемов китайско-узбекской торговли стала просматриваться и тенденция интенсификации проектно-инвестиционной деятельности Китая в Узбекистане.

Интерес китайских компаний фокусируется на целом ряде отраслей узбекской экономики: нефтегазовой, электроэнергетической, химиче-

ской, транспортной и аграрной (*приложение 5*). Общий объем китайских финансовых ресурсов в Узбекистане оценивается на уровне не менее 362 млн. долларов, включая 167 млн. долларов кредитов и 195 млн. долларов – инвестиций⁷¹.

Как представляется, рост интереса Китая к Узбекистану, который обозначился с середины первого десятилетия XXI века продиктован не столько экономическими, сколько геополитическими соображениями, учитывая тот факт, что республика во многих отношениях является ключевым государством региона.

Тем не менее масштабы экономического присутствия Китая в Узбекистане представляются все еще относительно скромными. За рамками нефтегазовой отрасли и так называемой челночной торговли экономическое присутствие Китая в Узбекистане сводится преимущественно к предоставлению кредитов на те или иные значимые для республики проекты, оказанию услуг, а также заключению (на тендерной основе) торговых соглашений на поставку в Китай тех или иных видов узбекского сырья. Хотя в последние годы Ташкент выражает заинтересованность в привлечении китайских инвесторов для участия в приватизации крупных экономических объектов, но Пекин и китайский бизнес пока слабо реагируют на эти сигналы.

Теоретически интересы китайского бизнеса могли бы гораздо больше и глубже затрагивать вопросы добычи золота, цветных металлов, урана, тем более, что Пекин концентрирует свои усилия именно на скупке активов в сырьевых отраслях во многих странах и регионах мира. Однако Ташкент пока воздерживается от широкомасштабной продажи своих сырьевых и стратегических активов иностранным компаниям, в том числе китайским.

Выводы

После 2001 года, по мере трансформации периферийного статуса Центральной Азии в стратегический, на первый план для Китая выходит именно экономическая составляющая региональной политики.

---

⁷¹По состоянию на начало 2009 года.

По сути, тем самым руководство КНР определило экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. Одним из важных индикаторов этого может служить масштабное увеличение китайских финансовых ресурсов, направляемых в регион. Если в конце 90-х годов эти ресурсы составляли менее 1 млрд. долларов и были представлены исключительно в нефтегазовой отрасли Казахстана, то за первые 10 лет XXI века их объем увеличился более чем в 17 раз, а сама китайская финансовая активность стала затрагивать, хотя еще и не равномерно, но уже все без исключения страны Центральной Азии.

На современном этапе экономическая политика КНР в ЦА жестко подчинена общей стратегии Пекина по обеспечению максимально благоприятных внешних условий для достижения системного прорыва в плане модернизации, дальнейшего устойчивого роста экономики и последующего превращения страны в один из глобальных экономических центров силы. Пытаясь приблизиться к решению этих сложных задач, Китай решил более активно задействовать и центральноазиатский вектор своей политики, сделав выбор в пользу кардинального укрепления позиций в национальных экономиках стран Центральной Азии за счет интенсификации там проектно-инвестиционной деятельности и увеличения объемов предоставляемых кредитов.

Не будет большим преувеличением сказать, что Пекин нацелен на постепенное вовлечение региона в орбиту своего геоэкономического влияния. Следует особо отметить, что КНР проводит данную стратегическую линию крайне осторожно, ни в малейшей степени не афишируя своих политических/геополитических амбиций в ЦА. При этом экономическое проникновение Китая в Центральную Азию направлено прежде всего на освоение и импорт минерально-сырьевых ресурсов, всемерное стимулирование экспорта китайских товаров и услуг. Китайско-центральноазиатские торговые отношения уже прочно сложились в формате «готовая продукция в обмен на сырье», а растущие масштабы экономического присутствия Китая в Центральной Азии объективно способствуют лишь закреплению за странами региона сырьевого статуса.

Подобный характер экономического присутствия КНР в ЦА во многом определяется как объективными, так и субъективными причи-

нами, главная из которых – отсутствие в регионе единого экономического пространства (в первую очередь промышленного и транспортного) и даже признаков экономической интеграции. Ярко выраженная фрагментация центральноазиатского экономического пространства, дробление в прошлом единой промышленной и транспортной инфраструктуры региона на национальные сегменты в значительной степени препятствует реализации долгосрочных форм экономического сотрудничества с Китаем. В особенности это касается вопросов глубокой переработки промышленного сырья и сотрудничества в инновационной сфере.

Поэтому складывающийся формат экономических отношений крайне нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов КНР, так и тем более с точки зрения долгосрочных интересов самих государств ЦА. Ориентация китайской экономической деятельности на добычу и вывоз в Китай промышленного сырья будет способствовать ресурсному истощению региона и отмиранию перерабатывающих отраслей промышленности. Это, в свою очередь, будет вести к вызреванию в Центральной Азии зон социально-экономического кризиса. В худшем случае КНР рискует получить огромное дестабилизированное пространство возле своих западных границ и, как минимум, утратить уже приобретенные в странах ЦА позиции.

Развитие ситуации по данному сценарию, безусловно, окажет негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Синьцзяне, экономика которого во многом зависит от Центральной Азии. Более того, может рухнуть вся система безопасности, которую Китай так тщательно выстраивал после распада СССР, а в СУАР кардинально обострятся такие проблемы, как этнический сепаратизм и исламский радикализм. Причем мировой финансово-экономический кризис способен стать лишь катализатором усиления всех этих проблем. Возможно, что очередной «предупредительный звонок», выразившийся в масштабных межэтнических волнениях в Синьцзяне в июле 2009 года, уже прозвучал.

В итоге экономическое присутствие Китая в Центральной Азии представляется неоднозначным и двусмысленным. С одной стороны, Китай добился значительных успехов в плане проникновения в ключевые отрасли экономик стран региона. С другой стороны, это не привело к формированию равноправных и взаимовыгодных экономических

отношений между Китаем и государствами региона, не способствует комплексному развитию центральноазиатских государств, в том числе укреплению их безопасности.

Учитывая же уроки истории, можно предположить, что характер дальнейшего экономического присутствия Китая в регионе и формат китайско-центральноазиатских экономических отношений во многом зависят от того, будет ли восстановлена транзитная роль Центральной Азии в экономическом взаимодействии между Азией и Европой. Очевидно, что это может произойти только в случае постепенной переориентации значительной части евразийского товарооборота с морских коммуникаций на трансевразийские сухопутные маршруты, что реально лишь в условиях наличия политической воли и скоординированных действий стран, расположенных во внутренних пространствах Евразии: Китая, Центральной Азии и России.

Как представляется, необходима консолидация усилий Пекина, Москвы и столиц стран региона в плане обеспечения рентабельности трансевразийских сухопутных коммуникаций⁷². Именно это может стать главным стимулом к выстраиванию механизмов многопланового и полноценного экономического сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, в том числе в рамках ШОС. Широко разветвленная и хорошо развитая трансевразийская транспортно-коммуникационная система, в свою очередь, обеспечит экономическую рентабельность запуска под эгидой того же ШОС крупных инновационно-промышленных проектов. Это в итоге позволит активизировать процесс региональной экономической интеграции в Центральной Азии, положить начало формированию ШОС как реального блока, призванного обеспечить комплексную безопасность и поступательное экономическое развитие огромных пространств внутренней Евразии.

---

⁷²Тем более, что современные условия вполне позволяют сделать трансевразийский сухопутный транзит более конкурентоспособным, а в ряде случаев даже и выигранным по сравнению с морским маршрутом. Это может быть достигнуто в условиях меньшей протяженности маршрута и сокращения времени доставки грузов, а также путем удешевления транспортировки по суше за счет применения эффективных логистических схем и расширения пропускной способности сухопутных коммуникаций.

Заключение

После распада Советского Союза КНР предпринимает все более системные и целенаправленные попытки обрести контроль над процессами в ЦА, что не встречает сколько-нибудь заметного и организованного противодействия ни со стороны центральноазиатских государств, ни со стороны каких-либо внерегиональных сил. Однако Китаю пока не удалось и в перспективе, скорее всего, так и не удастся создать исторический прецедент: заполнить геоэкономический и геополитический вакуум в Центральной Азии.

Основные проблемы

Несмотря на все успехи, достигнутые Китаем в Центральной Азии, китайские позиции в регионе представляются все же неустойчивыми. Глубинные причины этого следует искать не в самой стратегии Пекина, а в характере присутствия Китая в Центральной Азии и складывающемся формате китайско-центральноазиатских отношений, которые свидетельствуют о наличии крайне сложного комплекса проблем на пути развития взаимовыгодного и устойчивого сотрудничества между КНР и ЦА.

С одной стороны, основные проблемы во многом обусловлены фактором распада СССР и напрямую касаются Российской Федерации, а поэтому не могут быть концептуально оценены вне российского контекста. С другой стороны, данные проблемы напрямую связаны с асимметрией стратегических направлений развития Китая, государств Центральной Азии и той же России: в первую очередь, в плане недооценки ими жизненной важности интенсификации, углубления и повышения качества взаимодействия друг с другом как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения внешней политики.

Рассмотрим это концептуально-схематично.

Китай

Внутренняя политика. Китай – страна с полноценной и динамично развивающейся экономикой, а сама стратегия Пекина нацелена на повышение эффективности планово-централизованного управления государством/обществом и, одновременно, всемерную либерализацию внутриэкономической деятельности. Данная стратегия предполагает поддержание баланса между традиционными, социалистическими и капиталистическими концептуально-идеологическими установками, принципами и ориентирами, что призвано гарантировать целостность, устойчивость развития и безопасность КНР. При этом неизбежными остаются национально-государственная идеология и ведущая роль Коммунистической партии Китая.

Внешняя политика. Китай стремится стать одним из ведущих игроков в глобальной экономике и мировой политике, при этом делая основную ставку на повышение эффективности и притягательности китайской экономической модели. Одновременно китайская стратегия ориентирована на максимально гармоничное встраивание КНР в глобальные процессы и поиск механизмов управления ими в плане пресечения тенденций, угрожающих целостности, устойчивому развитию и безопасности Китая, а также подрывающих его позиции в мире.

Значение Центральной Азии и России. Центральная Азия и Россия занимают в китайской стратегии второстепенное место, рассматриваются в качестве стратегического тыла и дополнительной возможности по повышению эффективности политики КНР на приоритетных направлениях, к которым относятся отношения с ведущими государствами Запада и соседями по Азиатско-тихоокеанскому региону.

* * *

Другими словами, стратегия Китая, подкрепленная передовым международным опытом⁷³, научным и аналитическим обеспечением реализуется в рамках долгосрочного плана/алгоритма развития, преследует целью построение сильного и самодостаточного государства, которое могло бы успешно противостоять потрясениям глобального и регио-

---

⁷³В том числе советским.

нального характера, действовать на упреждение тех или иных угроз безопасности, а в итоге – стать полноценным полюсом силы в системе международных отношений.

Тем не менее, как представляется, главным недостатком этой стратегии является сохраняющееся в КНР западно-центричное восприятие экономической картины мира и одновременно явная недооценка принципиально высокого значения внутренних пространств Евразии, что, однако, во многом предопределяется характером современной политики самих России и стран Центральной Азии.

Россия

Внутренняя политика. В отличие от Китая Россия – страна с сырьевой экономикой, у которой пока отсутствует четко сформулированная и грамотно реализуемая инновационно-промышленная политика, а сама стратегия долгосрочного развития по большому счету до сих пор так и не сформирована. При этом функции ключевых государственных институтов подчинены интересам национального капитала и олигархической элиты сырьевых корпораций, которые объективно не заинтересованы в масштабных и долгосрочных инвестициях в инновационно-промышленные отрасли, в целом в развитие перерабатывающей промышленности. Поэтому, постепенно растрачивая накопленный за время существования СССР огромный потенциал, РФ руководствуется в основном краткосрочными узко-корпоративными интересами, недооценивая высокого значения национально-государственной идеологии, вопросов централизации и стратегического планирования в управлении государством/обществом.

Внешняя политика. Россия стремится к восстановлению былого имиджа великой державы, но в условиях слабости государственного планирования, отсутствия четкой и устойчивой системы внутренних и внешних приоритетов РФ в основном действует непоследовательно, ориентируется скорее на решение противоречивых, тактических и краткосрочных по своей сути задач, связанных преимущественно с балансированием между основными центрами глобальной экономики и мировой политики, нежели на формирование собственного, долго-

срочного, концептуального и стратегически выверенного внешнеполитического курса.

Значение Центральной Азии и Китая. Центральная Азия и Китай не имеют для России приоритетного значения. Наиболее важным для Москвы по-прежнему является западный вектор. Китайское же и центральноазиатское направления (как и остальные направления) используются Россией преимущественно в целях усиления своих позиций в диалоге с ведущими государствами Запада в исторически иллюзорной надежде стать составной частью евро-атлантической цивилизации.

* * *

Другими словами, Россия в отличие от Китая вольно или невольно делает основную ставку вовсе не на самодостаточность, а на подчиненность Западу. Хотя общим и для РФ, и для КНР является попытка подстраивания их экономических моделей под шаблоны ведущих западных экономик, тем не менее, для России эта попытка в целом неудачна: Москва где-то слепо копирует эти шаблоны во внешней политике и одновременно глубоко деформирует их применительно к внутренней, а главное – игнорирует специфику своих геоэкономических и геополитических условий.

В результате, РФ заведомо отводит себе роль ведомой страны, «вынужденной» развиваться в рамках навязываемых ей извне концептов, доктрин, схем и алгоритмов, постепенно сокращая и так уже ограниченные возможности действовать на упреждение и обрекая себя на рефлекторное реагирование на те, или иные внешние угрозы. Как представляется, одним из главных показателей всего этого является явное непонимание Россией высокого стратегического значения полноценных отношений со странами Центральной Азии и Китаем, равно как и очевидная неприоритетность для Москвы такой жизненно важной задачи, как освоение, развитие и оборона внутренней Евразии.

Центральная Азия

Внутренняя политика. Страны Центральной Азии подобно России имеют ярко выраженную сырьевую ориентацию своих экономик, что, однако, во многом обусловлено не только их современной поли-

тикой, но и доставшейся в наследство от Советского Союза экономической нишей. И хотя политика государств ЦА ориентирована на достижение таких же по своей сути краткосрочных/тактических целей, как и политика РФ, в то же время «стартовые» условия, в которых развиваются страны региона значительно более сложны и невыгодны по сравнению со «стартовыми» условиями, в которых развивается Россия. В частности, в отличие от РФ условия государств ЦА определяются гораздо более жесткой внешней конкуренцией за влияние в регионе и принципиально более низкой внутренней самодостаточностью самих центральноазиатских стран. В итоге, это заметно отличает их политику от российской: в отличие от России, для стран Центральной Азии задача маневрирования между глобальными и региональными центрами силы во многом неизбежна и носит объективный в современных условиях характер.

Внешняя политика. Государства Центральной Азии всемерно стремятся повысить свою роль и место в глобальной экономике и мировой политике. При этом основным внешнеполитическим «ресурсом» для стран региона выступает курс на многовекторность. Хотя подобная политика является в целом краткосрочной, однако в текущей ситуации только такое внешнеполитическое поведение – постоянное маневрирование между глобальными и региональными центрами силы – обеспечивает государствам Центральной Азии максимально широкие возможности по реализации своих узко национальных интересов.

Значение Китая и России. Россия и Китай, будучи крупными региональными державами, а также в силу своего территориально-географического соседства с Центральной Азией объективно входят в число основных партнеров стран региона в сферах экономики, политики и безопасности. Вместе с тем у государств ЦА пока отсутствует стратегическое видение жизненно важного места КНР и РФ в системе своих приоритетов, так как эти приоритеты не могут быть сформулированы в условиях продолжающегося тактического маневрирования/балансирования стран Центральной Азии между глобальными и региональными центрами силы, чему, кстати, во многом способствует и современный характер политики самих России и Китая.

Другими словами, государства ЦА не имеют какой-либо внятной и долгосрочной стратегии, делают ставку на «многовекторность», демонстрируя готовность развивать отношения с любой страной или блоком стран, откуда можно будет получить наибольшие политические, экономические и иные дивиденды. В результате, государства Центральной Азии скорее вынуждены приспосабливаться к изменениям внешней конъюнктуры, нежели пытаться контролировать ход уже запущенных извне процессов, с опозданием реагировать на угрозы безопасности, нежели действовать на упреждение.

Как представляется, хотя у стран ЦА в целом и присутствует понимание неизбежности и необходимости развития отношений с КНР и РФ, тем не менее сохраняется явная недооценка того, что только Россия и Китай могут выступить в качестве единственно возможных внешних локомотивов/гарантов устойчивого и стабильного развития Центральной Азии. И навряд ли понимание этого возникнет в условиях второстепенности центральноазиатского направления в китайской и российской стратегиях.

В целом ярко выраженная асимметрия стратегий КНР, стран ЦА и РФ предопределяет кардинальное различие целей и задач, которыми руководствуются эти государства в своем развитии и, соответственно, выстраивании отношений с внешним миром, в том числе друг с другом. Это значительно препятствует формированию полноценных и взаимовыгодных отношений между Китаем, странами Центральной Азии и Россией как на двусторонней, так и на многосторонней основе, ведет к тому, что между ними не возникает общности долгосрочных интересов в сферах экономики, политики и безопасности. Поэтому представляется, что именно второстепенность друг друга в системе приоритетов является самым главным источником основных проблем, реальных и потенциальных угроз, с которыми сталкиваются и будут продолжать сталкиваться КНР, ЦА и РФ.

На фоне всего изложенного, очевидно, что сами китайско-центральноазиатские отношения были и будут оставаться хрупкими и

неустойчивыми, сильно подверженными влиянию как внутренней, так и внешней конъюнктуры, заранее обрекая на провал современную стратегию Китая в Центральной Азии.

Основные рекомендации

Несмотря на сохраняющийся комплекс сложнейших проблем на пути развития взаимовыгодных и устойчивых отношений между Китаем и странами Центральной Азии, потенциал китайско-центральноазиатского сотрудничества, особенно с участием России, не просто огромен, а колоссален. Залогом всего этого является то, что **только у КНР, ЦА и РФ объективно есть общий долгосрочный интерес – совместное освоение, развитие и оборона огромного пространства внутренней Евразии.** Как представляется, лишь при наличии политической воли Китая, стран Центральной Азии и России осознать главенство вышеуказанного ключевого приоритета над всеми остальными, возможно обеспечение прорыва в их комплексном развитии.

Главным локомотивом по преодолению асимметрии стратегических направлений развития Китая, России и государств Центральной Азии, формирования между ними реального (а не декларативного как сейчас) стратегического союза должно стать налаживание в рамках ШОС сотрудничества по преодолению экономико-географической изоляции внутренних пространств Евразии за счет создания на территориях указанных стран эффективной системы транспортных коммуникаций, в первую очередь, между Китаем и Европой.

Это не только позволит возродить былую роль внутренней Евразии как торгово-транспортного моста, но и наполнить ее новым геоэкономическим и геополитическим смыслом, придаст мощный импульс полноценному развитию внутриконтинентальных территорий, обеспечит прорыв в плане налаживания многостороннего сотрудничества Китая, России и стран Центральной Азии, заложив тем самым фундамент для формирования между ними реальных партнерских и союзнических отношений.

Для реализации данной идеи уже есть все необходимые условия: институциональная основа – ШОС и широкая нормативно-правовая база, а также уже де-факто существующая система транспортных коммуникаций в КНР, ЦА и РФ, которая нуждается в модернизации и расширении пропускной способности. Следовательно, необходима лишь политическая воля стран-членов Организации по совместному формированию единого транспортного пространства и экономически эффективных транспортно-логистических схем.

В рамках вышеуказанного концептуального подхода предлагается следующий комплекс рекомендаций:

- рекомендация № 1: преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, с одной стороны, России и государств Центральной Азии – с другой;
- рекомендация № 2: разработка долгосрочной Программы развития ЕврАзЭС и ШОС на основе общности стратегических интересов Китая, России и стран Центральной Азии.

Рекомендация № 1: преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, с одной стороны, России и государств Центральной Азии – с другой

Преодоление асимметрии стратегических направлений развития Китая, России и стран Центральной Азии на начальном этапе в основном зависит от самих РФ и государств ЦА.

Во-первых, Россия и страны Центральной Азии должны решительно отказаться от экспортно-сырьевой модели и сориентировать национальные экономические стратегии на те же цели (экономической модернизации и инновационно-промышленного развития), на которые ориентируется Китай.

Во-вторых, РФ необходимо отказаться от прозападной и западно-центричной политической ориентации, а странам ЦА – от курса на многовекторность, а в итоге сделать основную ставку на евразийский вектор: развитие внутренней Евразии на основе реального, а не декларативного, стратегического партнерства друг с другом и с КНР.

В-третьих, прежде чем выстраивать стратегическое партнерство с Китаем, государства Центральной Азии и Россия должны сначала возродить свой собственный союз, разумеется, уже на иной политической основе, нежели во времена бывшего СССР. Прежде всего необходимо выработать новую модель региональной экономической интеграции в системе «Россия – Центральная Азия», а на институциональном уровне – в рамках ЕврАзЭС, сделав акцент на инновационно-промышленном развитии.

В целом, как представляется, только это позволит России и странам Центральной Азии сообща выстроить новую архитектуру именно союзнических отношений с Китаем в сферах экономики, политики и безопасности. При этом, очевидно, что будет необходима тесная координация деятельности между ЕврАзЭС и ШОС. В экономическом плане в рамках ШОС будет нужно вырабатывать взаимоприемлемые решения по защите производителей постсоветских стран и одновременному учету интересов Китая в странах-членах ЕврАзЭС. В свою очередь, в плане политики и безопасности для РФ и ЦА будет принципиально важно заручиться всесторонней и максимально возможной поддержкой КНР, поскольку можно предположить, что тот же Запад в целом негативно отреагирует на процесс ре-интеграции на постсоветском пространстве.

Рекомендация № 2: разработка долгосрочной Программы развития ЕврАзЭС и ШОС на основе общности стратегических интересов Китая, России и стран Центральной Азии

Разработка данной Программы продиктована необходимостью формирования общности долгосрочных интересов КНР, стран ЦА и РФ в глобальном развитии, что в перспективе должно привести к устойчивым многосторонним отношениям (на уровне реального, а не декларативного стратегического партнерства) в сферах политики, экономики и безопасности. Залогом этого является геоэкономическая взаимодополняемость Китая, стран Центральной Азии, России и объективная общность их геополитических интересов в контексте освоения, развития и обороны внутренних пространств Евразии.

С одной стороны, Программа должна предусматривать в качестве главной цели создание эффективных механизмов межгосударственного взаимодействия, которые могли бы обеспечить взаимовыгодный обмен всеми возможными национальными ресурсами РФ, КНР и стран ЦА (политическими, экономическими, инновационно-технологическими, информационными, интеллектуальными и иными) для скорейшего решения конкретных стратегических задач в сферах политики, экономики и безопасности.

С другой стороны, Программа должна исходить из того, что только взаимовыгодные экономические отношения на многосторонней основе могут стать фундаментом тесных и устойчивых связей во всех других сферах межгосударственных отношений. В соответствии с данным принципом Программа должна быть нацелена, в первую очередь, на стимулирование экономического, главным образом транспортно-коммуникационного и инновационно-промышленного взаимодействия между странами-членами ЕврАзЭС и ШОС в ряде ключевых отраслей.

Как представляется, начинать разработку Программы придется фактически с «чистого листа», так как вряд ли в Китае и России и, тем более, в Центральной Азии есть сколько-нибудь значительные аналитические наработки по масштабному и долгосрочному освоению, развитию и обороне внутренней Евразии. В этой связи принципиальное значение имеют межгосударственные аналитические и как их составная часть – научные исследования.

Аналитический/исследовательский компонент. Для разработки Программы необходима, в первую очередь, консолидация интеллектуальных ресурсов Китая, России и Центральной Азии, интенсификация обмена аналитической и иной информацией, организация и проведение объединенных единым планом крупных междисциплинарных научно-прикладных и аналитических исследований.

Одним из главных направлений вышеуказанных исследований должен стать поиск тех или иных масштабных подпрограмм и конкретных проектов в качестве локомотивов реального сближения Китая, Центральной Азии и России. Данные локомотивные подпрограммы и проекты не должны являться «чисто экономическими», так как уже по своему определению являются междисциплинарными и потребуют

масштабного привлечения значительных политических, экономических, информационных, интеллектуальных и многих других ресурсов.

На начальном этапе организацию исследований, их политическую поддержку, финансовое, техническое, кадровое обеспечение было бы целесообразно осуществлять на основе уже подписанных документов в рамках ЕврАзЭС и ШОС. В последующем потребуются заключение других (более качественных и конкретных по форме и содержанию) межгосударственных соглашений и, возможно, создание дополнительных структур в рамках ЕврАзЭС и ШОС с гораздо более масштабными целями и задачами (нежели те, которые стоят в настоящее время), привлечение на порядок больших ресурсов и соответственно их аналитическое обеспечение.

Общую координацию (не путать с руководством) исследований следует возложить на представителей аппаратов администраций президентов (в случае КНР – Госсовета) и/или правительств стран. Результаты данных исследований предполагается использовать высшим политическим руководством Китая, стран Центральной Азии и России для выработки комплексов мер по стимулированию межгосударственного сотрудничества.

Как представляется, на стадии разработки Программы финансирования аналитического/исследовательского компонента должно осуществляться исключительно за счет средств государственных бюджетов КНР, стран ЦА и РФ и/или национальных программ инновационно-промышленного развития, причем на паритетных началах. Какие-либо источники финансирования из «сырьевых» отраслей неприемлемы, так как в этом случае может иметь место лоббирование узкокорпоративных и иных краткосрочных интересов.

* * *

В целом перспективы отношений между Китаем и Центральной Азией зависят не только от них самих, но и от России, так как только она по своему историческому, геополитическому и геоэкономическому потенциалу способна в корне изменить ход уже запущенных на постсоветском пространстве центробежных тенденций. Экономическая реинтеграция под эгидой РФ принципиально важна потому, что только вместе постсоветские страны смогут сформулировать и отстаивать об-

щие, долгосрочные и стратегические интересы, которые неизбежно будут вести их к формированию союзных отношений с КНР.

В противном случае, Китай будет вынужден выстраивать сугубо эгоистическую схему отношений и с Россией, и с Центральной Азией, руководствуясь лишь собственными интересами. Это представляется вполне естественным, так как Пекин вряд ли станет учитывать некие «стратегические и долгосрочные интересы» Москвы и столиц стран региона, если они сами о них не думают.

В итоге, как представляется, на современном историческом этапе развития именно Россия должна стать инициатором масштабных и кардинальных, а главное – позитивных перемен как в китайско-российских, так и китайско-центральноазиатских отношениях.

Хотелось бы верить, что у Москвы хватит политической мудрости и воли для переосмысления своего прежнего «стратегического курса» и выработки нового. Его магистральное направление объективно связано с освоением, развитием и обороной внутренней Евразии, в том числе укреплением ее транзитной роли, что возможно лишь в условиях построения союзных отношений с Центральной Азией и Китаем.

Другими словами речь идет и о восстановлении Великого шелкового пути, однако на принципиально новом качественном уровне. Требуется не только развивать торгово-транзитную функцию внутренней Евразии, но и создавать на этом пространстве современную экономику, формировать на порядок более эффективную, чем в ранние исторические времена систему международных отношений и безопасности в центре континента.

Другого выбора у России на самом деле нет: если она действительно хочет сохраниться в прежних границах, остаться внутренне целостной и стабильной, обрести устойчивость и поступательность долгосрочного развития... И не последний ли это исторический шанс для России?

Китайские проекты в Казахстане

Нефтегазовая отрасль

Освоение нефтяных месторождений «Жанажол», «Кенкияк (надсолевой)» и «Кенкияк (подсолевой)» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Месторождения были открыты еще в советское время. Их запасы оцениваются соответственно в 121, 25 и 28 млн. тонн нефти. Месторождения осваиваются Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (Chinese National Petroleum Corporation, КННК / CNPC). Оператором проекта является акционерное общество «КННК-Актобемунайгаз». За период 1997–2007 годов КННК инвестировала в освоение данных месторождений порядка 2,55 млрд. долларов. В 2008 году на месторождениях добыто 6 млн. тонн нефти. Корпоративными планами на 2009 год был предусмотрен объем добычи на уровне 6,25 млн. тонн.

Освоение нефтяных месторождений «Сазан-Курак» и группы нефтяных месторождений Адайского блока (Атырауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения «Сазан-Курак» оцениваются в 26 млн. тонн, а запасы месторождений Адайского блока – в 200–350 млн. тонн нефти. Первоначально эти месторождения осваивала американская компания First International Oil Company (FIOC). Причем по месторождениям Адайского блока FIOC владела 50% акций в партнерстве с российской нефтяной компанией «Роснефть». В 2004 году китайская компания «Синопек» (Sinopec) выкупила за 160 млн. долларов активы FIOC в Казахстане. Суммарный объем добычи нефти на данных месторождениях составляет порядка 200 тыс. тонн в год.

Освоение Кумкольской группы нефтяных месторождений (Кызылординская и Карагандинская области, центральная часть Казахстана). Суммарные запасы нефти данных месторождений составляют примерно 92 млн. тонн нефти. Первоначально месторождения осваивала компания PetroKazakhstan Inc., дочерняя структура канадской компании

Hurricane Hydrocarbon Ltd. В 2005 году КННК приобрела у Hurricane Hydrocarbon Ltd. за 4,18 млрд. долларов 100% акций компании PetroKazakhstan Inc. с обязательством инвестировать 43 млрд. долларов в освоение данной группы месторождений в течение 20 лет. В свою очередь, согласно официальной информации, в 2006 году «КазМунай-Газ» выкупил у КННК 33% акций PetroKazakhstan Inc. за 1 млрд. долларов (скорее же всего, эти акции КННК просто переуступила в обмен на некие преференции). В течение 2006–2008 годов инвестиции КННК в освоение данной группы месторождений составили не менее, чем 4,3 млрд. долларов. Ежегодно PetroKazakhstan Inc. добывает около 3,75 млн. тонн нефти. Всего же за период 1996–2009 годов на Кумкольской группе месторождений было добыто не менее 46 млн. тонн нефти.

Освоение нефтяного месторождения «Каржанбас» (Мангистауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения оцениваются примерно в 55 млн. тонн нефти. Первоначально месторождение осваивалось ОАО «Каржанбасмунай», дочерней структурой канадской компании Nations Energy Co. Ltd. В 2006 году Китайская государственная инвестиционная корпорация CITIC GROUP выкупила 94,62% акций ОАО «Каржанбасмунай» за 1,9 млрд. долларов. В среднем на месторождении «Каржанбас» добывается немногим более 2 млн. тонн нефти ежегодно, а всего за период 1996–2009 годов добыто около 21–22 млн. тонн.

Планы по подготовке к геологоразведке и последующему освоению нефтегазового месторождения «Дархан» (северная часть казахстанского участка шельфа Каспийского моря). Прогнозные запасы месторождения оцениваются в пределах 0,4–1,4 млрд. тонн нефти. Еще в 2005 году КННК подписала с НК «КазМунайГаз» меморандум о геологоразведке и разработке данного месторождения. Позднее «КазМунай-Газ» подал заявку в Кабинет министров РК на проведение прямых переговоров для получения права недропользования на «Дархане» на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). В октябре 2008 года состоялась встреча глав правительств двух стран, которые заявили о

намерении ускорить подписание соглашения по месторождению «Дархан». Однако сроки реализации проекта и характер китайского участия в нем пока представляются неясными, так как новый Налоговый кодекс Казахстана, который вступил в силу с 1 января 2009 года, не предусматривает больше такой формы контракта, как СРП.

Приобретение 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». В 2009 году Китайский государственный инвестиционный фонд СІС приобрел за 0,939 млрд. долларов 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». Эта дочерняя структура «КазМунайГаза» является крупнейшей нефтедобывающей компанией Казахстана, а на ее долю приходится около 17% добываемой в республике нефти.

Приобретение 48% акций частной нефтяной компании ОАО «Мангистаумунайгаз». На данную компанию приходится порядка 8–10% добываемой в Казахстане нефти, а в ее собственности находятся 36 нефтегазовых месторождений на территории Мангистауской области (западная часть Казахстана) с суммарным запасом нефти около 180 млн. тонн, 58% акций Павлодарского нефтеперерабатывающего завода и крупная сеть автозаправочных станций. С 1998 года владельцем ОАО «Мангистаумунайгаз» была компания Central Asia Petroleum Ltd. (Индонезия). В январе 2009 года индонезийская компания и НК «КазМунайГаз» подписали договор о приобретении «КазМунайГазом» 50% + 2 голосующие акции «Мангистаумунайгаза». На остальные 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз» претендовала китайская КННК. После визита в Китай в апреле 2009 года президента Казахстана факт того, что именно КННК приобретет 48% акций «Мангистаумунайгаз» стал очевиден: в рамках заключенного договора о предоставлении Казахстану китайского кредита в размере 10 млрд. долларов, 5 млрд. долларов из объема данных средств было выделено непосредственно для «КазМунайГаза». В конце ноября 2009 года сделка по приобретению КННК акций «Мангистаумунайгаз» была оформлена через казахстанские биржевые структуры. По мнению казахстанских экспертов, про-

давец и покупатель воспользовались биржевой площадкой, чтобы уменьшить налоговые издержки.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Атасу–Алашанькоу». Нефтепровод введен в промышленную эксплуатацию в 2006 году. Его строительство стоимостью около 806 млн. долларов полностью профинансировано КННК. Протяженность нефтепровода составляет 962 километра, а проектная пропускная способность – до 10 млн. тонн в год. К 2011 году пропускную способность нефтепровода планируется увеличить до 20 млн. тонн, а еще через несколько лет – до 50 млн. тонн. Оператором проекта является китайско-казахстанская компания ТОО «Казахстанско-китайский трубопровод». Учредителями данной компании на паритетных началах выступают АО «Казтрансойл» и Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC). В 2007 году по «Атасу–Алашанькоу» было прокачено около 5 млн. тонн нефти. В 2008 году, когда по нефтепроводу, помимо казахстанской, стала поступать и российская нефть с западно-сибирских месторождений, общий объем прокаченного углеводородного сырья составил 6,35 млн. тонн нефти, что на 10,8% больше объемов предыдущего года.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Кенкияк–Кумколь». В декабре 2007 года состоялась презентация проекта и было подписано соглашение об основных принципах строительства нефтепровода. Масштабные работы по прокладке трубопровода начались в марте 2008 года. Субподрядчиком работ стала компания ТОО «Казахстанско-китайский трубопровод». Нефтепровод введен в строй в октябре 2009 года КННК и АО НК «КазМунайГаз». Его протяженность составляет 761 километр. «Кенкияк–Кумколь» является второй веткой нефтепровода из Казахстана в Китай (первой веткой является нефтепровод «Атасу–Алашанькоу»). Пропускная способность нефтепровода на начальном этапе составляет 10 млн. тонн нефти в год. В последующем она может быть увеличена до 20 млн. тонн в год. Ресурсной базы данного нефтепровода являются месторождения Актюбинской области и западного Казахстана.

Строительство и эксплуатация газопровода «Жанажол–КС-13» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Газопровод введен в эксплуатацию в 2005 году. Строительство осуществляла компания АО «КННК-Актобемунайгаз», которая в настоящее время является оператором по управлению данным газопроводом. Протяженность «Жанажол – КС-13» составляет около 150 километров, а пропускная способность – 5,2 млрд. кубических метров газа в год. Трубопровод соединил газоконденсатное месторождение «Жанажол» в Актюбинской области и компрессорную станцию № 13 на магистральной ветке «Бухара–Урал». Объем китайских инвестиций по данному проекту составил примерно 120 млн. долларов.

Строительство и эксплуатация казахстанского участка магистрального газопровода «Туркменистан–Китай». Данный участок общей протяженностью около 1300 километров является составной частью магистрального трубопровода «Туркменистан – Китай». Он представляет собой систему из двух параллельных трубопроводов с планируемым объемом прокачки до 40 млрд. кубических метров газа в год. Принципиальная договоренность о реализации проекта была достигнута еще в 2006 году, а само строительство началось летом 2008 года. Официальный пуск первой ветки газопровода состоялся в середине декабря 2009 года в присутствии председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Казахстана Н. Назарбаева. Предполагается, что китайские инвестиции по проекту составят порядка 600 млн. долларов.

Планы по строительству газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент». В апреле 2009 года в г.Пекине в ходе визита президента Казахстана в Китай представители «КазМунайГаза» и КННК подписали меморандум о сотрудничестве в топливно-энергетической сфере. Китайская компания обязалась выделить 5 млрд. долларов (из 10 млрд. долларов общего кредита со стороны КНР). Около 3,6 млрд. долларов из данной суммы будут направлены на финансирование совместного строительства газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент». Целью данного китайско-казахстанского проекта является обеспечение

газом южных областей Казахстана, что позволит кардинально снизить их зависимость от поставок газа из соседнего Узбекистана⁷⁴.

Планы по строительству нефтеперерабатывающего завода на приграничной с КНР территории Казахстана. Первоначально речь шла о строительстве НПЗ в Китае, однако в апреле 2009 года Казахстан выступил с предложением запустить данное производство на своей территории. Планируется, что производственные мощности завода будут в значительной степени обеспечивать казахстанский рынок, а часть продукции также будет поставляться в Китай.

Планы по строительству комплекса ароматических углеводородов⁷⁵ на Атырауском нефтеперерабатывающем заводе⁷⁶ (Атырауская область, западная часть Казахстана). В ходе рабочего визита в Казахстан в декабре 2009 года председателя КНР Ху Цзиньтао было подписано кредитное соглашение между Атырауским НПЗ и китайской нефтяной компанией Sinopec о строительстве на казахстанском предприятии нового современного комплекса по переработке углеводород-

---

⁷⁴По состоянию на конец 2009 года проект находился на стадии ТЭО.

⁷⁵Ароматическими углеводородами называются соединения, в молекуле которых имеется циклическая группа атомов с особым характером связи – ядро бензола. Области применения получаемых ароматических продуктов разнообразны и многогранны. Наиболее широкое применение имеет бензол. Основным направлением использования бензола является производство этилбензола – целого ряда полимерных продуктов.

⁷⁶Атырауский НПЗ (до 1991 года Гурьевский) – одно из крупнейших предприятий Казахстана, введено в строй в 1945 году. НПЗ впервые осуществил переработку нефти с тенгизского месторождения со значительно большим содержанием светлых фракций и одновременно с высоким содержанием в ней метил-этилмеркаптанов, что потребовало для ее переработки тщательной подготовки и решения как технологических, так и экологических проблем. В настоящее время доля переработки нефти с тенгизского месторождения составляет 12%. Несмотря на недостаточность вторичных процессов, заводом достигнута глубина переработки 65%. При этом отбор светлых нефтепродуктов от нефти представляет в среднем 45,9%. В настоящее время Атырауский НПЗ способен перерабатывать 4,5 млн. тонн нефти. Владелец является АО «Торговый дом «КазМунайГаз» (99,21%).

ного сырья. Работы на Атырауском НПЗ планируется начать в 2010 году после разработки и утверждения ТЭО проекта.

Атомная отрасль

Планы по производству и поставкам казахстанского ядерного топлива для китайских АЭС. В 2007 году Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (CGNPC) и НК «Казатомпром» подписали базовое соглашение о совместном производстве ядерного топлива для китайских атомных электростанций. Планируется, что добытый в Казахстане уран будет поступать в Китай для обогащения, а затем – обратно на Ульбинский металлургический комбинат (собственность НК «Казатомпром», расположен в Восточно-Казахстанской области), где пройдет переработку в ядерное топливо, которое будет направляться в Китай.

Добыча урановой руды на руднике «Ирколь» (Кызылординская область, южная часть Казахстана). В апреле 2009 года в г. Алматы на основе подписанного в 2007 году базового соглашения между Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорацией и НК «Казатомпром» состоялось открытие китайско-казахстанского предприятия ТОО «Семизбай-У». В рамках данного СП предполагалось организовать совместную добычу урановой руды на руднике «Ирколь», промышленная эксплуатация которого началась еще в советское время. Запасы природного урана на данном месторождении составляют примерно 19 тысяч тонн. Добыча урана осуществляется методом подземного скважинного выщелачивания. Предполагаемый объем добычи должен был составить порядка 750 тонн урана в год. Выход рудника на проектную мощность ожидался в 2010 году, а в 2009 году планировалось добыть около 500 тонн урана. По условиям соглашения производимая на руднике «Ирколь» продукция предназначена для удовлетворения потребностей атомной энергетики КНР.

Планы участия Казахстана в строительстве АЭС на территории КНР. В апреле 2009 года НК «Казатомпром» и Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация подписали меморандум о создании совместного предприятия по строительству атомных электростанций в Китае. Планировалось, что сфера деятельности данного СП будет включать строительные работы, строительный менеджмент и надзор за атомными объектами. Китайско-казахстанское предприятие должно будет финансироваться на паритетных условиях Китайской ядерно-энергетической инжиниринговой компанией (дочерняя структура Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорации) и НК «Казатомпром». В перспективе не исключается привлечение к участию в СП и других акционеров.

Электроэнергетическая отрасль

Строительство Мойнакской ГЭС на реке Чарын (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). В 2006 году Казахстан подписал контракт с Национальным банком развития Китая о кредитовании работ по возобновлению строительства Мойнакской ГЭС. Предполагаемая мощность будущей гидроэлектростанции – 250 МВт, а стоимость проекта – 340 млн. долларов. Планировалось, что после строительства ГЭС позволит обеспечить потребности Алматинской области, а также экспортировать часть электроэнергии в Китай. Главным условием КНР по предоставлению займа было следующее: строительные работы должны выполняться китайскими организациями, а оборудование должно поставляться из Китая. Проектировщиком и организатором работ по строительству деривационного тоннеля, а также здания гидроэлектростанции была определена Китайская Международная корпорация водного хозяйства и энергетики. Китайской стороной уже выделено около 200 млн. долларов. На данном этапе финансирования было завершено возведение дамбы, продолжаются работы по сооружению подъездных путей и дорог. Ввод ГЭС в эксплуатацию намечен на 2011 год.

Планы по строительству ГЭС на реке Чилик (Алматинская область Казахстана). В начале 2010 года Китай подписал с Казахстаном соглашение о строительстве еще одной ГЭС в Алматинской области республики. Проект предполагает возведение ГЭС мощностью 254 МВт. Стоимость работ оценивается в 727 млн. долларов. Оператором проекта определена китайская компания China Gezhonba Group Co. Планируемый срок введения объекта в строй – начало 2015 года.

Планы по строительству ГЭС на реке Иртыш (Павлодарская область, северная часть Казахстана). Строительство ГЭС первоначально планировалось осуществить за счет китайских инвестиций. Предполагаемая мощность будущей электростанции 5,5–7 тыс. МВт, а оценочная стоимость самого проекта – примерно 7 млрд. долларов. При этом ожидалось, что китайская сторона получит эксклюзивное право на экспорт электроэнергии, большая часть которой будет направляться в СУАР КНР.

Планы по строительству каскада малых ГЭС на реке Хоргос (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). На реке Хоргос планировалось построить каскад малых ГЭС общей мощностью 21 МВт. Переговоры по данному проекту начались еще в 2005 году.

Планы по строительству двух ТЭС в Павлодарской области (северная часть Казахстана). Примерно с 2005 года Китай рассматривает возможность финансирования строительства двух тепловых электростанций, суммарной мощностью 7,2 тыс. МВт, которые должны были функционировать на угле экибастузского месторождения. Привлекательность данного проекта состоит в том, что уголь данного месторождения высокого качества и залегает вблизи поверхности, что позволяет вести добычу открытым способом. В случае реализации проекта предполагаемый объем выработки электроэнергии на двух ТЭС мог бы составить 40 млрд. кВт/ч в год⁷⁷.

---

⁷⁷По состоянию на 2009 год данный проект все еще находился на стадии разработки ТЭО.

Металлургическая отрасль

Строительство электролизного завода в Павлодарской области (северная часть Казахстана). Строительство данного завода проектной мощностью 250 тыс. тонн алюминия в год осуществляется Китайской инженерно-строительной компанией NFC. В 2007 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил под данный проект кредит в размере 293 млн. долларов сроком на 10 лет⁷⁸.

Отрасль телекоммуникаций и связи

Развитие сети CDMA-450 (беспроводная связь). Еще в 2002 году компания ZTE подписала с казахстанской компанией НК «Казтелеком» контракт по развитию системы беспроводной телефонии в Казахстане. В 2004 году ZTE и «Казтелеком» создали СП Kazakhstan Engeneering, контрольный пакет акций (51%) которого принадлежит Казахстану. Общий объем инвестиций ZTE в создание и развитие сети CDMA-450 составил порядка 200 млн. долларов.

Оказание услуг китайским телекоммуникационным компаниям, действующим на территории Казахстана. В 2006 году китайская компания China Telecom открыла свое представительство в г. Алматы для оказания услуг телекоммуникационным компаниям КНР, работающим на рынке Казахстана.

Оказание услуг нефтегазовым компаниям, действующим на территории Казахстана. В 2004 году китайская компания Bell-Alcatel подписала контракт на сумму примерно 11,2 млн. евро (на тот период около 15 млн. долларов) с итальянской нефтегазовой компанией Agir КСО на разработку интегрированного телекоммуникационного решения для морских и наземных нефтяных платформ Кашаганского нефтегазового месторождения (казахстанский сектор Каспийского моря). В рамках проекта Bell-Alcatel развернула транспортную сеть на базе

---

⁷⁸Ввод завода в эксплуатацию запланирован на 2010 год.

оптических мультисервисных узлов OMSN (Optical Multi-Service Node) с функциональностью Ethernet и Gigabit Ethernet. Наряду с этим была также осуществлена поставка системы видеонаблюдения (CCTV), оповещения и радиосвязи.

Планы по дальнейшему сотрудничеству в отрасли телекоммуникаций и связи Казахстана. В апреле 2009 года⁷⁹ между АО «Казахтелеком», Национальным Банком КНР и китайской телекоммуникационной корпорацией Huawei Technologies подписан трехсторонний меморандум о взаимопонимании. Целью меморандума является создание предварительных условий, необходимых для крупномасштабного финансирования Национальным Банком КНР перспективных телекоммуникационных проектов в Казахстане, в частности, развития сетей фиксированного радиодоступа по технологии WLL CDMA и сетей широкополосного доступа в Интернет по технологии ADSL2+. В свою очередь, Huawei Technologies выразила готовность предоставить кредит в размере до 200 млн. долларов для финансирования совместных с «Казахтелекомом» проектов.

Транспортная отрасль

Планы по строительству железнодорожного пути через пограничный пункт Хоргос. В 2006 году Китай и Казахстан подписали соглашение о соединении национальных железных дорог в пограничном пункте Хоргос. Для этой цели предполагается построить участок железной дороги протяженностью 300 километров и пропускной способностью 25 млн. тонн грузов в год. Стоимость данного строительства предположительно составит порядка 600 млн. долларов. Однако до сих пор не определены источники финансирования проекта и неизвестны сроки его реализации.

Поставки из КНР в Казахстан транспортной техники. Казахстан периодически закупает в Китае различную транспортную технику.

---

⁷⁹В ходе визита президента Казахстана в КНР.

Частично данные закупки осуществляются за счет средств Казахстана, а частично – за счет китайских кредитов. Все это имеет отношение скорее к китайско-казахстанским торговым связям, нежели к проектной деятельности. Сведения о закупках транспортной техники зачастую носят разрозненный характер. Достоверно известно, что в 2006 году Казахстан заказал в КНР 152 пассажирских вагонов на сумму в 60 млн. долларов. Данная сделка была профинансирована кредитом ЭК-СИМ-банка КНР.

Китайские проекты в Кыргызстане

Электроэнергетическая отрасль

Планы по строительству малых ГЭС на реке Нарын (восточная часть Кыргызстана). В 2004 году Пекин и Бишкек пришли к соглашению о совместном строительстве на реке Нарын двух малых ГЭС. Однако события весны 2005 года в Кыргызстане (т.н. тюльпановая революция), которые привели к смене власти в стране, нарушили эти планы и договоренности были аннулированы. Спустя некоторое время, после прихода к власти в республике руководства во главе с К. Бакиевым, стороны все же вернулись к обсуждению вопросов сотрудничества в гидроэнергетической отрасли, хотя в практическую плоскость это пока не перешло.

Горнодобывающая отрасль

Освоение полиметаллического месторождения «Куру-Тегерек» (южная часть Кыргызстана). В конце 2007 года китайская компания Inner Mongolia Xiangzhen Mining Group (дочерняя компания China Shenzhou Mining & Resources) выкупила у владельца данного месторождения – частной кыргызской компании Tun Lin Limited Liability Co. 100% акций примерно за 10 млн. долларов (73,05 млн. юаней). По данным China Shenzhou Mining & Resources, запасы месторождения оцениваются в 172,7 млн. тонн руды, содержащей около 97 тонн золота, 1 млн. тонн меди и 4,88 тыс. тонн молибдена.

Планы по освоению золотоносного месторождения «Иштамберды» (южная часть Кыргызстана). В 2006 году на основании достигнутого между Китаем и Кыргызстаном межправительственного соглашения китайская компания China Road & Bridge Corp. получила право на освоение «Иштамберды». Уже в феврале 2008 года другая китайская компания Lingbao Gold выкупила у China Road & Bridge Corp. за 25,3 млн. долларов право на освоение данного золотоносного месторождения. Запасы «Иштамберды» оцениваются примерно в 23 тонны

золота. Оператором проекта является компания Full Gold Mining (дочерняя структура компании Lingbao Gold), которая планирует освоить данное месторождение за счет кредита Китайского банка развития⁸⁰. Пока осуществляются лишь геологоразведочные работы. При этом, как считают специалисты, добыча золота будет затруднена, поскольку в руде присутствует достаточно высокая концентрация токсичного компонента – мышьяка, для удаления и утилизации которого необходимы специальные дорогостоящие технологии. Однако, в связи с устойчивой тенденцией роста мировых цен на золото в условиях мирового кризиса, месторождение «Иштамберды» может стать привлекательным, даже несмотря на необходимость повышенных затрат на его разработку.

Угольная отрасль

Добыча угля на территории Ошской области (южная часть Кыргызстана). В 2006 году на территории области создано китайско-кыргызское СП «Перити Коал» по добыче угля. В среднем ежегодно предприятие добывает не менее 41 тыс. тонн угля, а около 18 тыс. тонн экспортирует. Китайские инвестиции на реализацию данного проекта предположительно могли составить от 4 до 8 млн. долларов.

Нефтегазовая отрасль

В Кыргызстане не обнаружено промышленных запасов нефти и газа. Разведанные запасы нефти в республике составляют всего лишь около 6,3 млн. тонн, а газа – порядка 6 млрд. кубических метров. При этом в Кыргызстане добывается примерно 70–90 тыс. тонн нефти в год, а объемы добычи газа крайне незначительны и не превышают 25 млн. кубических метров в год. Учитывая все это, интерес КНР к нефтегазовой отрасли Кыргызстана в целом крайне незначителен. Тем не менее в условиях высоких цен на энергоресурсы, имевших место до осени 2008

---

⁸⁰По состоянию на 2009 год сумма кредита под освоение данного месторождения официально озвучена так и не была.

года, китайский бизнес предпринимал попытки закрепиться и в нефтегазовой отрасли кыргызской экономики.

Планы по добыче нефти и газа в Баткенской области (южная часть Кыргызстана). В 2008 году Китайская международная нефтеразведочная компания Zhongneng Co. Ltd. выкупила государственный пакет акций (100%) АО «Баткеннефтегаз» за 1,1 млн. долларов. Тогда же китайская сторона обязалась инвестировать в «Баткеннефтегаз» около 66 млн. долларов, увеличив его производственные мощности и выйдя на новые рынки сбыта. Однако сроки реализации данного проекта пока неясны.

Транспортная отрасль

Реконструкция автомобильной магистрали «Иркештам – Сарыташ – Ош». Данная трасса станет частью трансконтинентальной магистрали, соединяющей Китай, Центральную и Южную Азию и обеспечивающей выход через Афганистан к портам Индийского океана. С 2006 года китайской компанией China-Road & Bridge Corp. за счет гранта правительства КНР осуществляется реконструкция автомобильной дороги «Иркештам – Сарыташ – Ош», которую в дальнейшем предполагается состыковать с узбекской автодорожной системой. Уже завершены работы на участке «Иркештам – Сарыташ» и ведется реконструкция участка «Сарыташ – Ош». Расчетная стоимость работ составляет около 15 млн. долларов, а объем уже освоенных инвестиций – более 7,5 млн. долларов.

Планы по строительству кыргызского участка железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Китай пытается реализовать данный проект еще с 1997 года. Созданная в конце 90-х годов совместная экспертная группа признала одним из наиболее перспективных маршрут «Кашгар – Иркештам – Сарыташ – Ош – Андижан». Китайская сторона уже ведет строительные работы на своем участке. В частности, в конце 2008 года в СУАР завершено строительство 13,6-километрового железнодорожного туннеля, проходящего че-

рез один из горных массивов северного Тянь-Шаня. Хотя Кыргызстан и заинтересован в скорейшем строительстве своего участка данного железнодорожного пути, в то же время начало работ затягивается из-за отсутствия финансовых средств. Для ускорения реализации проекта Пекин в 2006 году даже предлагал Бишкеку льготный кредит в размере 1,2 млрд. долларов в обмен на доступ к разработке минеральных ресурсов республики, в первую очередь золота. Однако данное предложение вызвало множество споров во властных структурах и экспертных кругах Кыргызстана, в результате чего вопрос о начале реализации проекта все еще остается открытым.

Поставки транспортной техники из КНР в Кыргызстан. Среди данных контрактов наиболее значимыми являются поставки автобусов и мусороуборочной техники. В частности, в 2007 году мэрия г. Бишкека заключила контракт с китайской компанией внешней торговли «Баотунг» на закупку 300 автобусов. Стоимость контракта – 22 млн. долларов под кредит ЭКСИМ-банка КНР. Кроме того, в 2007 году были заключены контракты на сумму от 2 до 4 млн. долларов на поставку в г. Ош 40 автобусов и мусороуборочной техники.

Отрасль по производству строительных материалов

Строительство Кызыл-Кийского цементного завода (Ошская область, южная часть Кыргызстана). В 2007 году между Китаем и Кыргызстаном был подписан контракт на строительство цементного завода в г. Кызыл-Кия. Данный проект осуществлялся за счет кредита в 70 млн. долларов, выделенного ЭКСИМ-банком КНР. Гарантом по кредиту выступил казахстанский банк «ТуранАлем». Летом 2009 года завод был введен в строй. Его проектная мощность составляет 930 тыс. тонн цемента в год с перспективой расширения до 2 млн. тонн цемента в год.

Планы по строительству цементного и кирпичного заводов в Таласской области (западная часть Кыргызстана). В 2007 году китайская компания «Сань Юань» объявила о своем намерении построить в Та-

ласской области Кыргызстана два завода: цементный, мощностью 150 тыс. тонн в год (с последующим расширением до 300 тыс. тонн в год) и кирпичный, мощностью около 2 млн. штук кирпичей в год.

Отрасль легкой промышленности

Строительство целлюлозно-бумажной фабрики в г. Токмаке (северная часть Кыргызстана). Проект осуществлен в период 2000–2002 годов китайской компанией Complant за счет займа правительства Китая в размере 7,4 млн. долларов и кредита ЭКСИМ-банка КНР в размере 14,7 млн. долларов. Ввод фабрики в строй состоялся в 2002 году, однако спустя 3 года данное предприятие обанкротилось.

Машиностроительная отрасль

Выпуск тракторов в г. Кара-Балта (Чуйская область, северная часть Кыргызстана). В г. Кара-Балта в 2008 году открыто китайско-кыргызское СП «Ак-Жол ИТО» по сборке тракторов. Соучредителями являются государственное предприятие «Кыргызресурсы» и китайская компания YTO International LTD. Завод рассчитан на сборку 4 тысяч тракторов в год (1 тысячи тракторов для Кыргызстана и 3 тысяч тракторов – на экспорт). Инвестиции китайской компании в данный проект предположительно составили от 8 до 12 млн. долларов.

Поставки техники из КНР в Кыргызстан. Подобного рода «проекты» осуществляются в основном путем прямой закупки китайской техники за счет средств кыргызского бюджета, что имеет большее отношение к торговым связям двух стран, нежели собственно к вопросам проектно-инвестиционной деятельности. Сведения об этих «проектах» зачастую носят крайне разрозненный характер. Известно, что в ряде случаев Пекин предоставляет Бишкеку финансовые ресурсы в виде кредитов или грантов для закупки техники китайского производства. В частности, в 2006 году Китай предоставил Кыргызстану грант на сумму 4,4 млн. долларов на поставку сельскохозяйственной техники.

Техническая помощь

Гранты на развитие аграрной и социальной инфраструктуры Кыргызстана. Китай предоставил Кыргызстану ряд грантов на развитие аграрной инфраструктуры⁸¹, строительство школ и больниц. Общая сумма данных грантов оценивается в 9,1 млн. долларов.

Грант на финансирование саммита ШОС. В 2007 году Китай предоставил правительству Кыргызстана грант в 7,4 млн. долларов на организацию и проведение в том же году саммита ШОС в г. Бишкеке.

---

⁸¹Строительство различных построек, развитие ирригационной системы и т.п.

Китайские проекты в Таджикистане

Электроэнергетическая отрасль

Планы по строительству Зеравшанской ГЭС (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В январе 2007 года китайская компания Sinohydro подписала с правительством Таджикистана контракт на строительство ГЭС на реке Зеравшан мощностью 150 МВт. Годовая выработка электроэнергии после ее ввода в строй планировалась в объеме 537 млн. кВт/ч. Данный проект, оценочной стоимостью 260 млн. долларов, должен был финансироваться под кредит ЭКСИМ-банка КНР, однако уже в июле 2007 года Sinohydro приостановила реализацию проекта.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Юг – Север». В 2006 году китайская компания Tebian Electric Apparatus Stock Company (ТВЕА) приступила к строительству линии электропередач ЛЭП-500 «Юг – Север» протяженностью более 350 километров. Данная ЛЭП объединит южную и северную части страны в единую систему электроснабжения⁸². Кредитование проекта в размере 267 млн. долларов осуществляется ЭКСИМ-банком КНР.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Лолазор – Хатлон» (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). Проект был реализован на основе соответствующего межправительственного соглашения. В период 2006–2008 годов китайская компания ТВЕА построила линию электропередач ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» протяженностью около 90 километров, которая позволила обеспечить населенные пункты Кулябского района Хатлонской области Таджикистана электроэнергией, вырабатываемой на ГЭС «Сангтуда-1» и «Сангтуда-2». Общая стоимость проекта составила 58 млн. долларов, 55 млн. из которых были покрыты кредитом ЭКСИМ-банка КНР.

---

⁸²Строительство планировалось завершить в 2010 году.

Планы по подготовке к строительству Нурабадской ГЭС-2 (23 километра от устья реки Обинхингоб – притока реки Вахш, Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В августе 2008 года китайская компания Sinohydro подписала меморандум с Министерством энергетики и промышленности Таджикистана о строительстве гидроэлектростанции на реке Обинхингоб – Нурабадской ГЭС-2 с проектной мощностью 200 МВт и ежегодной выработкой электроэнергии в объеме 740 млн. кВт/ч. Согласно документу китайская компания берет на себя обязательства по проектированию и строительству «под ключ» Нурабадской ГЭС-2, включая прокладку двухцепной линии электропередач 220 кВ от открытого распределительного устройства (ОРУ) Нурабадской ГЭС-2 до ОРУ Нурабадской ГЭС-1. Ориентировочная стоимость проекта – примерно 200 млн. долларов. Расходы полностью берет на себя китайская сторона⁸³.

Транспортная отрасль

Реконструкция автомобильной трассы «Душанбе – Худжанд – Чанак». Проект стартовал в 2006 году, реализуется на основе межправительственного соглашения от 2005 года и предполагает реконструкцию автотрассы, связывающей столицу Таджикистана с северными районами республики. Протяженность автомобильной дороги составляет 354 километра. Строительные работы осуществляет китайская компания China Road and Bridge. Помимо восстановления дорожного полотна, компания также ведет пробивку нескольких горных туннелей и возведение противолавинных галерей⁸⁴. ЭКСИМ-банк предоставил на реализацию данного проекта кредит в размере 282 млн. долларов.

Строительство автомобильного туннеля «Шахристан» (180 километров севернее г. Душанбе). Строительство началось в августе 2006 года и осуществляется китайской компанией China Road and Bridge на средства кредита, предоставленного ЭКСИМ-банком КНР на реконст-

---

⁸³По состоянию на 2009 год проект находился на стадии разработки ТЭО.

⁸⁴Предполагается, что к середине 2010 года – после завершения всех работ, автотрассу можно будет использовать круглогодично.

рукцию автомобильной трассы «Душанбе – Худжанд – Чанак». Туннель протяженностью 5 километров пройдет под перевалом «Шахристан»⁸⁵. По заявлению руководства Таджикистана туннель является стратегически важным объектом и имеет большое значение для автотранспортного сообщения между севером и югом страны, а также обеспечения международных транзитных перевозок. В строительстве задействовано более 2 тысяч таджикских рабочих. Стоимость проекта оценивается в 51,7 млн. долларов⁸⁶.

Строительство автомобильного туннеля «Шар-Шар» (80 километров юго-восточнее г. Душанбе). Сооружение туннеля длиной 2,2 километра по дороге «Душанбе – Куляб» началось в 2006 году. Подрядчиком проекта выступила китайская компания Chinese Railway Company. Бюджет проекта составил 38 млн. долларов, 30 млн. из которых были предоставлены китайской стороной в виде правительственного гранта. Туннель введен в эксплуатацию в конце 2009 года.

Горнодобывающая и металлургическая отрасли

Освоение золотоносных месторождений в Пенджикентском районе Согдийской области (северная часть Таджикистана). В 2007 году китайская горнопромышленная корпорация ZiJin Mining Group Co. Ltd. приобрела за 55 млн. долларов у британской фирмы Avocet Mining Plc. 75% акций таджикско-британского СП «Зеравшан»⁸⁷ и создала на его базе горнопромышленную компанию ZiJin. Разведанные запасы месторождения составляют 158 тонн золота. В среднем добывается около 1,8 тонны золота в год. Китайская компания уже инвестировала около 6 млн. долларов в этот проект и к 2010 году планировала довести добычу золота до 5 тонн в год. По некоторым данным, всего ZiJin была намерена вложить 146 млн. долларов и в дальнейшем довести объемы

---

⁸⁵Ввод туннеля в эксплуатацию был запланирован на август 2009 года, однако, в связи с нарушением графика строительных работ сроки ввода «Шахристан» в эксплуатацию были перенесены на 2010 год.

⁸⁶Составная часть кредита ЭКСИМ-банка в объеме 282 млн. долларов на проект по реабилитации автодороги «Душанбе – Худжанд – Чанак».

⁸⁷25% акций остались в собственности правительства Таджикистана.

ежегодной добычи золота до 7 тонн. СП «Зеравшан», являясь одним из крупнейших предприятий горнодобывающей отрасли Таджикистана, имеет практически завершённый технологический цикл: добыча, переработка и металлургия. Основной сырьевой базой предприятия являются золотосодержащие коренные руды месторождений «Джилау» и «Тарор» в Согдийской области.

Планы строительства заводов по производству фтористого алюминия и криолита в Хатлонской области (юго-западная часть Таджикистана). В 2008 году Китайская государственная компания по тяжёлому машиностроению (СНМС) и таджикская алюминиевая компания «Талко» подписали контракт на строительство двух предприятий по производству фтористого алюминия и криолита. Строительство, оцениваемое в 1 млрд. долларов, планируется осуществлять в рамках пятилетней программы, согласно которой в республике будет создано более 15 тыс. рабочих мест. В качестве соинвесторов по строительству предприятий предполагалось привлечь Европейский банк реконструкции и развития, а также Азиатский банк развития.

Отрасль телекоммуникаций и связи

Строительство станций связи в г. Душанбе и г. Курган-Тюбе. В 2002 году китайская компания ZTE получила контракт на строительство станций связи в г. Душанбе и г. Курган-Тюбе.

Кодификация таджикской национальной сети CDMA. В 2003 году компания ZTE получила контракт на кодификацию таджикской национальной сети CDMA.

Строительство сети беспроводного широкополосного доступа в Интернет. В 2007 году Китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd. приобрела за 26,6 млн. долларов таджикскую компанию-оператора мобильной связи ООО «Вавилон-Т» и построила сеть беспроводного широкополосного доступа в Интернет по технологии WiMAX. На сегодняшний день «Вавилон-Т» является крупнейшим по числу абонентов оператором мобильной связи в Таджикистане, имеет лицензии на GSM-900/1800 и оказание услуг 3G.

Китайские проекты в Туркменистане

Нефтегазовая отрасль

Подготовка к освоению газоносной территории «Багтиярлык» (восточная часть Туркменистана, правобережье реки Амударья). С 2007 года на основании полученной от туркменского правительства лицензии на проведение геологоразведочных работ КННК осуществляет комплексные мероприятия по подготовке скважин, сооружению очистных газонакопительных установок, компрессорной и измерительной станций. В 2008 году было пробурено 6 новых скважин, закончен капитальный ремонт 6 ранее действовавших и законсервированных скважин. В 2009 году были подготовлены к эксплуатации в общей сложности 30 скважин: 23 отреставрированных и 7 новых. По состоянию на начало 2010 года китайские инвестиции в данный проект предположительно могли составить не менее 360 млн. долларов.

Строительство газоперерабатывающего завода вблизи газоносной территории «Багтиярлык». Согласно достигнутой в 2007 году между Туркменистаном и Китаем договоренности, китайская КННК приступила к строительству газоперерабатывающего завода мощностью 5 млрд. кубических метров газа в год. ГПЗ предназначен для первичной переработки газа (очистка от сероводорода, влаги и иных твердых и жидких примесей) с последующей его поставкой в КНР по газопроводу «Китай – Туркменистан». Ввод завода в эксплуатацию состоялся в конце 2009 года.

Геологоразведка газового месторождения «Южный Иолотань» (юго-восточная часть Туркменистана). В соответствии с достигнутой еще в 2006 году договоренностью между КННК и правительством Туркменистана, в течение 12 лет китайская компания планировала осуществить на месторождении бурение 12 разведочных скважин.

В конце 2008 года британская аудиторская компания Gaffney, Cline & Associate объявила итоги независимого исследования, которое подтвердило, что ресурсы месторождения «Южный Иолотань» составляют от 4 до 14 трлн. кубических метров газа. В свою очередь, еще в 2007 году Туркменистан объявил, что запасы данного месторождения достигают порядка 7 трлн. кубических метров.

Строительство и эксплуатация туркменского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Протяженность газопровода от туркменских месторождений на правом берегу реки Амударьи до казахстанско-китайской границы составляет около 2000 километров: по территории Туркменистана – 188 километров, Узбекистана – 525 километров, Казахстана – 1293 километра. По данному трубопроводу газ будет поставляться в китайскую провинцию Гуандун (южная часть тихоокеанского побережья КНР), поэтому общая протяженность газопровода, в том числе по территории Китая, составит около 7000 километров. В 2006 году подписано генеральное соглашение между Китаем и Туркменистаном по строительству магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Сооружение туркменского участка данного газопровода началось в 2007 году⁸⁸. Официальный пуск первой ветки газопровода состоялся 14 декабря 2009 года в присутствии руководителей Казахстана, Китая, Туркменистана и Узбекистана. Оператором газопровода является китайская компания CNPC Exploration and Development (дочерняя структура КННК). Учитывая то, что данный газопровод проходит по территориям Узбекистана и Казахстана, CNPC Exploration and Development также сотрудничает с казахстанской НК «КазМунайГаз» и узбекской НХК «Узбекнефтегаз».

Газопровод «Туркменистан – Китай» рассчитан на экспорт в КНР до 40 млрд. кубических метров газа ежегодно. На проектную мощность трубопровод планируется вывести в 2012 году. Примерно 13 млрд. ку-

---

⁸⁸Генеральным подрядчиком строительства является российская компания «Стройтрансгаз», которая выиграла соответствующий тендер. Компания осуществляет строительство линейной части газопровода, установки оборудования по осушке газа, хозрасчетного замерного узла, линейно-эксплуатационной базы, узлов приема и запуска очистных сооружений, линий электропередач.

бических метров из этого объема должно поставляться с участков, переданных в пользование CNPC, а остальные – с месторождения «Малай» (разрабатывает «Туркменгаз»). Финансирование строительства газопровода осуществляется КННК. В то же время имеется информация о том, что в 2008 году две другие китайские компании: PetroChina и CNODC – на паритетных началах также инвестировали около 2 млрд. долларов (18 млрд. юаней) в строительство данного газопровода. Общий объем инвестиций по газопроводу «Туркменистан – Китай» составит примерно 6,7 млрд. долларов (53,4 млрд. юаней), включая примерно 88 млн. долларов на сооружение туркменского участка газопровода.

Планы по организации производства нефтяного оборудования в г. Балканабате (западная часть Туркменистана). Еще в 2001 году государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт о создании СП по производству нефтепромышленного оборудования в г. Балканабате, а также участия китайских специалистов в модернизации морского порта в г. Туркменбаши. Однако тогда эти планы по ряду причин не были реализованы. В 2007 году уже между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана и Китайской инженерно-строительной компанией NFC достигнута очередная предварительная договоренность о создании совместного китайско-туркменского предприятия по производству нефтяного оборудования. Перспективы реализации данного проекта пока остаются неясными⁸⁹.

Поставки китайского нефтегазового оборудования. Поставки в Туркменистан китайского нефтегазового оборудования (в основном буровых установок, транспортных средств, а также запасных частей и комплектующих к ним) осуществляются преимущественно путем прямой закупки техники из КНР за счет средств бюджета Туркменистана. Это имеет отношение больше к торговым связям двух стран, нежели собственно к вопросам китайской проектно-инвестиционной деятельности. При этом в ряде случаев Пекин предоставляет Ашгабату креди-

---

⁸⁹По крайней мере, по состоянию на 2009 год.

ты для закупки техники китайского производства, а кредитором выступает Экспортно-импортный банк КНР (ЭКСИМ-банк). Сведения об этом зачастую носят крайне разрозненный характер. Известны лишь следующие факты:

- в 2001 году Государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт на изготовление и поставку в Туркменистан двух буровых установок на сумму 22,2 млн. долларов;
- в 2001 году «Туркменгаз» заключил контракт с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке на поставку буровой установки типа ZJ70D стоимостью 14,7 млн. долларов, а также оборудования для ремонта скважин на сумму около 1,2 млн. долларов;
- в 2002 года правительство Туркменистана заключило соглашение с КННК на поставку четырех буровых установок для «Туркменгаза» на общую сумму уже в 52,4 млн. долларов;
- в 2003 году «Туркменгаз» заключил с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке контракт на закупку четырех буровых установок типа ZJ70D и транспортных средств, а также комплектующего оборудования на общую сумму свыше 50 млн. долларов;
- в 2004 году «Туркменгаз» и Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке заключили контракт на изготовление и поставку 10 подъемных агрегатов, запасных частей и инструментов к ним на общую сумму более 14,5 млн. долларов.

Химическая отрасль

Строительство завода по производству карбамида и реконструкция производственного объединения «Марыазот» (г. Мары). В 2006 году было подписано китайско-туркменское межправительственное соглашение о строительстве в г. Мары завода по производству карбамида мощностью 400 тыс.тонн в год и реконструкции производственного объединения «Марыазот», выпускающего аммиак и азотные удобрения. Реализация данного масштабного проекта была возложена на ки-

тайскую компанию CITIC Group. Уже в 2007 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил республике под данный проект льготный кредит на сумму в 300 млн. долларов со сроком погашения в 20 лет со ставкой в размере 3% годовых.

Отрасль по производству строительных материалов

Строительство стекольного комбината в г. Ашгабате. В 2007 году Министерство строительства и промышленности строительных материалов Туркменистана и консорциум китайских компаний (Capital Longji Sei-Tech. Co. и SINOMACH) подписали контракт на строительство стекольного комбината в г. Ашгабате. Данный проект осуществляется на кредит ЭКСИМ-банка КНР в размере 68 млн. долларов. В состав производственного комплекса войдет также и фабрика по обогащению кварцевого песка, основного сырья для стекольного производства. Предполагается, что после завершения строительства и запуска завода⁹⁰, он станет крупнейшим предприятием подобного рода во всей Центральной Азии⁹¹.

Транспортная отрасль

Китайское присутствие в транспортной отрасли Туркменистана сводится преимущественно к поставкам транспортных средств, а также комплектующих и запасных частей к ним. Это относится скорее к торговым связям двух стран, нежели к проектной деятельности компаний из КНР. Однако также, как и в случае с поставками нефтегазового оборудования, Китай предоставляет Туркменистану кредиты под закупку тех или иных транспортных средств. Кредитором, как правило, выступает ЭКСИМ-банк КНР. Сведения обо всем этом зачастую носят разрозненный характер. Известно лишь, что в период 2005–2008 годов

---

⁹⁰Ввод завода в эксплуатацию был запланирован на начало 2010 года.

⁹¹Проектная мощность завода, предположительно, составит 5,8 млн. квадратных метров стекла (при толщине 4 мм), 85 млн. единиц различных изделий стеклотары, и 300 тыс. квадратных метров стеклопакетов, в том числе с тонированным покрытием.

Туркменистан заключил контракты с китайскими компаниями Capital-Longji Sci-Tech. Ltd. и CINIC по поставкам различных видов машин (локомотивов, грузовых и пассажирских вагонов, магистральных тепловозов), а также запасных частей и комплектующих к ним:

- в 2005 году подписан контракт с Capital-Longji Sci-Tech. Ltd. на поставку 48 дизельных локомотивов и 50 вагонов на общую сумму 128,6 млн. долларов, где 85% стоимости контракта (109 млн. долларов) профинансировано за счет кредита самой китайской компании;
- в 2006 году подписан контракт с CINIC на сумму в 80 млн. долларов на поставку 200 вагонов, включая 160 пассажирских, который профинансирован кредитом ЭКСИМ-банка КНР в размере около 38 млн. долларов (300 млн. юаней);
- в 2008 году подписан контракт с Capital-Longji Sci-Tech. Ltd. на сумму в 27,5 млн. долларов на поставку 10 грузовых магистральных тепловозов и запасных частей к ним. Контракт профинансирован кредитом ЭКСИМ-банка КНР.

Отрасль телекоммуникаций и связи

В середине первого десятилетия XXI века китайский бизнес стремительно вышел на телекоммуникационный рынок Туркменистана. В республике работают такие компании, как Shenzhen Zhongxing Telecom Equipment Corporation (ZTE) и Huawei Technologies Co. Ltd., которые занимаются преимущественно поставками телекоммуникационного оборудования из КНР. Например, в 2006 году Китай предоставил Туркменистану 29,4 млн. долларов льготного кредита на цели приобретения китайского телекоммуникационного оборудования. Кроме того, с участием данных китайских компаний реализуется и ряд достаточно крупных телекоммуникационных проектов:

- монтаж телефонных станций в г. Ашгабате;
- строительство цифровых АТС и прокладка волоконно-оптических линий связи;
- расширение национальной сети сотовой связи TM CELL и сети радиодоступа стандарта CDMA.

Фармацевтическая отрасль

Строительство и эксплуатация завода по производству экстракта солодкового корня в составе агропромышленного комплекса «Буян» (г. Туркменабад, бывший г. Чарджоу, Лебапская область, северо-восточная часть Туркменистана). В 2008 году состоялся пуск завода по производству экстракта солодкового корня проектной мощностью 1000 тонн продукции в год. По имеющейся информации, строительство стоимостью 2,2 млн. долларов, осуществлялось за счет инвестиций китайской компании Baoding Zhenying Import & Export Co. Ltd.

Отрасль легкой промышленности

Реконструкция шелкомотальной фабрики в г. Ашгабате. В 2003 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил Туркменистану беспроцентный кредит в размере 2,4 млн. долларов сроком на 20 лет для реконструкции шелкомотальной фабрики в г. Ашгабате.

Строительство предприятия по производству грены шелкопряда в г. Мары. В 2003 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил Туркменистану грант в размере 1,8 млн. долларов для строительства предприятия по производству грены тутового шелкопряда и приобретения в Китае необходимого оборудования. Установку и наладивание данного оборудования осуществила китайская компания «Цзянсуй».

Строительная отрасль

Данные о присутствии китайского бизнеса в строительной отрасли Туркменистана носят разрозненный характер. Известно лишь, что в период 2005–2007 годов китайская компания Capital Longji Sci-Nech Co. Ltd. выполнила ряд строительных заказов, среди которых следует выделить следующие:

- строительство 12-этажного здания в г. Ашгабате по заказу Министерства железнодорожного транспорта Туркменистана;
- строительство детского оздоровительного центра в п. Гекдер (южная часть Туркменистана) стоимостью около 8,6 млн. долларов.

Китайские проекты в Узбекистане

Нефтегазовая отрасль

Планы по освоению нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области, восточная часть Узбекистана). На территории Ферганской долины Узбекистана находится более 500 низкодебитных месторождений нефти, которые эксплуатируются более 90 лет и стабильно дают около 2 тонн нефти в сутки. В 2006 году Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC, дочерняя структура КННК) подписала соглашение с НХК «Узбекнефтегаз» на проведение геологоразведочных работ в пределах ферганского нефтегазоносного региона. На первом этапе, в течение 2006–2008 годов, планировалось провести сейсморазведочные работы. В случае открытия новых месторождений на инвестиционных блоках, CNODC и «Узбекнефтегаз» должны были создать ряд СП. При этом для освоения новых месторождений китайская сторона была готова предоставить гарантии на привлекаемые финансовые средства в размере около 106 млн. долларов. Однако наибольший интерес китайский бизнес пока проявил лишь к месторождениям в Наманганской области. Так, в начале 2007 года CNODC заявила об отказе в разработке нефтяных месторождений в Андижанской области, мотивировав свое решение нерентабельностью капиталовложений в связи с высокими ставками налога на недра при добыче углеводородов. Одновременно с этим в том же 2007 году между НХК «Узбекнефтегаз» и КННК было подписано Соглашение об основных принципах сотрудничества по совместной доразведке и последующей разработке месторождения «Мингбулак» в Наманганской области. Уже в 2008 году НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали учредительный договор и устав совместного предприятия «Мингбулакнефть». Учредителями данного СП, созданного на паритетных началах с долей участия сторон 50/50, выступили ОАО «Андижаннефть» и CNODC⁹².

---

⁹²Бурение скважин началось во второй половине 2009 года.

Подготовка к освоению нефтяных и газоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт (западная и северо-западная части Узбекистана). В мае 2005 года НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали соглашение о создании на паритетных началах совместного предприятия UzCNPC Petroleum с уставным капиталом около 96 млн. долларов. Основными целями деятельности СП были определены проведение геологоразведочных работ и последующая разработка месторождений с трудно извлекаемыми запасами жидких углеводородов (нефть и газовый конденсат). На баланс совместному предприятию было передано 23 месторождения, расположенных в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт. В конце 2006 года компания UzCNPC Petroleum приступила к геологоразведке на 5 инвестиционных блоках. Ожидается, что в случае получения положительных результатов, СП сможет добывать нефть и газовый конденсат в объеме до 1 млн. тонн в год. В течение 2006–2011 годов объемы китайских инвестиций по данному проекту могут составить не менее 208 млн. долларов. На начало же 2009 года эти инвестиции предположительно могли составить около 83 млн. долларов.

Планы по подготовке к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части Аральского моря (северо-западная часть Узбекистана). Запасы газа данных месторождений оцениваются примерно в 1 трлн. кубических метров, а нефти – порядка 150 млн. тонн. Проект осуществляется Международным консорциумом инвесторов (МКИ) в период до 2040 года. В состав МКИ с 2005 года входят «Узбекнефтегаз» (Узбекистан), «ЛУКОЙЛ» (Россия), «Петронас» (Petronas, Малайзия), КНОК (CNOOC, Корея) и КННК (Китай). Оператором проекта является созданная для этих целей компания Aral Sea Operating Company. По условиям соглашения, подписанного на 35 лет (период 2005–2040 годов), доля китайской стороны в МКИ составляет 10%. Если оценочные запасы газа подтвердятся, промышленная добыча на этих месторождениях потенциально может составить не менее 25 млрд. кубических метров газа в год. Первоначальная стоимость геологоразведочных работ по данному проекту оценивалась в размере 100 млн. долларов. Средства должны были вкладываться на паритетных условиях ино-

странными участниками МКИ (всеми участниками, кроме НХК «Узбекнефтегаз»). Предполагается, что на начало 2009 года из выше-указанной суммы уже было инвестировано порядка 54,8 млн. долларов (включая инвестиции КННК в объеме примерно 13,7 млн. долларов). К концу 2009 года ожидалось завершение геологоразведочных работ, и для этого в проект планировалось вложить еще 45,2 млн. долларов (включая примерно 11,5 млн. долларов инвестиций КННК).

Строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай». В июне 2008 года на территории Бухарской области (западная часть Узбекистана) началось строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», состоящего из двух параллельных веток, каждая протяженностью по 525 километров⁹³. Оператором проекта является созданное в 2007 году китайско-узбекское СП ООО Asia Trans Gaz. Co. Уполномоченным органом от Узбекистана по реализации данного проекта является НХК «Узбекнефтегаз», а со стороны КНР проект контролируется компанией Trans-Asia Gas Pipeline Co. Ltd. (дочерняя компания КННК). На трассе узбекского участка газопровода планировалось построить три газокompрессорных пункта, возвести измерительные узлы, вахтовые поселки и другие инфраструктурные сооружения. Проект осуществляется за счет инвестиций КННК. Стоимость первой ветки узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», которая была сдана в эксплуатацию в конце 2009 года, ориентировочно составила около 244,35 млн. долларов⁹⁴.

---

⁹³Первая ветка газопровода введена в строй в декабре 2009 года, а вторую планируется ввести в конце 2011 года.

⁹⁴Именно данную сумму «Узбекнефтегаз» и намерен был освоить до конца 2009 года.

Участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ (г. Мубарек, Кашкадарьинская область, юго-западная часть Узбекистана). Еще в 2004 году в рамках СП «Узбекнефтегаз» и «Газпром» планировали строительство установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Тогда оператором проекта была определена компания ОАО «Стройтрансгаз» (дочерняя компания «Газпрома»), которая в 2004 году выиграла соответствующий тендер. Предполагалось, что проектная мощность установки составит около 336 тыс. тонн сжиженного газа (пропан-бутановая смесь) и 150 тыс. тонн бензина в год. Реализация продукции предусматривалась как на экспорт, так и на внутреннем рынке Узбекистана. Однако в июне 2008 года «Стройтрансгаз» предложил увеличить стоимость проекта в связи с ростом цен на технологическое оборудование. Узбекская сторона отклонила эти предложения и заявила о намерении отказаться от участия «Стройтрансгаза» в реализации проекта. В августе 2008 года «Узбекнефтегаз» объявил новый тендер на поставку комплектного оборудования с проведением услуг (шеф-монтаж и пуско-наладка) для строительства установки получения сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Победителем тендера стала швейцарская компания Zeromax GmbH. Финансирование проекта планируется осуществить за счет кредита Государственного банка развития Китая – 85 млн. долларов, собственных средств НХК «Узбекнефтегаза» в размере 30,3 млн. долларов, кредита узбекского Фонда реконструкции и развития в размере 55,4 млн. долларов, кредитов узбекских коммерческих банков – 50 млн. долларов.

Планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования на территории Узбекистана. В 2008 году Китайская нефтяная корпорация по технологии и развитию (CPTDC) объявила о своем намерении организовать в Узбекистане производство труб и станков для нефтегазовой отрасли. В декабре этого же года в НХК «Узбекнефтегаз» состоялись переговоры с представителями CPTDC, в ходе которых стороны вновь обсудили возможности реализации этого проекта. В частности, предполагалось создать на базе АК «Узнефтегазмаш» ряд СП по производству (и сборке) следующей продукции:

труб для строительства газопроводов, обсадных труб для бурения скважин, стальных канатов, станков для ремонта скважин, а также насосов для добычи нефти⁹⁵.

Электроэнергетическая отрасль

Планы по строительству второй очереди Тупалангской МГЭС (Сурхандарьинская область, южная часть Узбекистана). Размер китайского кредита – 31,4 млн. долларов. Уже в начале 2006 года правительство Узбекистана приняло решение приостановить реализацию данного проекта из-за проблем с наполняемостью строящегося водохранилища.

Поставка китайского оборудования для строительства Андижанской МГЭС-2 (Андижанская область, восточная часть Узбекистана). Размер кредита – 10,03 млн. долларов. МГЭС введена в строй в 2010 году.

Поставка китайского оборудования для реконструкции Аханганской МГЭС (Ташкентская область). Размер кредита – 5 млн. долларов. Ввод объекта в эксплуатацию состоялся в 2010 году.

Транспортная отрасль

Планы по строительству узбекского участка железной дороги «Узбекистан – Кыргызстан – Китай». Еще в 1997 году КНР стала проявлять интерес к строительству железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», которая, по замыслу Пекина, должна сыграть важную роль в интенсификации китайско-центральноазиатских торгово-экономических отношений. Китай, Узбекистан и Кыргызстан создали на межправительственном уровне со-

---

⁹⁵По состоянию на начало 2010 года окончательное решение по проекту не принято.

вместную экспертную группу и рабочую комиссию. Их основной задачей было проведение предварительных исследовательских работ на территории своих стран на предмет осуществления проекта. В результате деятельности комиссии к концу 90-х годов были признаны перспективными 2 маршрута: северный («Кашгар – Торугарт – Арпа – Карасуу – Андижан») и южный («Кашгар – Иркештам – Сары-Таш – Ош – Андижан»). Однако до сих пор окончательно не решен вопрос финансирования строительства данной железной дороги. Ее стоимость оценивается в 1,2–1,3 млрд. долларов. Предполагается, что финансирование будет осуществляться как за счет бюджетов Китая, Узбекистана и Кыргызстана, так и за счет частных инвесторов. Однако в условиях мирового финансово-экономического кризиса перспективы строительства железнодорожной магистрали представляются неясными. Кроме того, очевидно, что этот проект экономически наиболее целесообразен в случае наличия в центральноазиатском регионе единого таможенного и транспортного пространства, признаков формирования чего пока также не просматривается.

Планы по строительству узбекского участка автомобильной дороги «Узбекистан – Кыргызстан – Китай». Начиная с середины 90-х годов, Китай неоднократно обсуждал с Узбекистаном вопрос о строительстве узбекского участка автомагистрали «Кашгар – Иркештам – Ош – Андижан». Этот проект имеет стратегическое значение для Пекина, так как планируемая магистраль станет частью самого короткого пути из Китая в Иран, и далее – на Ближний Восток. В свою очередь, по оценкам Министерства внешнеэкономических связей, торговли и инвестиций Узбекистана, после завершения этой дороги товарооборот между КНР и Узбекистаном может увеличиться на 30–40%. Обе страны демонстрируют заинтересованность в скорейшей реализации указанного проекта, а сами строительные работы осуществляются как Китаем, так и Узбекистаном. При этом сам Узбекистан придает большое значение развитию международного автотранспортного сообщения. В первой половине 2009 года в республике утверждена программа строительства национальной автомагистрали, рассчитанная на 2009–2014 годы. В рамках данной программы планируется построить четыре

участка автодорог общей протяженностью около 1500 километров по маршрутам международной автомагистрали Е-40 («Бейнеу – Кунград – Бухара – Самарканд – Ташкент – Андижан»). Автотрасса Е-40 пройдет от узбекско-казахстанской границы на северо-западе Узбекистана до г. Андижана. После завершения строительства автомагистрали Е-40 теоретически станет возможным масштабная транспортировка китайских товаров через узбекскую территорию. Однако на практике перспективы развития евроазиатских и трансазиатских международных маршрутов пока представляются неясными. В первую очередь, это связано с отсутствием единого транспортно-логистического и таможенного пространства в Центральной Азии. Это, в свою очередь, приводит к завышению транспортных издержек. К тому же ситуация усугубляется последствиями мирового финансово-экономического кризиса, что ведет к сокращению масштабов торговли.

Отрасль по производству строительных материалов

Строительство линии по производству цементного клинкера в г. Бекабаде (Ташкентская область). В начале 2008 года ОАО «Бекабадцемент» и китайская компания CFMC Engineering Co. Ltd. приступили к строительству новой линии по производству клинкера сухим способом. Предполагается, что проектная мощность новой линии составит около 850 тыс. цементного клинкера в год⁹⁶.

Строительство станции помола цемента в г. Кувасай (Ферганская область, восточная часть Узбекистана). В начале 2008 года ОАО «Кувасайцемент» и китайская компания CFMC Engineering Co. Ltd. достигли договоренности о модернизации имеющегося производства, в частности строительстве станции помола цемента. Проектная мощность новой станции планировалась на уровне 1,2 млн. тонн цемента в год. Объект введен в эксплуатацию в начале 2010 года.

---

⁹⁶Строительство планировалось завершить в 2010 году.

Строительство предприятия по производству гипсокартона (Андижанская область, восточная часть Узбекистана). В 2008 году создано и введено в строй узбекско-китайское СП Bellonu millennium по производству гипсокартона. Учредителями СП с узбекской стороны является ООО «Декар этит», а с китайской стороны – импортно-экспортная компания «Нуйеай цзиньда». Проектная мощность завода – 2,7 млн. квадратных метров гипсокартона в год.

Отрасль телекоммуникаций и связи

Производство телефонных аппаратов в г. Карши (Кашкадарьинская область, юго-западная часть Узбекистана). В 2006 году компания ZTE создала с АК «Узбектелеком» совместное предприятие по производству телефонных аппаратов в г. Карши.

Развитие системы телекоммуникаций в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях (южная часть Узбекистана). Китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd. ввела в строй современную магистральную оптико-волоконную линию связи «Карши – Термез». Данный проект стоимостью 18 млн. долларов профинансирован за счет кредита Китайского банка развития (China Development Bank).

Расширение телекоммуникационных сетей в г. Ташкенте. В рамках проекта, который был запущен в 2005 году, китайской компанией Alcatel Shanghai Bell на АТС г. Ташкента создано 78 тыс. новых телефонных абонентских портов.

Поставки китайского оборудования для спутникового телерадиовещания. В 2005 году компания Alcatel Shanghai Bell выиграла тендер на поставку в Узбекистан оборудования для спутникового телерадиовещания на сумму в 5,85 млн. долларов.

Поставки оборудования для узбекского оператора сотовой связи. В 2005 году китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd. стала

поставщиком технологического оборудования для узбекско-американского провайдера сотовой связи Perfectum Mobile.

Химическая отрасль

Строительство и эксплуатация завода по производству соды в г. Кунграде (Республика Каракалпакстан, северо-западная часть Узбекистана). Еще в 2002 году китайская компания SSITIC Group подписала с узбекской государственной компанией «Узхимпром» контракт на проектирование и строительство технологической части завода по производству соды стоимостью 32,3 млн. долларов. Пуск завода с проектной мощностью 100 тыс. тонн кальцинированной соды в год состоялся в 2006 году. Часть данной продукции экспортируется в Китай. Финансирование контракта было осуществлено за счет кредита Индустриально-коммерческого банка КНР в размере 29,2 млн. долларов, а остальные 3,1 млн. долларов выделил «Узпромстройбанк» (Узбекистан).

Электротехническая отрасль

Поставки и монтаж оборудования для завода бытовых холодильников СИНО (г. Самарканд)⁹⁷. В 2004 году китайские компании Henan Henfey Electric и Hayer Group осуществили поставку и монтаж оборудования на сумму в 5,5 млн. долларов для самаркандского завода бытовых холодильников «СИНО».

Аграрная отрасль

Присутствие Китая в агропромышленном комплексе Узбекистана в целом невелико и ограничивается в основном поставками в республику

---

⁹⁷Самаркандский завод по выпуску бытовых холодильников мощностью 250 тыс. штук в год был введен в эксплуатацию еще в 1973 году. После распада СССР объемы производства резко снизились, однако выпуск продукции полностью не прекращался. Самаркандский завод по форме собственности является ОАО, где государству принадлежит 25% акций.

сельскохозяйственной техники. Данные поставки осуществляются за счет кредитов ЭКСИМ-банка КНР. Информация об этом носит разрозненный характер. Достоверно известно лишь о следующих сделках:

- до 2007 года включительно Узбекистан осуществил закупки гидромелиоративной техники за счет китайских кредитов на сумму около 50 млн. долларов;
- в 2008 году китайская компания CNC Mashimpex поставила в Узбекистан очередную партию гидромелиоративной техники (63 экскаватора и 10 бульдозеров) на сумму в 8,5 млн. долларов. Данная техника предназначалась для работ по улучшению дренажного состояния земель в Ферганской области Узбекистана.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ПАРАМОНОВ Владимир Владимирович родился в г. Москве, окончил Свердловское суворовское военное училище, Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище, одну из российских академий. Ранее работал в качестве научного, старшего научного сотрудника, заведующего сектором «США и Европа» Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, руководителя Центра системных исследований, лектора Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, главного научного сотрудника / координатора исследований Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Геостратегия США в Центральной Азии». Проходил научно-исследовательские стажировки в ряде зарубежных университетов, в том числе Университете Джорджии (США), Университете Джонса Хопкинса (США), Университете Вулверхемптона (Великобритания), Университете Оксфорда (Великобритания), Университете Лондона (Великобритания). Автор и соавтор более 100 публикаций по вопросам стратегии США, РФ и КНР в Центральной Азии (аспекты внешней политики, экономики, безопасности, энергетики, институционального сотрудничества), российско-китайских отношений, а также информационно-аналитической работы.

СТРОКОВ Алексей Владимирович родился в г. Ташкенте, окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Работал научным сотрудником Государственного института органической химии и технологии (Саратовская область, Россия), научным, старшим и ведущим научным сотрудником Института химии и физики полимеров Академии наук Республики Узбекистан, аналитиком в системе Вооруженных сил Республики Узбекистан, аналитиком Центра системных исследований, лектором Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан. Привлекался в качестве эксперта к проектам ПРООН (Узбекистан) и Центра экономических исследований при службе государственного советника Президен-

та Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию в области химии. Автор и соавтор более 50 публикаций по вопросам стратегии РФ и КНР в Центральной Азии, российско-китайских отношений.

СТОЛПОВСКИЙ Олег Анатольевич родился в г. Ташкенте, окончил Череповецкое высшее военное училище радиоэлектроники, Ташкентский государственный институт иностранных языков. Служил на различных должностях в аналитических структурах ВС СССР, после 1991 года – Министерства обороны Республики Узбекистан, полковник запаса. Работал в Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан в качестве заведующего кафедрой «Проблемы безопасности». Автор и соавтор более 30 публикаций по вопросам региональной безопасности, Афганистану, политики РФ и КНР в Центральной Азии.

ДРУГИЕ КНИГИ АВТОРОВ

Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность.** – Бишкек, 2008 год. – 200 с.

Отношения России и Китая с Центральной Азией имеют богатую историю, в которой политика, экономика и безопасность тесно переплелись друг с другом. Традиционно центральноазиатское направление было одним из ключевых во внешней политике России и Китая. Это представляется естественным, учитывая расположение региона в центре Евразии – на стыке географии и интересов политики, экономики и безопасности двух данных держав.

Распад СССР привел к фактическому коллапсу экономических связей России с республиками Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном), одновре-

менно дав мощный импульс к развитию, а затем – интенсификации экономических отношений государств региона с Китаем. При этом на протяжении 90-х годов XX века Россия не придавала особого значения развитию отношений с регионом, в то время как Китай и многие другие страны стали постепенно занимать пустующие ниши.

В последние годы Россия, осознавая важность постсоветского пространства для укрепления своих международных позиций, стала форсировать процесс политического сближения со странами региона. Это, в свою очередь, способствовало значительной активизации экономических отношений и связей в сфере безопасности.

К чему может привести наблюдающееся сегодня, возможно, впервые в истории одновременное стремительное усиление присутствия России и Китая в Центральной Азии? Как представляется, попытаться найти ответ на этот крайне сложный вопрос можно только посредством детального анализа действий Москвы и Пекина в регионе и, в первую очередь, в сфере политики, экономики и безопасности.

ISBN 978-9967-24-911-0

Russia in Central Asia: Policy, Security and Economics

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность**, на английском языке. – Нью-Йорк, 2009 год. – 118 с.

В истории любой страны бывают моменты, когда она подходит к определенной черте, за которой сама жизнь вынуждает принимать решение о кардинальном пересмотре стратегии своего развития. Как правило, подобное происходит, когда прежний стратегический курс либо исчерпал себя, либо оказался глубоко ошибочным.

Именно у такой черты находится современная Россия. Главной же причиной тому является становящийся все более очевидным провал взятого еще в начале 90-х годов прошлого века внешнеполитического курса. Фундаментальные основы данного курса были заложены сразу

же после распада СССР, когда ельцинская Россия начала осуществлять политику по освобождению от «груза национальных республик».

Есть все основания утверждать, что период российской истории, начавшийся после распада СССР, впоследствии назовут «смутным временем» по аналогии с началом XVII века, когда обрушилась вся система государственной власти в России, а позиции Москвы в тогдашней системе международных отношений кардинально ослабли.

Сегодня Россия Медведева–Путина вновь столкнулась с проблемами поиска своего места в стремительно изменяющемся мире. Одним из лучших свидетельств этому является анализ шагов, предпринимаемых Россией в Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), в сфере политики, экономики и безопасности.

ISBN 978-1-60692-880-6

Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс?

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. **Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? (Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии).** – Барнаул, 2010 год. – 160 с.

Экономическая политика Китая в отношении Центральной Азии, являясь составной частью общей стратегии Пекина по превращению Китая в один из центров мировой экономики, постепенно эволюционирует в сторону повышения значения региона для китайской экономики.

В первой половине 90-х годов Китай фактически не предпринимал сколько-нибудь существенных попыток по экономическому проникновению в Центральную Азию. Но уже к середине – концу 90-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более четко, что во многом было обусловлено реализацией в КНР государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в

начале проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и значительном увеличении масштабов присутствия китайских производителей на потребительских рынках центральноазиатских государств.

В начале первого десятилетия XXI века значимость Центральной Азии для Китая кардинально возросла, что было продиктовано причинами уже не столько экономического, сколько военно-стратегического характера, поскольку после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного и оказался в центре мировой политики. В этой связи Пекин фактически перешел к тактике «мягкой экспансии» в Центральной Азии. Это выразилось в динамичном росте масштабов проектно-инвестиционного присутствия Китая и китайских компаний уже во всех странах региона, что оказало к тому же мощное стимулирующее воздействие и на китайско-центральноазиатскую торговлю.

Однако к чему ведет этот процесс? И что, в частности, этот процесс несет самой России, для которой центральноазиатский регион является зоной жизненно важных интересов, а экономическая интеграция с Центральной Азией – одним из принципиальных условий подъема национальной экономики?

ISBN 978-5-903387-26-7